

Г
О
Р
О
Д

Б
О
Л
Ь
Н
О
Й

С
О
В
Е
С
Т
И

М
А
Р
И
Я

С
М
И
Р
Н
О
В
А



09/11/2022

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Мария Смирнова

Город больной совести Книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68461192

SelfPub; 2023

Аннотация

Можно усыпить совесть, можно её купить, взяв в долю, но расплата всё равно наступит. Кого-то совесть изнутри доест раковыми проявлениями или ещё какой мучительной болезнью, дав время самому себе ответить на вопрос: «за что мне это, Господи?». Особо уверенных в своей безнаказанности ждёт изысканное меню от креативного Всевышнего в городе больной совести, где каждый встретится со своим животным страхом, и эта встреча затянется на вечность. Первая книга рассказывает, откуда и почему берутся посетители города больной совести. Она о трёх человеческих особях, продавших свою божью искру, дарованную им при рождении, ради алчности, гордыни, похоти и тщеславия. В результате этой сделки с дьяволом они совершили грех, вопиющий об отмщении: человекоубийство. И уже не важно, подтасовал ли ты закон, заменив факты ложью, чтобы осудить невиновного, сам ли ты накинул петлю на шею жертвы или понудил к этому, сам ли стреляешь в людей или только пожелал этого, передав исполнителю, божья кара найдёт.

Содержание

Глава 1.	5
Глава 2.	57
Глава 3.	128
Глава 4.	205

Мария Смирнова

Город больной совести Книга 1

Все события и персонажи вымышлены
автором, любые совпадения случайны.

Глава 1.

Серые грязные стены странных домов, державших узкую улочку в цепких объятиях, словно и ее сковали навалившейся со всех сторон непомерной тяжестью. Матильда со страхом смотрела на эти стены с мертвыми окнами, на нависающие прямо над головой крыши, как будто подпирающие упавшее на них серое мутное небо, и не могла тронуться с места. Кричать и звать на помощь почему-то не хотелось. Она просто стояла на будто вросших в грязный булыжник ногах и тупо озиралась по сторонам. На странной улице не только не было ни души, казалось, что здесь не жил ни один звук. Но и тишина была какая-то ватная, непроницаемая. Последнее обстоятельство вселило в Матильду просто панический ужас, но и он не смог подвигнуть ее на какое-либо действие, раздирая животным страхом все изнутри. Боль в висках стала невыносимой, но даже сжать голову, готовую взорваться, она не могла, руки, как и все тело, отказывались подчиняться.

Внезапно боль исчезла, и Матильда отчётливо почувствовала, как кто-то сзади невесомо толкнул ее в спину, и она послушно побрела по скользким от грязи и сырости булыжникам. Ей было абсолютно все равно, кто идет сзади и направляет ее, странный город будто лишил ее воли и способности к сопротивлению. Впервые в своей долгой и активной жизни

Матильда узнала чувство безысходной покорности в сонном безразличии к собственной судьбе. Ей было все равно кто, куда и зачем ее ведет, что с ней будет через минуту или через час, она просто брела, спотыкаясь и скользя по узкой серой улочке, и ни о чем не думала. Впервые в жизни Матильда Исааковна Таборная ни о чем не думала!

Невидимый спутник легонько толкнул ее в левое плечо, и Матильда ввалилась в темный дверной проем. Снова невесомый толчок спину, несколько вялых шагов в темноте и тусклый огонек в углу высветил несколько предметов, составлявших убранство помещения. Справа от Матильды у стены стояло что-то наподобие грубо сколоченной длинной скамьи, и она боязливо обернулась на спутника, как бы прося разрешение присесть. Ответом был очередной легкий толчок, и Матильда с облегчением рухнула всем своим дородным телом на плохо струганные доски. Она хотела прикрыть глаза, но веки не слушались. Мимо проскользнула огромная тень и на Матильду пахнуло крепким запахом давно не мытого мужского тела. Первое осознанное ощущение было весьма неприятно, но и чувство брезгливости было каким-то ватным. Она проводила вонючую тень тупым взглядом и увидела, стоящий на изящном маленьком столике, красивый светильник старинной работы. Слабый огонек освещал не более полуметра вокруг, но этого было достаточно, чтобы разглядеть сидящего в роскошном антикварном кресле огромного мужика неопределенного возраста. Матильда вдруг от-

метила вернувшуюся способность к мышлению и восприятию. Ватное оцепенение отпустило, и она решила прояснить ситуацию в привычной ей манере допроса. Но едва Матильда открыла рот, как обнаружила, что язык вовсе не намерен ее слушаться. Вместо отработанных властных ноток изо рта вылетел жалких хрип.

Повторив попытку и получив тот же результат, Матильда втянула голову в плечи и испуганно посмотрела в сторону мужика. Слабое пламя высветило его колючий взгляд, играющую на тонких губах усмешку, и Матильда просто вжалась в сырую стену позади лавки на которой сидела.

Мужик смотрел на нее тяжелым взглядом. Матильда почувствовала, как сырость стены пропитала её одежду на спине, но даже не пошевелилась. Выступивший на лбу пот ледяными струйками стекал по её лицу, но желания стереть его хотя бы с глаз так же не появилось. Внезапно где-то внутри ее головы словно загудела заводская труба, и кто-то заговорил с ней. Потом словно повернули ручку регулировки звука и Матильда стала различать слова. Не понятным образом она догадалась, что с ней говорит сидящий напротив мужик. Губы его не разжимались, но она понимала, что это именно он задает ей вопросы. Странно, но и это обстоятельство ее даже не удивило. Таборная попыталась понять, что именно он ей говорит. Через минуту все стало предельно ясно. Этот мужик зачем-то ведёт её по давно и прочно забытым эпизодам прожитых лет, которые были основой её успешности и

материального благополучия на зависть многим, но именно их Матильда стёрла из своей памяти, ибо гордиться в них собой не получалось никак. Ей и сейчас совсем не хотелось этих воспоминаний, но, словно под действием «сыворотки правды», Матильда, с присущей ей обстоятельностью, стала не просто вспоминать детали, но и переживать давно прошедшие события, но в этот раз не отстранённо, как это всегда бывало раньше, а отчего-то остро и очень болезненно. Первая в жизни исповедь далась ей не только с трудом, но и с нестерпимой, раздирающей и изматывающей тело болью, и она сразу поняла, что за первым приступом будет следующий и только от этого, сидящего напротив её мужика, зависит, когда и чем закончится эта пытка. Болели не душа или совесть, нет. Выворачивало суставы и остатки мышц, вытягивало сухожилия, вены и даже самые мелкие сосуды. Матильда и не силилась понять как, но она видела своё потрёпанное прожитыми без малого восьмидесятью четырьмя годами тело изнутри во всех деталях, видела и чувствовала одновременно, как струнами или тетивой лука натягиваются её жилы, готовые лопнуть в любой момент и в крике срывала голос от нестерпимой боли и ужаса. Боль прекращалась так же внезапно, и Матильда как робот продолжала выполнение заданной программы.

В послужном списке самого дорогостоящего и авторитетного адвоката провинциального сибирского городка Холмск-5, «Заслуженного юриста России» Матильды Исаа-

ковны Таборной, этот обвинительный приговор, как и само уголовное дело, были по счету где-то в третьей тысяче, а то и больше, за долгие 45 лет верной службы сначала советскому, а затем и российскому праву или не право, но судию. Что и как будет написано в этом вердикте суда, Таборная знала почти дословно, ведь они созванивались с судьей не один раз, уточняя детали и формулировки, поэтому Матильда откровенно скучала, переминаясь с ноги на ногу в ожидании завершения действия. Она детально рассматривала брюссельские кружева на выглядывающих из-под рукавов изящного английского костюмчика манжетах своей кофточки и вспоминала, как выбирала их в маленьком магазинчике, недалеко от фонтана с писающим мальчиком. Воспоминания были настолько приятными, что Таборная погрузилась в них, как в теплую ванну, и даже прикрыла глаза. В лицо словно пахнуло свежестью утреннего воздуха и свежевывытой брюссельской мостовой. Первые этажи уютных невысоких старинных домиков светились аккуратными витринками с чудными товарами. В одних были выставлены изумительные вышивки, в других фантастические ювелирные украшения, в третьих восхитительные фигурки ангелов всех размеров, в четвертых изделия с обожаемыми Матильдой кружевами. Она всегда ныряла в эти магазинчики и подолгу перебирала руками тончайшую паутину кружев с причудливыми узорами, всегда находя что-то для своего гардероба или постельных наборов.

Томные воспоминания адвоката Таборной грубо прервал глухой грохот, который означал, что очередной чувствительной дамочке стало плохо в душном зале, и она свалилась на лавку, перед которой стояла. Матильда, не открывая глаз, с досадой поморщилась от перспективы. Сейчас судья объявит перерыв, чтобы вынести всех из зала и вызвать скорую, а значит домой она попадет на полчаса, а то и на час позже, рискуя опоздать к началу любимого сериала. Обреченно вдохнув, Таборная открыла глаза и стала оглядывать зал суда от двери. Народ стоял молча и плотными рядами. Матильда перевела взгляд на судью и краем глаза зацепила что-то большое и темное, лежащее у противоположной стены. Слегка сощутив свои близорукие глаза, она разглядела на полу крупное мужское тело в военном мундире. Матильда удивленно вздернула тонкие бровки и вопросительно посмотрела на судью.

Несколько секунд судья еще размеренно зачитывала приговор и в зале стояла тишина. Пронзительный крик осужденного впился в гнетущее оцепенение и все как-то сразу пришло в движение. Несколько человек подскочили к неподвижно лежащему полковнику и, подхватив его за плечи, положили на переднюю скамью. Паренек в клетке опустил на колени и смотрел в бледное лицо отца широко раскрытыми глазами, медленно наполняющимися влагой. Судья спокойным голосом объявила перерыв, велела судебному приставу освободить зал и вызвать скорую помощь, после этого уда-

лилась.

Матильда Исааковна Таборная, проводив судью взглядом, так же удалилась в комнату адвокатов и заварила себе чашечку любимого кофе, банка которого всегда стояла в шкафчике рядом с ее белоснежной чашечкой из тонкого китайского фарфора. Сервиз она привезла еще в конце пятидесятых из командировки в Китай, когда две великих державы не просто дружили, а были братскими и постоянно обменивались делегациями и опытом управления доставшимся им народцем.

Китайцы обучались в советских вузах, китайские термосы, полотенца, фарфоровые сервизы тоже можно было достать, но уже не всем. Свой чайный сервиз Матильда купила в Пекине в первый свой визит в Китай, когда в составе сибирской делегации обменивалась каким-то опытом с китайскими товарищами. Тогда, в пятьдесят седьмом, она в свои двадцать пять добывала себе место в таких делегациях далеко не опытом или выдающимися знаниями, а другими своими качествами. Красавицей Матильда не была никогда. Редкие волосенки золотистого цвета, доставшиеся в наследство от мамочки, ей постоянно приходилось закручивать сначала на бумажки, а потом на самые мелкие резиновые бигудёшки, что бы на утро голова выглядела прилично. Маленькие глазки и тонкие губы надо было четко подводить, чтобы выделить их на круглом бледноватом лице. Пухлая невысокая фигура так же не привлекал мужской взгляд, но зато у Ма-

Матильда Прозоровой с детства был волевой и целеустремленный характер. Она всегда была лидером, начиная со школы, и заставляла себя уважать, а если требовалось, то и бояться. В студенческие годы Матильда часто засиживалась в архивном отделе научной библиотеки, где за дефицитную коробочку конфет можно было добыть запретную литературу, просветившую её в искусстве сладостных утех.

В 1957 году в городскую коллегия адвокатов Прозорова поступила в июле, но когда в августе выбирали кто поедет в Китай в составе сборной делегации, на это место не рискнула претендовать даже заведующая, ведь Матильда сразу тихо, но внятно заявила, что поедет именно она. Все давно были в курсе, что ее не просто так частенько видят в приемной первого секретаря горкома партии, влияющей к нему в кабинет, после чего секретарь не менее часа обещала позвонить всем желающим попасть к первому, как только он освободится от переговоров с Москвой. Матильду так заглазно и звали: «Москва золотоголовая», но даже спорить с ней никто не пытался, понимая, что очередной ее визит к первому может стать концом карьеры спорщика, в лучшем случае, или началом больших проблем и бед, если Матильда рассердится всерьез.

Ровно через восемь месяцев, после возвращения из Китая, Матильда Прозорова, а теперь Таборная, родила сына своему первому и последнему мужу Таборному Василию, руководителю той самой, сборной делегации. Поговаривали,

что Вася получил повышение по службе в городском отделе КГБ сразу после женитьбы на «Москве златоглавой» именно за то, что узаконил рождение сына Матильды и первого, но эти разговоры, появившиеся ниоткуда, туда же быстро и растворились, а вместо «Москвы» в кабинет первого зачастила новая пассия, что никоим образом не пошатнуло позиций отставной любовницы, за которой теперь стояло ещё и всесильное ведомство. Все это было далеко в прошлом, но наработанные годами связи и авторитет давно и, практически без сбоев, верно служили Матильде, помогая без труда выигрывать в суде дела, за которые благодарные и далеко не бедные клиенты всегда щедро платили, а на тех, кто не мог себе позволить услуги Таборной, она не разменивалась даже будучи дежурным адвокатом. Нищего «клиента» брал себе следующий по очереди коллега.

Матильда тратила все гонорары исключительно на себя любимую. Годами перед ней стелились в стремлении угодить самому «классному» адвокату Холмска-5 все заведующие магазинов с дефицитными товарами. Она, одновременно с жёнами «отцов» города, выбирала новые наряды и в её коллекции, наверное, было не многим меньше шикарных и дорогих костюмов, чем у королевы Великобритании Елизаветы второй, которую Таборная копировала внешне до мелочей. Единственное, чего она не могла себе позволить в гардеробе, это шляпки, статус адвоката не позволял. Ещё в лихие девяностые, обогатившие её за счёт защиты бандюганов всех ма-

стей, до почти королевских доходов, в очередном, оплаченном государством, визите в Китай, она прикупила себе три изумительного качества паричка из натуральных волос, тонном совпадающих с её натуральным цветом и теперь проблема причёски отпала. Она периодически отдавала своей парикмахерше парички на обновление причёски, и её голова, со своими почти полностью вылезшими волосиками, с утра всегда была безупречна, как и строгие костюмы пастельных тонов и отделанные неизменными тончайшими кружевами блузки, украшенные дорогими брошами с самоцветами чистой воды.

В судах Холмска-5 и областного центра у Таборной давно авторитет работал на неё и отнюдь не по её знаниям и опыту. Таборная, как старая цирковая лошадь, привыкшая ходить по кругу арены, до последнего печатала все судебные бумаги на печатной машинке, игнорируя компьютерные текстовые программы. Она освоила компьютерный текстовик только после нескольких вполне наглых, и прямо озвученных в заседаниях, претензий развязной дочери её давнышней знакомой замихи директора самой старой школы города. Эта зараза решила вдруг заняться правовой защитой, да ещё и в свободном плавании, оформив предпринимательство. И всё бы ничего, мало ли всяких в судах подвизается, если бы Мирка всё и всегда не делала, явно страдая комплексом отличницы, а упрямства ей было не занимать. И в кого только пошла эта зараза ? Мать Миры Стариковой самый компромиссный и

внушаемый человек из всех знакомых Матильды, отец жене поперёк слова сроду не сказал наверняка, был добряк-добряковский, сын пошёл, и в мать, и в отца, а вот дочка у них выросла ведьма-ведьмой. Она с детства была ещё той оторвой и атаманшей, на что ей не раз жаловалась её мать, хотя училась всегда легко и была круглой отличницей. Без труда закончив университет, между учёбой успев после второго курса выйти замуж, после третьего родить дочку, а после четвёртого развестись с красавцем-спортсменом, работающим, непьющим, восходящей звездой дзю-до, Мирка укатила в Москву со свободным дипломом. От её матери, как страшно гордившейся успехами дочери, так и переживающей за эту бунтарку, вечно ввязывающуюся в бой с ветряными мельницами, Матильда знала о Мирке всё, ну или почти всё. Девка хлебнула лиха со своим непростым характером и непоколебимой уверенностью, что все должны быть честными, и в жизни, и в работе, но и не думала меняться, только закаляясь в боях и находила новое место, где требовалось навести , с её точки зрения, порядок. Получала Мира Старикова каждый раз крепко, но она всегда добивалась своего и это подтверждалось фактами. Её мать и отец, приехав от дочери, рассказывали как хвалили их чадо и коллеги, и друзья, как их на красивых машинах встречали и провожали начальники, благодаря за то, что вырастили такую замечательную дочь, просто Жанну ДеАрк.

В одной такой схватке Мирка лишь чудом осталась жи-

ва и долго проходила лечение в Москве. Что там, на Украине, произошло на самом деле, она, похоже, родным не рассказала, но в отпуск приезжала с этого времени почему-то в темных очках. И вот эта воительница вернулась в город после восьмилетних гастролей, да ещё и с новым мужем – красавцем, моложе её аж на семь лет и возомнила себя императрицей, не меньше, всея Холмск-5, намереваясь потеснить на этом пьедестале саму «Москву златоглавую». Таборная гордилась этим некогда прилипшим к ней прозвищем и уступать своё первенство никому не собиралась, тем более этой балбеске с завышенным самомнением. Будучи по первому образованию программистом, Мирка, естественно, владела компьютером в совершенстве, и нагло заявила уже второй раз в судебных заседаниях, что может бесплатно позаниматься с мадам Таборной, что бы та не мучила суд и представителя другой стороны пляшущими буквами разбитой печатной машинки. Вот прямо так и сказала, да ещё и с такой говорящей ухмылкой, явно за текстом намекая на то, что и сама Таборная, по её мнению, старая разбитая рухлядь, которой пора сидеть на печке, а не шастать по судам, мороча людям голову. Матильда в ответ промолчала, поджав губы, потому что ей уже именно эти слова невоспитанной двумя педагогами халды добросовестно передал не один доброхот. По сравнению с недавно брошенным прямо ей в лицо толи проклятием, толи предсказанием, Мирка была сейчас корректна. После тех миркиных слов Таборная упустила про-

цесс и проиграла суд.

Перед этим заседанием, вывернув от лифта, Матильда увидела, как Старикова Мирка обрабатывает её клиентку в коридоре суда и подлетела к ним с приказом клиентке прекратить разговор. Мирка встала с лавки, на которой они сидели с бывшей заведующей одним из отделений местной медицины, а теперь умирающей от тяжёлой болезни одинокой пенсионерки, брошенной и мужем, и сыном, которую они с помощью Таборной подбили выписать из её великолепной трёхкомнатной квартиры единственного внука с бывшей невесткой, которая одна и ухаживала за старухой. Мирка всё это уже поняла и, окатив Матильду волной презрения, тихо, но очень отчётливо произнесла:

– Я, в отличие от Вас, Матильда Исааковна, сейчас действую в интересах вашей доверительницы в первую очередь. Моя клиентка и её сын молоды, здоровы, у них есть любящая семья, в отличие от Людмилы Григорьевны, которую Вы, именно Вы, по заказу нанявших Вас мерзавцев, обрекаете на одиночество в последние дни её жизни. Я знаю, что уже нанята сиделка, что бы Нюточку больше не подпустить к Людмиле Григорьевне и, возможно, убыстрить её уход в мир иной с освобождением вожделенной двумя скотами квартиры. Да, да, город у нас слишком маленький для тайн мадридского двора, неужели Вы не в курсе, Матильда Исааковна? Не стоит быть дешевле денег, заслуженный юрист России ! Вы толкаете больного человека, злоупотребляя её доверием,

к окончанию её дней без радости и в муках совести, а ведь вашей доверительнице и без того тяжко. Ради чего Вы так с ней мне понятно, Вас кроме денег никогда и ничего больше не интересовало в этой жизни, но Вам давно пора о душе подумать. Я предлагаю Вам задуматься, сколько жизней Вы уже погубили и сколько судеб уже сломали своим поганым языком, потому что Вам на том свете предстоит им вылизывать раскалённые сковородки, вот и посчитайте на досуге, сколько тысяч их уже накопилось и стоит ли к ним добавлять и сегодняшнюю! – звенящим от возмущения голосом закончила Мирка и пошла в приёмную к секретарю судьи.

Гадюка попала в точку и была права во всём. Муж клиентки, укативший на Алтай, подальше от больной супруги, который не был зарегистрирован в не приватизированной квартире супруги, нанявший Таборную, намеревался с её же помощью провернуть афёру, кинув пасынка- конченного алкоголика, через свою регистрацию после выписки конкурентов и смерти ответственного квартиросъёмщика, прибрать квартиру к рукам и щедро платил за это. Бывшую жену и сына, муж и отец вынудил съехать постоянными пьяными дебошами и избиениями. Отчим больше месяца щедро поил пасынка и науськивал его на жену, пока старуха лечилась в стационаре, и девчонка не выдержала издевательств. Она ушла к родителям, забрав сына и свои вещи.

Когда Людмила Григорьевна вернулась из больницы, муж поначалу со всем старанием изображал заботу, но через

неделю ему это надоело, да и пасынок опять свалился в крутой запой, украв у матери всю пенсию, и быстрая на расправу супруга и мать, несколько десятилетий державшая в кулаке крупное отделение офтальмологии в госпитальном комплексе, выгнала обоих мужиков из квартиры взашей и позвонила невестке. Нюточка пришла, но вернуться с вещами и сыном не рискнула, помня недавние издевательства на глазах малыша, поэтому формально, хоть и с большой натяжкой, основания для признания утратившими право были, хотя в случае снятия с учёта несовершеннолетнего, имели место и нюансы, но и они не составляли проблемы для Таборной. Не составляли бы в случае любого другого представителя. Эта мелкая засранка Мирка, похоже рассказала её клиентке почему ушла невестка, кто и что задумал с помощью Матильды, потому что клиентка упёрлась в своём решении и заявила, что этот иск она отзывает или как там надо отказаться, а вот иск по признанию утратившим право её сына, требует подать и выиграть непременно. Людмила Григорьевна так же заявила, что после неё смерти квартира целиком достанется только снохе и внуку, согласившись с торжествующей Миркой, что лишаться квалифицированной помощи невестки, операционной сестры по образованию и профилю работы, в её состоянии не разумно, да и лишит себя радости общения с единственными верными и искренне любящими её Нюточкой и Максимкой просто глупо.

Это был первый в её жизни и просто оглушительный про-

игрыш. Матильда, не сумевшая отделаться от навязчивых образов и, мысленно пересчитывающая в уме сковородки, выпала в астрал, и от такого заявления клиентки, вогнавшего и судью в ступор, на её удивлённый и вопросительный взгляд, смогла только пожать плечами, мол хозяин-барин. При помощи довольно улыбающейся Стариковой, секретарь внесла всё необходимое в протокол, и судья удалилась для вынесения определения о прекращении дела в связи с отказом истицы от исковых требований. Матильда решила не дожидаться оглашения определения и, как побитая собака, плохо справляясь с задачей держать спину прямо, тенью просочилась в дверь зала суда и побрела вниз. В новом здании суда Холмска-5 не было привычной комнаты адвокатов, где можно было бы спрятаться сейчас, пока она сможет справиться с эмоциями и прекратить навязанный ей Миркой подсчёт сковородок. Матильда спустилась в холл к гардеробу и, надевая пальто, вспомнила как эта балбеска прилюдно и громко выдала перл в переполненном публикой холле суда, что в этом здании весьма мирно уживаются сразу два Дворца Правосудия и Кривосудия со своими служителями и нагло усталилась на Таборную, на которую тут же дружно посмотрели и остальные. К какому дворцу приписала Матильду Мирка ни у кого вопроса не возникло, и Таборная поёжилась от направленных на неё презрительных взглядов.

– Ведьма, точно ведьма! – подумала Матильда и решила, что больше в одном зале суда ей с этой халдой встречаться не

резон, так можно выйти в тираж, так сказать. Постаравшись забыть первый и последний процесс, где они встретились с Мирой Стариковой, она вернулась на свой привычный круг. Единственным новшеством, привнесённым в её жизнь, был приобретённый ею компьютер, который и правда оказался для набора и исправления текста куда удобнее пишущей машинки, но даже мысленно она не поблагодарила Старикову за подсказку, демонстративно игнорируя её приветствия в коридорах суда.

Быстро начавшее меняться с начала 2000 годов законодательство как будто проходило мимо Матильды Таборной, и монотонным голосом она продолжала зачитывать в суде полчасовые выступления, усыплявшие даже судей своей пустотой и ссылками на давно утратившие силу постановления и нормы закона. Всё вернулось на круги своя и жизнь снова потекла в привычном русле. В судебном процессе с её участием всегда было просто представление для непосвященных, потому что решение или приговор оговаривались с соответствующими заместителями председателя суда и фактически принимались сразу после поступления дела в суд, направлялись нужному судье для формального проведения действия и оплачивались суммой, соответствующей степени сложности правовой эквилибристики. Конечно, некоторые коллеги Матильды, так же решали дела в суде, но к Таборной обращались с делами, требующими особого мухлеза на грани приличий, для вердикта и рядом не лежащего с зако-

ном, когда требовалась железобетонная гарантия, что нужное устоится в любом случае.

Вот и сегодня Таборная закончила вовсе не простое уголовное дело в пользу своего подзащитного, переведённого из подозреваемых в ранг свидетеля ещё на следствии, хотя по нему тюрьма рыдала весьма горькими слезами. Но мальчику посчастливилось родиться в семье городского прокурора, старшего советника юстиции Кошелева, в скором времени прокурора Холмской области, и поэтому он не мог сесть в тюрьму по определению. Вместо этого садиста и мерзавца долгий срок в строгаче потянет ни в чём не повинный водитель, нанятый по несчастью сын отставного полковника, инвалида-афганца. Вся эта суета в зале и коридоре суда Матильды уже не касалась. Отец осужденного с ее помощью парнишки мог сколько угодно биться оземь и изображать сердечный приступ, но изменить он уже ничего не сможет, она, как всегда, блестяще провела процесс по подчищенным местам, с добавленными фиктивными доказательствами уголовному делу о двойном убийстве, и теперь оставалось только получить от папаши, выведенного ею из под удара гадёныша, свой гонорар, сумма которого нежно согревала, готовясь ревероплотиться в очередную эксклюзивную шубку. Матильда заказала новый наряд по каталогу еще месяц назад и уже завтра получит его в салоне. Мысленно кутаясь в пьянящий невесомостью мех, она блаженно прикрыла глаза и откинулась на спинку уютного кожаного кресла.

– Матильда Исааковна, оглашение приговора переносится на завтра! Вера Викентьевна просто в шоке, читать дальше не может! Не каждый день такое случается! – прервал ее сладкие ощущения визгливый голос Леночки, секретаря судьи Мучкиной.

– Лена, ну что ты всегда визжишь, как бензопила! – недовольно буркнула, оторвалась от приятных ощущений, адвокат Таборная.

– Простите, Матильдочка Исааковна, я не нарочно! Представляете, тоже мне боевой офицер, афганец, душманов крошил, как яйца, да и мужик еще молодой, а умер! Правда, правда. Прямо как свалился там, в зале суда, на глазах у сына. Бедненький осужденный, ему и так в зону, а тут еще и отец. . . Интересно, его на похороны отпустят, как Вы думаете, Матильда Исааковна?– еще громче заверещала Лена, плюхнувшись на диван напротив Таборной.

Матильда быстро разложила ситуацию, ведь смысл сказанного был прост и понятен. Отец осужденного, услышав обвинительный приговор суда, выбыл из борьбы и это хорошо. Неприятно, конечно, что это случилось в суде, при полном зале. Пересудами и домыслами город будет жужжать, как растревоженный улей. Десятки глаз будут пристально наблюдать и за ее реакцией. Черт побери, поход в салон придется отложить на неопределенное время или вызвать управляющего с шубой инкогнито на дом. Презентацию обнови так же придется отложить. Неприятно, но и только, ведь есть и

положительный момент. У осужденного, кроме друзей – студентов и бабки- пенсионерки никого нет, а, значит, оплачивать далее услуги платного защитника будет некому. Толик, с которым некогда они вместе служили местной Фемиде в госколлегии, за каждый чих взывает дополнительную оплату и апелляцию сочинять за красивые глаза не станет. Он, правда, в процессе и так не особо мешал, но дежурный адвокат, которого предоставит осужденному сиротке суд, накарябает просто формальную жалобу и приговор устоится без всяких сомнений и дополнительных усилий с её стороны.

–Ладно, Леночка, до завтра! Комнату закрой за мной, что-то я устала сегодня. Вызову такси и домой, на отлежку, а то сама ненароком разболеюсь от таких переживаний! -нарочито медленно и с придыханием произнесла Таборная и вышла в коридор.

На ступеньках у суда стояли несколько групп, и Матильда вполне реально ощутила, как впились в её лицо несколько десятков глаз, пылающих гневом и злым презрением. Толпа юнцов молча проводила ее взглядом до подкатившего к входу такси и, только захлопнув за собой тяжелую бронированную дверь квартиры, Матильда смогла перевести дух.

На следующий день безучастному ко всему осужденному вручили приговор и умница Толик, подсунув ему заявление об отказе от его услуг, незамедлительно переключился на другую платную защиту, оставив нищего подзащитного на дежурного адвоката. Машенька Суворина, назначенная вме-

сто него судом, вымучила из себя три странички формального текста и приговор без труда вступил в силу через две недели. Прокурорский сынок отбыл на учебу и перевоспитание к лондонской родне, а осужденный стараниями Матильды вместо него парнишка отправился на долгие пятнадцать лет в колонию строгого режима. Город постепенно успокоился, и Матильда обновила шубку, купленную на прокурорский гонорар. Тогда, двадцать лет назад, она и подумать не могла, что это рядовое дельце еще напомнит о себе, да ещё и так страшно.

Старший советник юстиции Кошелев был мужчиной видным. Его густые черные волосы благородно подсвечивала седина на висках, грубоватое лицо украшали красивые карие глаза и волевой подбородок, статную фигуру выгодно подчеркивал прокурорский мундир. Кресло городского прокурора он занял совсем недавно и был «варягом» из области, поэтому адвокат Таборная и не была еще с ним знакома. Когда помощник Кошелева попросил ее по телефону подъехать к новому прокурору, Матильда слегка сдрейфила. Буквально накануне по договоренности с начальником ОБЭП было прекращено уголовное преследование в отношении ее клиента и там далеко не все было сделано законно и чисто. Дело как раз находилось в прокуратуре на утверждении. Что если новый хозяин прокуратуры углядел откровенные подчистки и следы изъятых из дела документов? Надо, надо было подождать пару недель и приглядеться к «варягу», черт его знает,

куда он пометет своей метлой и кого выметет в запале!

Матильда решила держать лицо и уже по обстоятельствам подтянуть для решения вопроса связи и, если потребуется, «тяжёлую артиллерию». Она твёрдым шагом зашла в кабинет нового прокурора Холмска-5 и, не дожидаясь приглашения, решительно плюхнула на столик, примыкавший к рабочему столу, свою брендовую сумку-портфель, резко отодвинула стул и уселась с прямой спиной напротив внимательно наблюдавшего за ней брутального красавца. Несколько минут они как бы изучали друг друга, а потом прокурор достал из ящика стола знакомую ей подшивку и, положив дело на стол, похлопал по верхнему тому уголовного дела крупной ладонью.

– Думаю, Матильда Исааковна, мы оба понимаем, что, как и почему оказалось или исчезло из этих томов. А по сему я не буду тянуть кота за хвост и сразу перейду к делу. Я буду откровенен, поэтому этот разговор останется между нами и ничего, что будет произнесено в этом кабинете, не выйдет за его порог. Я не спрашиваю вашего согласия, мне это не нужно. Я уверен, что мы не только поймём друг друга, но и не будем выяснять, кто из нас пристяжная, а кто ведущий. Мы в одной упряжке, и мы с Вами сработаемся. Я намерен недолго задержаться в этом кресле, это вынужденная пауза и меня давно ждёт куда более аппетитная должность. Но вместо кресла областного прокурора я вынужден переждать грозу в этом кабинете, и именно Вы поможете мне вернуть за-

служенное, а я Вам буду весьма благодарен. Сумму гонорара назовёте Вы, Матильда Исааковна и я уплачу, как бы велика она не была, потому что на кону куда более значительные и суммы и перспективы.

Матильда лихорадочно перебирала все последние сплетни и слухи о Кошелеве и не могла понять, чем она может быть полезна новому прокурору. Видимо недоумение и немой вопрос стали столь очевидны, что он досадливо сморщился и выдавил с явным усилием:

– Наградил меня Господь, Матильда Исааковна, наследничком. Люблю паршивца до потери ума, вот и вырастил монстрика. Он с шести лет с мамашей в Лондоне живёт, и я беды не знал до сих пор, пацан как пацан рос. Пока маленький был, брал его к себе на всё лето, потом на месяц-два в год, да сам мотался к ним. Как учиться начал в Вестминстерском университете, мы только по скайпу и общались, поэтому я обрадовался, когда сын сообщил, что решил папашу навестить и порисоваться перед сибирскими деваками, надоели, видите ли, ему дочки наших олигархов и чопорные англичаночки из закрытых пансионатов. Типа решил себе жену из наших, сибирских красавиц, подобрать, что бы уже английскую тусовку в беспросветную зависть вогнать. Пацану двадцать второй уже пошёл, самое время обзавестись семьёй и обязанностями, что бы дурь не отвлекала. Ну, а перед свадьбой, гульнуть по-пацански надо, по себе знаю. Я ему к приезду тачку прикупил реальную, водителя нанял, что бы сын

статусно выглядел и на мелочи типа выпить или нет не заморачивался, квартиру снял приличную, что бы было где «кастинг» проводить, денжат на карту кинул, что бы ни в чём себе не отказывал. А он такое сотворил, что пока еле держу ситуацию под контролем, но уже обратный отсчёт пошел. Сами понимаете, на место областного прокурора и кроме меня желающие есть и шепотки уже пошли.

Матильда гулко сглотнула, понимая уже, что предстоит далеко не простое дельце и очень, ну очень рискованное. А, главное, отказаться никак нельзя. Тут или пан или пропал, вернее пропала. Мать твою...

—Я могу ознакомиться с материалами, Илья Павлович ? — разом осипшим от волнения голосом поинтересовалась Матильда.

Кошелев тяжело вздохнул, убрал со стола тома «скользкого дела» из ОБЭП и выложил на стол весьма жидкую папочку с завязками, что означало, что дело пока только формируется и следствие явно в самом начале.

Матильда взяла папку, сняла свою сумку на соседний стул и потянула за завязки. Кошелев извинился и, сказав, что выйдет покурить, оставил её одну в своём кабинете, закрыв входную дверь на ключ. Матильду от звука поворачивающегося ключа прошиб холодный пот, и она уже с дрожью в руках раскрыла папку. Под рапортом лежали фотографии с места преступления и, от взгляда на первые два снимка, заслуженный юрист России забыла как дышать. Она всякое виде-

ла за годы своей адвокатской работы, особенно в лихие девяностые. Были и отпечатки утюгов, и следы паяльников в положенных местах, и последствия насилия различными предметами и многочисленные ножевые раны, разбитые головы, сожженные трупы. Но лохмотья оторванной от костей плоти, свисающие с двух девичьих тел, подвешенных за кисти рук к толстой ветке корявой старой берёзы, вызвали рвотный позыв, который Матильда еле подавила, сунув быстро в рот мятный леденец, который таскала от простуды и для подавления кашля. Дальше можно было не смотреть, Матильде всё стало ясно. Она встала и подошла к окну кабинета прокурора. Внизу стояла на парковке её любимая машинка, которую она купила пять лет назад на гонорарчик с примерно такой же секретности и подлости дела, где вместо проворовавшегося областного начальника присели на кругленькие срока два его подчинённых, а сам «колобок» укатился руководить и воровать дальше в соседнюю область, но обещал вернуться и ещё послужить Матильде и её покровителям, спасшим его задницу, верой и деньжатами из подвластной ему бюджетной кормушки.

– Ну что же, - подумала Матильда, дело препротивненькое, но от того и прибыльное, а потому надо определиться сколько запросить сверху тарифа гонораром, что бы ни себя, ни прокурора не обидеть. Она прикинула время, которое уйдёт на инструктаж следователя, дрессировку липовых свидетелей, по уже намеченной ею линии защиты прокурорского

ублюдка-садиста, согласование деталей процесса в судах и, подойдя к столу прокурора, написала на двух бумажках две суммы своего гонорара и накладных расходов, пометив соответствующими начальными буквами. Гонорар был значительно скромнее, но Матильда знала, сколько прилипнет к её рукам из суммы неподотчётных и не проверяемых накладных расходов и мысленно улыбнулась, уверенная, что прокурор явно наблюдает за ней через установленную в кабинете камеру.

– Х.. с тобой, наблюдай сколько хочешь! Записанный наш разговор, вернее твой монолог, полежит и у меня гарантией твоего молчания, умник, – подумала Матильда и присела к столу. Буквально через минуту в кабинете появился и Кошелев, от которого совсем не пахло табаком от свежевыкуренной сигареты, и Матильда снова мысленно ухмыльнулась правильности своих выводов, но на её лице не отразилось и тени сарказма.

Кошелев быстрым шагом пересёк кабинет весьма внушительных размеров, как и всё в этом здании из ряда сталинских построек, плюхнулся в своё кресло и подтянул к себе бумажки с цифрами. Мельком взглянув на написанное Матильдой, он быстро скомкал обе, кинул в стоящую на столе пепельницу и поджёг весьма дорогостоящей зажигалкой. Матильда знала толк в мужских игрушках, тешащих самолюбие и демонстрирующих статус хозяина, ведь сама не раз и не два подносила нужным людям такие «пустячки», под-

бирая их тщательно под характер и запросы будущего обладателя, и практически сразу, и всё поняла про нового прокурора закрытого города. Они точно сработаются, и этот brutальный красавчик послужит ей не раз не только и не столько в благодарность за спасённую задницу сыночка-извращенца. Матильда неторопливо подняла на столик свою сумку-портфель, так же не торопясь завязала тесёмки на бумажной папочке с пока скудным набором доказательств по уголовному делу, положила её в портфель и, сдержанно попрощавшись, покинула прокуратуру.

Едва Матильда добралась до адвокатской коллегии и зашла в свой кабинет, как в дверь заглянула её помощница и сообщила, что курьер принёс цветы, но настаивает на передаче заказа лично в руки Матильде Исааковне Таборной. Матильда царственно кивнула головой, и в кабинет вошёл молодой мужчина в хорошем штатском костюме, но с явной военной выправкой и, поприветствовав, протянул ей букет и коробку конфет, перевязанную праздничной лентой с пышным бантом-цветком в центре. Под перевязью лежала накладная, которую Матильда подписала, усмехнувшись, и мнимый курьер растворился за дверью. Ритуал передачи аванса по заключённой сделке был отработан до мелочей, и Матильду интересовала лишь сумма, лежащая в коробке. Она быстро закрыла дверь на ключ и, присев за свой стол, медленно потянула за кончик упаковочной ленты. Сумма приятно удивила добавленным к накладным расходам бону-

сом. Матильда достала из коробки две внушительных пачки стодолларовых купюр и, сняв банковские упаковки, стала медленно пересчитывать, пахнувшие лучше всех ароматов мира, бумажки. Она не проверяла правильность расчёта, ей просто нравилось это занятие, которое умиротворяло и дарило ощущения не сравнимые ни с чем, ну разве что с давним оргазмом, испытанным ею единственный раз в жизни и бережно хранимым в памяти. На втором курсе юридического её научный руководитель, вместо разбора курсовой, растелив Матильду, на продавленном диване его холостяцкой квартиры, преподал ей урок чувственных наслаждений. До этого Матильда, утратившая невинность ещё на первом курсе во время поездки на уборку картошки в районный совхоз, несколько раз пыталась понять, о чём с таким придыханием шепчутся девчонки и хихикают парни, делясь впечатлениями кто и сколько раз за ночь кончил и как их партнёрши корябали им от страсти спину. Ни в первый, ни в последующие разы, Матильда ничего приятного в этом сопении и слюнях как сверху, так и внизу, не нашла. А вот Сергей Иннокентьевич открыл для неё целую гамму приятного и необычного. Видимо Матильда его разочаровала, потому что продолжения отношений, как она не добивалась, не последовало, но его совету изучить камасутру и техники тантрического секса, Матильда вняла и была ему за это весьма благодарна. Отшлифовав затем теорию на практике с сокурсниками и их друзьями, она научилась подбирать интимный ключик к лю-

бой особи мужского пола, при чём любого возраста, темперамента и привычек. Сокурсники её просто обожали, надеясь быть облагодетельствованными Матильдой хоть ещё разок, и на всех вечеринках, на зависть остальным девчонкам, у неё не было отбоя от приглашений на танец. Девчонки догадывались, что дело не чисто, но парни хранили молчание, т.к. каждого из них , после доставленного им удовольствия, Матильда предупредила, что одно пророненное слово не только лишит хвастуна её расположения, но он будет жестоко наказан. И сокурсники хранили обет молчания , данный своей даме, вот только сердце здесь было явно не при чём. Матильда умела одарить мужичка незабываемыми ощущениями, и это ей неизменно помогало в решении любых проблем и для достижения поставленных целей, пока у неё был ресурс молодости, который она использовала по полной для завоевания своего весьма комфортного и стабильного места под солнцем. Матильда раз за разом пересчитывала купюры, перекладывая их из руки в руку и наслаждалась процессом и вдруг в памяти всплыло воспоминание, как она пересчитывает не такие гладенькие и хрустящие стодолларовые купюры, изумительно пахнущие ароматом богатства и исполнения любых желаний и капризов души, а мятые желто-коричневые рубли, иногда зелёные трёшки и совсем редко синие пятёрки. То было не раз и не два в советские годы, когда знаменитые артисты отработывали концерт за трёху, а она, уже вполне именитый адвокат, таскалась вечерами за копейки на

факультативы по школам, а в выходные по библиотекам города, читала от общества «Знание» лекции о праве в стране советов. Матильда любила деньги больше вкусовостей и нарядов, а привычка перекладывать их при пересчёте из руки в руку появилась именно тогда, когда эти мятые рублики надо было зарабатывать приложением усилий, походами по тёмным тротуарам в осенние и зимние вечера, потраченными выходными на общение с равнодушной и откровенно скучающей публикой, собранной ради галочки в плане и оправдания сумм в ведомости. Она таскалась месяц за месяцем и год за годом, десятилетиями, потому что ей за это платили эти мятые рублики, а не сидела в уютном кресле с чашечкой кофе или рюмочкой коньяка перед экраном телевизора, как она это делает сейчас, когда её гонорары измеряются пачками долларов.

– Как молоды мы были, Как молоды мы были, Как искренне любили, Как верили в себя! – мысленно пропела Матильда и настроение резко испортилось. Она вдруг с грустью подумала, что никого она в своей жизни искренне так и не полюбила. Ни-ко –го из всех свои многочисленных сексуальных партнёров. Про единственного мужа, за которого вышла «по залёту», но с маленькой пикантной подробностью, что и он и она прекрасно знали, что «залёт» к нему никакого отношения не имеет и это всего лишь сделка, и говорить нечего. Его она даже и не ублажила ни разу, он довольствовался не частым и необременительным для обоих «супружеским

долгом». Матильда вспомнила brutального красавца прокурора, но и он на роль рокового возлюбленного явно не подходил. Слишком Кошелев влюблён в себя, чтобы полюбить кого-то ещё, а ей нужен был не просто сексуальный партнёр, этого добра хватало, а такой «декабрист» как у распроклятой Мирки. Это же как и чем надо было так увлечь мужика, что он бросил молодую жену, уболтав её на развод без скандала, и рванул в Сибирь из тёплой Украины вслед за сорвавшейся в конце декабря любимой женщиной, затащив её в ЗАГС буквально накануне отъезда. Все эти подробности поведала его теща, сама обалдевшая от неожиданного приезда дочери с новым мужем. Миркина мать как заполошная прибежала к ней прямо в контору с просьбой помочь в оформлении пропуска новому родственнику в закрытый Холмск-5. Матильда помогла потому что её разбирало любопытство, что за мужичка тащит с собой тридцатипятилетняя побитая жизнью женщина, четырнадцать лет даже не искавшая себе мужа, чем расстраивала родителей. Воображение услужливо ей нарисовало неказистого лысоватого мужичка в очёчках и мятом костюме инженера. Но когда Матильда увидела Мирку с её супругом в общем зале на новогоднем вечере в самом востребованном ресторане города, отличное настроение, подогретое рюмочкой любимого рома, улетучилось в миг. Статная молодая женщина в удивительной красоты дорогом платье насыщенного фиолетового цвета, на высокоченных каблуках шикарных туфель «золушкиного» разме-

ра, так же фиолетовых, и с такими же стразами, что и в отделке платья, без очков, но с красивой причёской, прикрывающей один глаз, опиралась на руку стройного черноволосого красавчика с глазами – маслинами, светившимися обожанием, которые он просто не сводил с Мирки, Матильда испытала шок. Она медленно добрела до туалетной комнаты и вернулась в банкетный зал, где праздновали Новый год бонзы города, в пресквернейшем настроении. Её давила не просто жаба, а жабища слоновьих размеров. Едва дождавшись боя курантов и момента, когда компания разобьётся по интересам, Матильда тихонечко выскользнула в кабинет директрисы ресторана, и вызванный дежурный из административного гаража увёз её окружными путями домой, потому что площадь и центральный проспект города заполнили горожане, празднующие приход нового 1994 года.

Швырнув в угол прихожей изящную театральную сумочку и шубу, Матильда прямо в сапогах прошла на кухню и, достав из бара бутылку кубинского рома, налила себе полный стакан, без раздумий опрокинув в себя обжигающую жидкость. Тяжело опустившись на стул, она стащила с ног сапоги и вспомнила, что в кабинете директрисы или в машине оставила пакет с туфлями и подарками, но даже это её так не расстроило, как миркин молодой муж. Перед глазами стояла рыжеволосая бестия в фиолетовом наряде и ласкающий её взглядом бархатных глаз красавец в чёрном, которому эта зараза на высоченных каблучищах и со взбитой начёсом ше-

велюрой едва доставала до подбородка. Вот тебе и маленький, толстенький, лысенький и, непременно, старенький, как рисовало Матильде её воображение то, что могла подцепить на Украине Мирка. В ту Новогоднюю ночь Матильда нажралась в хлам и уснула прямо в кресле перед телевизором. Под утро её замутило, и до прихода Маняши она просидела на полу ванной, повиснув на унитазах. С желчью вышло немного жабьей зависти и, отпоенная заботливой Маняшей, заварившей её чудодейственные травы, Матильда, наконец заснула почти здоровым сном и проспала до следующего утра. Если бы она знала, что Мирка, ударившая её под дых своим видом и новым мужем, нокаутирует её ещё и в суде, Матильда костями бы легла, что бы эта парочка никогда не появилась в Холмске-5.

Таборная вынырнула из горестных воспоминаний, сложила полученные пачки стодолларовых бумажек в сейф и открыла кабинет, пора было приступить к отработке. Участь пацана, оказавшегося просто не в том месте и не в то время была решена ещё в кабинете прокурора и предстояло, особо не напрягаясь, исполнить уже срежиссированный в её голове спектакль под громким названием «российское правосудие» и именем Российской Федерации отправить на уже оговорённые с Кошелевым 15 лет невинного, что бы его сынок-ублюдок и садист, спокойно укатил в Англию и продолжил наслаждаться жизнью родившегося с золотой ложкой во рту счастливого, а его папаша так же спокойно взгромоз-

дился в кресло областного прокурора. Матильде платили так щедро именно за такой исход дела, и она никого не разочарует.

Следователь, эксперты, свидетели, как гайцы, так и соседи из подъезда, где для развлечений сыночка его властный и любящий папаша снял квартирку, исполнили свои партии как в сыгранном профессиональном оркестре. Гособвинитель был убедителен и суров, судья и тщательно подобранные присяжные внимательны, вдумчивы и справедливы, а сама Матильда, руководившая этим действием, ещё и внимательно следила, как Толик, нанятый отцом подсудимого, изящно топил пацана по-чёрному. Её же подзащитный проходил свидетелем по делу и в процессе не участвовал, т.к. проходил лечение после полученной психической травмы от сотворённого его личным водителем, и его показания, написанные им под диктовку Матильды, с согласия всех сторон судебного процесса были оглашены, став одним из самых весомых доказательств вины подсудимого.

Исповедь Матильды странному мужику с тяжёлым и пронзительным взглядом сопровождалась накатывающимися и отступающими болевыми ощущениями в всём теле, изматывающими и заставлявшими корчиться от боли на неструганной лавке или биться затылком о каменную стену сзади, орать или стонать, потому что терпеть было просто невозможно. Когда боль отступала, и Матильда снова обретала зрение, она каждый раз, как бабочка на булавку, будто

нанизывалась на острый взгляд страшного мужика и ,обводя помутневшим от боли взором подсвеченные лампой пространство пыточной, раз за разом не находила спасения и , помимо своей воли, продолжала вспоминать подробности своей жизни, ранее казавшейся ей успешной и правильной, но за которую она теперь терпела эти муки. После очередной болевой волны, в которой она захлебнулась собственным криком, Матильда вдруг ясно уловила закономерность, что боль накрывает её, когда она вспоминает реакцию конкретного человека, которому её слова или действия наносили тот или иной удар. Она теперь чувствовала то, что чувствовали они, но с многократным усилением и это показалось ей несправедливым. Матильда собралась с силами и уставилась в глаза мужику с немим вопросом, почему она испытывает многократно усиленную боль, на что мужик, на лице которого не дрогнул ни один мускул, ответил равнодушно, что таково избранное наказание. Матильда мысленно взывала от безысходности, поняв, что обжалованию вынесенный ей приговор не подлежит и... проснулась.

Безумным от ещё весьма ощутимых отголосков испытанной боли во всём теле взглядом Матильда шарила по лепнине на потолке её спальни и попыталась разжать сведённые судорогой пальцы, скомкавшие одеяло. За окном было уже светло и пробившееся сквозь тяжёлые портьеры октябрьское солнышко ещё тёплыми лучиками пыталось дотянуться до потного лба Матильды, но она только досадливо поморщи-

лась и отвернулась. Настроение было просто отвратительное и слабость во всём теле после отпустившей боли улучшить его явно не могла. Матильда попыталась встать с кровати и, когда с третьей попытки ей это удалось, она на подгибающихся от слабости ногах поплелась в совмещённый санузел. Через полчаса вялых попыток привести себя в приличный вид, Матильда смирилась с их тщетностью и, зло глянув в роскошное зеркало, отразившее с беспощадной прямоотой скрюченное убожество с синюшным лицом и трясущимися конечностями, поплелась на кухню, держась за стены коридора. Следовало позвонить Маняше и вызвать помощницу по хозяйству и кухарку, но и на кухне Матильда не нашла сотового телефона. Пришлось ползти сначала в зал, искать портфель, потом в гардеробную и шарить в карманах пальто. Сотовый как провалился в преисподнюю. Матильда поймала себя на последней мысли и ночной кошмар снова накрыл леденящим ужасом. Это надо такому присниться, что до сих пор она ощущает себя выжатым до корки лимоном.

Услышав где-то у входной двери мелодию сотового аппарата, Матильда облегчённо выдохнула и потащилась в прихожую. Сотовый валялся в левом сапожке, что удивило несказанно. Матильда прекрасно помнила, что на юбилее мэра лишь пригубила бокал с шампанским и довольно быстро удалилась с помпезного праздника. Суэта подобных мероприятий давно напрягала и, отбив положенное время, Матильда всегда удалялась по-английски, к чему все давно

привыкли, понимающе кивая ей в след, возраст, мол, даёт о себе знать. Эти понимающие взгляды бесили её невероятно и утешало только то обстоятельство, что уже многие её одноклассники, да и значительно моложе знакомые и коллеги давно расквартировались на холмском городском кладбище, а она вон всё ещё щеголяет в своих дорогуших нарядах и украшениях, меняет по настроению шубки и живёт в своё удовольствие в меру сил и здоровья.

Звонила председатель Московской коллегии адвокатов, в которой, со времени присвоения ей звания «Заслуженный юрист России», числилась Таборная, что бы справиться о делах, здоровье и пригласить на торжественное заседание к дню юриста, которое почтит своим вниманием и выступлением сам Владимир Владимирович. От таких приглашений отказываться не принято и, прикинув, что до 3 декабря она успеет, если потребуется, поправить здоровье в санатории или в клинике, Матильда ответила заверением непременно прибыть в белокаменную насколько смогла бодрым и даже весёлым голосом. Председатель коллегии попрощалась, и Матильда, наконец, набрала номер Маняши, которая принеслась буквально через двадцать минут, бросив все свои дела и многочисленную ораву внуков. Матильду выбешивал её неизменно здоровый вид, хотя она была всего на год младше Матильды, но заменить её на другую домуправительницу она не могла. Маняша некогда была её помощницей в адвокатуре и могла бы стать вполне успешным юристом, но выбрала се-

мью, родив своему Мишане пятерых детей, так и проработав до досрочной пенсии помощницей адвоката Таборной. Маняша знала все привычки и предпочтения Матильды до мелочей и умела угодить и угадать как никто другой, что нужно Тильдочке, как она её называла, когда они были вдвоём. Так звала Матильду её бабушка, единственный близкий и дорогой для неё человек, которую Маняша знала с детства, т.к. дружили девочки с детского садика.

Маняша всплеснула своими полными жизни и здоровья жилистыми руками, увидев в кресле зала растрёпанную и бледную Матильду, сумевшую накинуть поверх ночной сорочки банный халат и теперь зябко кутавшейся в него.

– Тильдочка, неужто что несвежее у мэра вчера подали? Отравилась никак? – заверещала Маняша и приложила ладонь к потному лбу Матильды. – Ой, да ты вся мокрая и просто ледяная. Я сейчас доктору позвоню, Тильдочка, я сейчас, милая, потерпи я скоренько, – засуетилась она и через полчаса в квартиру влетел перепуганный Ефим Абрамович с двумя молодцами и девахой, которые сняли кардиограмму, мудрёными прибабасами к миниатюрному прибору взяли какие-то анализы и измерили всё, что велел профессор Цукерман. Просмотрев результаты, доктор успокоился и уже обстоятельно осмотрел Матильду. Он подробно расспросил о предшествующем дне, что было и что ощущала. Матильда так же обстоятельно ответила на все вопросы, уже понимая, что единственной причиной её недомогания является ноч-

ной кошмар, но рассказывать об этом не спешила, подозревая, что профессор тут же вызовет психиатра, и они отправят её в лучшем случае в НИИ Психиатрии при Холмском медицинском университете, что тут же станет известно всем, включая московскую коллегияю.

Цукерман, будто услышал её мысли, внимательно посмотрел на Матильду и спросил прямо :

– Что снилось сегодня ночью, как спалось, Матильдочка. Давай как на духу, что так встревожило мою девочку ?

Матильда вздрогнула и затравленно посмотрела в глаза старого друга, уличенными стеклами дорогой и стильной оправы брендовых очков. Цукерман велел всем, включая Маняшу, удалиться на кухню и попить чайку или кофейку, которые в этом доме всегда отменные и, плотно притворив дверь спальни, присел на кровать рядом с лежащей на подушках Матильдой.

– Колись, дорогая, судя по твоему состоянию дело серьёзное и проблемы опять только в твоей головушке, умница ты разумница. Опять горе от ума Что стряслось? Неужто опять Андрюшку во сне видела или Вася опять приходил тебя душить? Уж больше двадцати пяти лет прошло, как мы с тобой с этими видениями справились, неужто вернулась болячка?

Матильда хотела отрицательно помотать головой, но воспоминания вдруг навалились всей тяжестью и по сморщенным щекам помимо её воли полились горячие и очень солёные слёзы.

Андрюшенька, её единственный ребёнок, плод греха. Ненавидимый её мужем, оформленным в свидетельстве о рождении его отцом, рос сын с самого нежного возраста неслухом и своевольником, несмотря на усиленную заботу его прабабушки и прадеда, взявших на себя его воспитание при вечно занятых родителях и рано ушедшей в иной мир их дочери, матери Матильды и бабушки Андрюши.

Сначала Матильда пыталась стать сыну хорошей матерью, но он, видимо чувствуя фальшь её увещеваний слушаться папу, которого он не воспринимал ни в каком качестве, отвечая взрослому непробиваемому бирюку взаимностью, отдалился от неё и замкнулся. Матильда, решив по совету бабушки переждать подростковый период и уже с взрослым сыном наладить отношения, стала отделяться от Андрюши дорогими подарками, что только усугубило положение. Когда ему исполнилось 18 лет умерла бабушка, а следом за любимой через месяц ушёл и дед. Сын стал жить в перешедшей ему по завещанию прадедов квартире самостоятельно на оставленные ему же денежные вклады. Соседи сначала жаловались родителям на частые шумные компании в квартире соседа, но скоро поняли, что родители для него не авторитет, а привлечь милицию не решались.

А потом пришли лихие девяностые и Андрюшенька сначала скупал ваучеры, потом их продавал, что-то вкладывал куда-то, но на все попытки Матильды предостеречь, выяснить суть сделок, предложения помочь, отвечал надменным

отказом и советом заниматься своими делами, улаживая любимого мужа и деловых партнёров.

Гром грянул в середине девяностых, ровно на двадцатый день рождения Андрюшки. Она, как всегда, с самого утра, чтобы не помешать планам сына, прихватила пухлый конверт с пачкой стодолларовых купюр в качестве подарка, приехала к сыну и позвонила в дверь. Минут через пять дверь открыла зачуханная деваха, сам вид которой, подтверждённый исколотыми руками, выдавал сходу наркоманку со стажем. В квартире, куда, стараясь не наступить на валяющихся в коридоре и комнатах тела, прошла Матильда в поисках сына, был настоящий наркопритон. Она нашла Андрея на кухне. Трясущимися руками он набирал в шприц из столовой ложки, которую он держал над зажжённым фитилём керосиновой лампы, бурую жидкость. Матильда вскрикнула и Андрей выронил ложку, расплескав жидкость по полу. Он медленно поднял на мать мутные глаза и заорал страшно и надрывно:

– Пошла вон, пошла вон, убирайся !

Под ногами Матильды зашевелились тела и, перескакивая через копошащихся на полу наркоманов, Матильда выскочила из квартиры сына и, вылетев из подъезда на улицу, трясущимися руками набрала номер мужа. Уже не боясь пересудов и скандала, Матильда железной рукой затолкала на лечение сына и отчистила от следов вольной жизни квартиру. Муж самоустранился от проблемы с Андреем и это по-

двигло Матильду к юридическому расторжению давно уже формально существующего брака. Она ничего не потеряла от развода, скорее приобрела, а вот Васеньке вдруг перестало фортичь и уже примеренное им к заду кресло заместителя руководителя в областном управлении безопасности занял варяг и соседней области, а Васеньке предложили почётную пенсию по выслуге лет. И Вася запил по-чёрному, но Матильду это уже не волновала ни в какой мере, ей и с сыном хлопот привалило достаточно. Она Андрея и в дальнюю обитель отправляла, где из медикаментозно вычищенных наркоманов пытались воспитать полезных членов общества, нагружая трудом и заботой о других нуждающихся в помощи. Она и на Урал в екатеринбургский Фонд Евгения Ройзмана «Город без наркотиков» обращалась. Все попытки заканчивались одним и тем же, Андрей снова срывался.

А потом случилось то, что случилось. Как-то таким же как сейчас, тёплым осенним вечером, она решила прогуляться по шуршащим золотой листвой тротуарам прибрежного парка и добрела домой позже обычного, когда соседи дружно погрузились в несчастья и страсти рабыни из бразильского сериала. Подъезд был пуст. Матильда поднялась на свой третий этаж и уже открыла дверь, когда сзади кто-то схватил её за горло и стал душить. Пахнуло жуткой вонью перегара и давно не мытого мужского тела. Этот хрячный запах бомжей Матильда не переносила и, изловчившись, двинула со всей силы локтем по немного отшатнувшемуся в этот момент те-

лу. Мужик сзади охнул и слегка ослабил хватку. Матильда резко обернулась и приготовилась пнуть носком ботинка в коленную чашечку или в пах, если повезёт достать, как учили её некогда на курсах самообороны, организованных московской коллегии адвокатов в её сибирских филиалах. Нога так и зависла в полусогнутом состоянии, потому что перед ней, согнувшись, глядя на неё из под бровей запавшими и воспалёнными глазами на давно не бритой физиономии, стоял, пошатываясь, бывший муж. Матильда оперлась на дверь и, дрожащим от пережитого страха голосом, спросила :

– Вася, ты с ума сошёл? Ты меня не узнал или забыл где я живу? Что с тобой случилось, Вася ?

Василий помотал нечёсаной головой с весьма уже очевидной лысиной на макушке и выдохнул, распространяя жуткую вонь изо рта, выдающую уже весьма серьёзные проблемы и с желудком.

– А ты, типа не в курсе, что со мной , курва, подстилка беспросветная? Меня же по твоей указке на пенсию попёрли вместо повышения. Я сразу понял, что ты мне за своего нагулянного невесть с кем ублюдка-наркомана отомстила. Убью, сука конченная!– заорал во всё горло Василий и снова сомкнул потные лапищи на шее Матильды.

Очнулась Матильда уже в палате клиники Цукермана и о том, что случилось в подъезде у её квартиры узнала из коряво написанного, как и все милицейские рапорта и прочие документы, опросов и допросов свидетелей и подозреваемо-

го-обвиняемого, её сына Андрея.

Андрей шел к матери, надеясь разжиться деньгами на дозу под видом намерения вернуться в обитель в Могочино. Больше взять денег было негде, а ломало уже конкретно. На первом этаже он услышал возню, потом крик и поспешил наверх, где и увидел, что отец душил мать, и она уже закатила глаза, обвисла без сопротивления, сползая по дверному полотну входной двери её квартиры. Андрей снизу пнул отца в ногу и ударил его кулаком в голову. Как потом оказалось, он попал прямо в висок, проломив височную кость. Василий Таборный захрипел, и, свалившись на лестничном пролёте, покатился вниз, а Андрей кинулся к матери и стал звать на помощь. Соседи, наконец, оторвались от телевизионных страстей, и включились в соседскую трагедию. Приехавшие милиционеры вызвали скорую помощь, но врач констатировал смерть Василия, а Матильду отвезли в клинику к Цукерману, как велел Андрей. Сына же увезли в отделении милиции, где вызванные врачи облегчили его страдания от ломки, что бы он мог более менее внятно пояснить, что и как произошло, т.к. соседи видели уже финал драмы.

Матильда вызвала в клинику Маняшу, сказала ей где и сколько взять денег на достойные похороны Василия, как и где всё организовать, кому позвонить в московской коллегии и вызвать в Холмск для защиты сына, пока она будет проходить лечение в клинике.

Васю в морге привели в порядок, побрили, постригли, за-

гримировали, и в гробу он выглядел весьма пристойно, как сказала Маняша. Матильда на похороны бывшего мужа не смогла пойти, да и не стремилась.

Андрюше дали четыре года, и Матильда сама настояла на реальном сроке, надеясь, что в колонии сын распрощается с пагубной привычкой. В колонии за Андреем строго следил сам начальник и за страх и за денежки, поэтому наркозависимость сыну удалось побороть. Он вышел условно-досрочно через два года с небольшим и, поначалу, всё было спокойно и достойно. Они с сыном даже начали общаться, и Матильда уже решила, что все позади, как Андрей снова подкатил ей проблему, взяв у откровенных бандюганов, сменивших спортивный костюм на цивильный мужской пиджак и брюки, крупную сумму под невыносимые проценты на какой-то сомнительный бизнес с астраханской икрой и вяленой воблой.

Пригнанная в Холмск икра оказалась с душком и мешки с вяленой воблой спасти положение и перекрыть ущерб от тонны икры не смогли. Братки воблу забрали к пиву, списав проценты за пару дней, а остальное повесили долгом на Андрея. Матильда попыталась прибегнуть к своим связям, что бы урезонить новоявленных бизнесменов хоть в части процентов, но помочь пообещали многие, а в результате не помог никто.

Пришлось продать квартиру дедов и, добавив из своих накоплений, загасить долг сына. По праву наследования по закону Андрею могла бы отойти квартира юридического отца,

но вдруг объявившаяся из ниоткуда неизвестная Матильде двоюродная сестра Васи, по суду признала Андрея недостойным наследником, и Матильда ничего не смогла сделать, потому что сестричка дошла бы до Верховного суда. Андрею пришлось снять однокомнатную малосемейку, но через год он опять влез в какую-то авантюру, и Матильда отказалась одолжить ему денег, резонно рассудив, что если она каждый раз будет его вытаскивать, он так и продолжит встrevать в истории. Если бы она знала, что в этот раз сын говорил правду и эти несчастные 200 тысяч рублей будут стоить ему жизни, она, конечно же, дала бы эти смешные для неё деньги. Сын тогда, в их последнюю встречу, плакал всерьёз, а она подумала, что он опять притворяется. Андрюша так серьёзно посмотрел ей в глаза и произнёс как-то печально и спокойно, как никогда с ней не говорил :

– Прости меня, мама, и прощай!

Ей бы тогда удержать его, а она закрыла за ним дверь и пошла к печатной машинке, набирать очередное исковое заявление очередному клиенту. Оплата двух таких несложных гражданских дел спасла бы жизнь её единственному сыну, но она ничего не почувствовала, ни когда её Андрюшеньку пытали, ни когда он умер, она спокойно печатала текст пояснений к исковому заявлению, составляла ходатайства. Мать ничегошеньки не почувствовала в то время, когда её сыну, её кровинушке было больно, очень больно...

Маняша долго не подпускала Матильду проститься с сы-

ном. Он лежал в красивом лакированном гробу в элегантном черном костюме. Обычно зачёсанные назад волосы, которые Андрей собирал в хвост, сейчас обрамляли лицо необычно оформленной стрижкой, и, когда Матильда наклонилась, чтобы поцеловать сына, через просвечивающие волосы отчётливо увидела швы и заметила очень толстый слой грима. Она осторожно приоткрыла покрывало, прикрывшее руки кроме правых большого и указательного пальцев, с воткнутой в бумажку свечкой, и опытным взглядом зацепила деформацию на закрытых пальцах. Одновременно с осознанием, что Андрея зверски пытали перед смертью из-за несчастных 200 тысяч рублей, Матильда едва не потеряла сознание. Нет она не упала в обморок, но как будто выпала из действительности и дальнейшее уже не помнила. А ночью после его похорон Андрей пришёл к ней в первый раз. Он ничего не говорил, а только смотрел на неё тем прощальным взглядом и уходил в темноту. Она кричала ему вслед и пыталась вернуть, но ноги были ватными. Матильда не могла их оторвать от булыжной мостовой, грязной и скользкой по ощущениям, в которой её ноги странно тонули без погружения, но как в топком болоте. Сына уже не было видно, а она всё кричала и кричала, а утром проснулась с осипшим до свистящего шёпота голосом. Потом он пришёл перед девятым днём и на сороковины. А потом они стали приходиться вместе. Сначала приходил Андрей, а когда он растворился в пустоте, Матильду окутывало хрячным зловоньем и одновременно в её шею

вцеплялись холодные и склизкие пальцы. Она начинала задыхаться и ...просыпалась вся в ледяной испарине от пережитого страха.

Промучившись несколько дней практически без сна, Матильда позвонила Цукерману и попросила с ней встретиться. Ефим Абрамович внимательно её выслушал и тут же набрал кого-то в своём сотовом. Говорил он на иврите, и Матильда не поняла ни слова, но когда Цукерман закончил разговор, она по его взгляду уловила всю серьёзность проблемы и попросила только где-нибудь подальше, и сугубо конфиденциально. Лечилась она почти полтора месяца в израильской частной клинике коллеги Цукермана. Для всех Матильда поехала на мёртвое море на отдых и профилактику после перенесённой трагедии. Начатые дела она передала Толику, поставила к нему для надзора за качеством работы Машуню и велела всех страждущих записывать лично к ней на приём месяца через два.

Из Израиля адвокат Таборная вернулась буквально помолодевшей, как отметили все коллеги и стали просить адресок столь чудодейственного места. Матильда к вопросам была готова и сходу называла самый дорогой пансионат с санаторно-курортным лечением от ведущих израильских клиник, щедро раздавая всем желающим специально добытые и привезённые с собой проспекты. От сумм в долларах, указанных в них, кто-то присвистывал, другие изумлённо охали, а Матильда всем отвечала, что деньги для того и существу-

ют, что бы их тратить, иначе зачем их зарабатывать и постепенно тема омоложения перестала быть актуальной, потому что такие заработки были далеко не у всех её коллег.

Лечение в израильской клинике тогда помогло, и Матильда продолжила жить привычным распорядком, выполняя деликатные поручения от власть имущих по обману Фемиды и граждан. И вот страшные видения в снах вернулись, но теперь это было нечто совершенно непонятное и, как об этом рассказать даже старому другу, когда и сама понимаешь, что это сущий бред сумасшедшего?

Слёзы лились и лились беспрестанно, а Матильда молчала, она даже не всхлипывала. Старый врач терпеливо ждал, поглаживая руку Матильды, и она решила попробовать прикрыть правду яко бы вернувшимися давними проблемами.

— Фима, а можно проконсультироваться с моим прежним врачом, он жив?

— Увы, Матильдочка, погиб Мойша при обстреле лет уж десять как, но его клиникой, где ты лечилась, руководит его дочь, и я попрошу её поднять из архива твою историю болезни. Наверняка Мойша всё внёс в компьютер, он одним из первых его освоил, а твой случай был ему очень интересен и лечение оказалось удачным и с весьма стойким эффектом без поддерживающей медикаментозной терапии. Дочка у твоего доктора вся в отца пошла, такой же фанатик своего дела и такая же умная и светлая голова. Мы вместе с Сарочкой подумаем, чем тебе помочь. Скорее всего есть и новые

препараты, и новые методики, возможно не требующие столь длительного курса, как прошлый раз. Отдыхай, я сегодня же свяжусь с Сарой, и мы тебе поможем, даже не сомневайся. Ну, а сейчас я оставлю тебе хорошее новое снотворное, и ты его примешь часиков в девять и поспишь уже спокойно до утра. Договорились ?

Матильда благодарно кивнула, и Фима поставил на прикроватную тумбочку красивый тубус с таблетками, выдаваемыми по одной за нажатие , и удалился, подмигнув ей на прощание глазом доброго доктора Айболита.

И снова была сумрачная улица с густым и тяжелым воздухом, раздирающим лёгкие, снова странно вязнущие в грязной булыжной мостовой ноги, вонь от тычущего в спину конвоира, темная комната, лавка из не струганных досок, пронизывающий могильным холодом взгляд страшного мужика, и её очередная исповедь о делах, которыми не принято хвастаться. И боль, нестерпимая боль, которой не способно причинить ничто в земной жизни. Матильда, воя от непереносимой боли, стирая эмаль с крошащихся остатков зубов, раз за разом молила простить её и прекратить эти муки, но равнодушный голос мрачного мужика раз за разом напоминал ей, как тупому двоечнику терпеливый учитель, лишь повторял, что это выбранное лично ей наказание, что это вечные муки за прожитые в смертном грехе годы, за продажу божьей искры, дарованной при рождении, за несправедные блага. Она всего лишь чувствует ту боль, которую именно она причи-

нила ни в чём не повинным людям.

Теперь Матильда не просто понимала, а переживала каждым оголённым нервом, что означают слова, которые она не раз слышала от тех, чьи справедливые надежды разбивались её усилиями вдребезги с помощью связей, договорённостей и правовой эквилибристики, естественно, хорошо оплаченной противной стороной, которой посчастливилось обратиться именно к ней, Матильде Исааковне Таборной:

– Тебе вернётся, всё вернётся, стократно !

МЧС вызвала домработница, когда обнаружила, что дверь закрыта изнутри на щеколду, а хозяйка квартиры не отвечает ни на стук в дверь, ни на звонки по телефону. Прибывшие по вызову спасатели бронированную дверь решили не вскрывать, слишком хлопотно. Подогнав автовышку как можно ближе к фасаду дома, двое спасателей поднялись в люльке к кухонному окну и , через несколько минут, они открыли квартиру изнутри. Взору вошедших открылась странная картина. Весь пол комнаты плотным ковром покрывали мелкие кусочки искромсанного меха, ткани с пуговками и без них, кружев и денежных купюр как российских пятитысячных, так и пятисотенных евро и сотенных долларовых. На красивом антикварном диванчике в ворохе меховых, кружевных и денежных лохмотьев с большими портновскими ножницами в обтянутых морщинистой кожей с яркими пигментными пятнами руках сидела хозяйка квартиры и смотрела в потолок мертвыми закатившимися глазами. Седой всклокочен-

ный паричок висел на левом ухе, открыв взорам вошедших плешивую голову с редкими клочками волос непонятного цвета. Сморщенное пожелтевшее лицо было искажено ужасной гримасой. Участковый быстро прикрыл входную дверь от любопытствующих и вызвал по рации спецмашину.

Похоронили заслуженного юриста России Таборную Матильду Исааковну на аллее почетных граждан городского кладбища.

Глава 2.

Сырой и крайне неприятный запах камеры штрафного изолятора, который было не спутать ни с чем, до боли знакомый ей со времён службы в исполнении наказаний, забил легкие, и Ленка надрывно закашлялась. Отхаркнув липкий комок мокроты и , сплюнув его на грязный пол, она открыла глаза и тут же заорала от ужаса, увидев прямо перед носом грязные пятки висящей фигуры в мятой ночной рубашке . Звука своего голоса Ленка почему-то не услышала, но мгновенно облилась холодным потом, таким же липким, как сплюнутый комок мокроты. Она хотела вытереть лоб, но ни правая, ни левая рука не слушались. Ленка попробовала встать, но и ноги отказали, а когда она решила закрыть глаза, не послушались и веки. По правой ноге, висевшей в женской застиранной до сероватого оттенка сорочке фигуры, медленно сочилась тонкая струйка мочи и каплями падала ровно на середину тыльной стороны кисти правой руки Ленки. В сознание вдруг резко ворвалось понимание, что она уже это видела и чувствовала, и она вспомнила вдруг сразу всё, что так хотела забыть навсегда и никогда не вспоминать, ведь именно в этот день началась в её жизни не просто чёрная, а чернушная полоса, из которой она чудом выскочила, оказавшись беременной. Ленке, залетевшей от вора-альфонса, тогда удалось внушить начальнику областного управления, что

она понесла именно от него. У престарелого холостяка детей не было, и Петрович, на радостях расстарался и даже растратил более чем приличные суммы из своих накоплений, чтобы замять скандал, и вывести Ленку из-под удара. После её декретного отпуска, млеющий от одного взгляда на ленкиного сына, счастливый до невменяемости «папаша», пристроил мать «своего» сына, уволенную по выслуге лет и в звании полковницы внутренней службы, в правовой комитет администрации закрытого городка Холмск-5. Буквально в течение первого месяца на новой работе Ленка с удивлением увидела с десятков, спешащих в кабинеты власти, любителей малолетней «клубнички» из созданного ею борделя при колонии несовершеннолетних девочек, при чём как мужчин, так и пару женщин, занимающих весьма серьёзные посты. Ленке повезло, что она всегда была так сказать «за кадром» и её в лицо не знал никто из клиентов борделя, где любителей нимфеток обслуживали девочки колонии, иначе её дни были бы сочтены, и Ленка решила забыть навсегда опасные лица, фамилии и должности от греха подальше.

До воспитательно – трудовой колонии для девочек 14-18 лет в областном центре, Ленка, работала уже девять лет в женской колонии, расположенной вблизи одного из десятка тысяч бывших рабочих посёлков, с некоторого времени гордо именуемого посёлком городского типа, но от того не переставшего быть убогим, нищим и унылым, как и населявшие его жители. Счастье привалило Ленке, как признанно-

му знатоку всех тонкостей любовных утех, после одной проверки в колонии. Начальник всегда просил её по-особому встретить проверяющего, что бы всё прошло гладко, и Ленка его никогда не подводила. Очередной проверяющий мужлан, оказался сластолюбцем и всё, как всегда прошло без сучка и задоринки, но, после проведённого с ней весьма веселого и пикантного вечерочка, через месяц он умудрился перевести её в областной центр. Она думала, что этот проверяющий старался исключительно для себя, но мужик решил использовать Ленку и для тела, и для дела, пристроив её к весьма прибыльному для него дельцу, периодически используя Ленку и в своё удовольствие. Перевели Табакакашкину в воспитательно – трудовую колонию областного центра, где содержались несовершеннолетние правонарушительницы и даже преступницы, специально, в качестве наставницы юных нимфеток искусства сладостных утех, при чём по разным профилям. Ленка уже извела всё и могла научить, как довести до сладкой разрядки и себя, и мужчину, и женщину. Ленка с энтузиазмом взялась за порученное ей дело по организации элитного борделя для избранных, судя по финансированию, из которого ей перепадало не мало. Воспитанницы весьма охотно соглашались на такую замену работы в крольчатнике, свинарнике или швейном цехе и недостатка в девочках бордель не испытывал, а к официальному ленкиному окладу и премиям добавились постоянные суммы, кратно превышавшие и то и другое. Двухкомнатная квартира в кре-

пеньком шлакоблочном двухэтажном особнячке неподалёку и от места работы, и от автобусной остановки с потоком городского общественного транспорта, так же грела душу после комнатки в спецобщезитии с дощатыми перегородками, пропускающими любой шум. Быт в областном центре, как и оплата её работы, были несопоставимы с первоначальными, ведь женская колония, где она целых 9 лет отработывала блага и ртом, и вагиной, и анусом, ублажая трёх мужиков ради званий, спокойной службы и нормального питания, но ни разу не получив и тени сексуального удовлетворения, была в захолустье. Теперь она сама могла выбирать себе мужчин как для дела, так и для тела, благо толстенные стены особнячка лишние шумы не пропускали. Для дела Ленка приручила старого бирюка, засидевшегося в полковничьей должности в кресле начальника областного управления, но человека влиятельного, с весьма прочными, весомыми связями и не прогадала. За 9 лет каторжного труда с тремя членами, Ленке удалось заработать только капитанские лычки, да и то только при переводе в областной центр, а за четыре года регулярных встреч раз в неделю с Петровичем, она уже дважды топила очередные звёздочки в проставленной сослуживцам водке. Правда развести Петровича на брак никак не удавалось, как Ленка ни старалась. Добродушный и по-отечески заботливый с ней мужик, который доводил до оторопи одним лишь взглядом не только подчинённых, но и матёрых зэков, быстро ушучив её прозрачные намёки, откровенно признал-

ся, что муж из него никакой и, если она встретит достойного мужчину, то он, как названный отец, сам поведёт её в отдел записи актов гражданского состояния и будет счастлив, если она позволит ему, как дедушке, возиться с их детками, как с родными внуками. Ленка приняла обозначенные Петровичем условия, боясь смены отношения к ней, если она начнёт настаивать на браке, кто его, бирюка сибирского знает. Возьмёт и сменит благодушие на гнев и посадит на её место одну из воспитанных ею талантливых девочек, уже вышедших на свободу с чистой совестью и наработывающих опыт, как вольнонаёмные, в областных борделях. И выпорхнет тогда Ленка обратно в женскую колонию, угнездившуюся под очередным убогим районным «Мухосранском», коих в стране была не одна тысяча, таких же нищих, с полуразвалившимися деревянными бараками, разбитыми дорогами и вечно пьяными мужикам.

Для дела мужика Ленка нашла, а вот для тела никак не получалось зацепить мужичонку, хоть сколько-нибудь подходящего для создания семьи и рождения детей. А время шло, да и самой себя ласкать порой надоедало. Хотелось тепла и запаха мужского тела в постели каждое утро. Но мужики у неё никак не задерживались, и она не могла понять в чём тут дело. Конечно, за 9 лет в получеловеческих условиях, где нормально помыться можно было только в бане начальника колонии в его частном доме, что, понятно, удавалось только пару раз в год, когда жена с тремя спиногрызами отбывали на

море к своей родне в Анапу, её кожа запоршивила настолько, что исправить дело полностью не смогли никакие импортные крема и ванны с солями и пенками, которые Ленка добывала у деляг. Ну и немного раздалась задница, которую все годы её трём благодетелям было сподручнее использовать, меняя вагину на анус и наоборот по настроению.

Нет, ну если конечно, совсем честно, то за девять лет ежедневной эксплуатации, без перерыва даже на месячные, не немного разросся зад у Ленки, а очень даже прилично. При поступлении на службу ей выдали форму 44 размера, а теперь приходится шить по заказу, потому что верх за счёт груди второго размера помещается в 54 –тый, а брюки приходится шить уже на 62-ой. Питательная сперма оказалась у трёх мужиков из сибирской глубинки, на свежем-то воздухе наработанная, да на приличном питании, которое оба начальника, и повар уж себе-то выкраивали по потребностям, вот и разнесло задницу как на дрожжах у некогда стройной «медовой девочки», как звал её дядя Слава. Но всё остальное-то осталось при ней. Мордашка у Ленки довольно миленькая, волосики хоть короткие, но густые, готовила она великолепно, хозяйка хоть куда, а мастерство ублажить мужчину только отшлифовалось с годами, ведь своими эмоциями и реакциями овладела в совершенстве. Если раньше, например, запах немытого мужского паха вызывал рвотные позывы, которые она еле сдерживала и маскировала под типа игру с членом, выпуская его изо рта, начинала обрабатывать

ствол и мошонку мягкими касаниями и поглаживаниями, а справившись с рвотным позывом, возвращала член в рот, то, вспомнив школу отчима, довольно быстро научилась отключать и обоняние, и вкусовые рецепторы, выполняя уже механически отработанные движения и поддерживая подобранный к конкретному мужику ритм. Этому же и не только этому она учила и девчонок в колонии, многие из которых потом более чем удачно вышли замуж, писали ей долго письма, хвастаясь счастливой семейной жизнью, и слали открытки с благодарностями за науку. Даже среди «заплечных», которые пошли зарабатывать привычным способом сразу после освобождения на трассу, стояли, в призывных позах и весьма понятных глазу водителей прикидах, на обочине магистрали, недалеко от их родной колонии, было три таких удачных замужества. Правда всех трёх сняли водители-дальнобойщики и увезли в дальние города, откуда все три проститутки, сразу ставшие порядочными и верными женами, писали ей регулярно и многословно. В этом ученицы переплюнули учительницу, потому что им удалось захомутать мужиков в мужья даже будучи самыми дешёвыми проститутками, а порядочная молодая женщина с квартирой и хорошим заработком никому в жёны не была нужна. От Ленки мужики сбегали после первого раза, хотя и кормила вкусно, и поила щедро, и любила жарко.

Год шёл за годом, а постоянным еженедельным партнёром оставался только Петрович. Он приходил, как курьерский

поезд, каждый вторник точно к 19 часам и уходил в 23 часа, отработав усердно и точно всю обязательную программу, но ни разу не доставив Ленке и капли удовольствия, как она не старалась себя настроить, потому что никакой другой позы, кроме классического «бутерброта» не знал и знать не хотел. Она, конечно же, искусно имитировала и оргазм, и истому, и даже мурашки от его прикосновений, радуя мужика до самодовольного похрюкивания, но сама, сразу после его ухода, садилась в ванную и по-девичьи ласкала струёй душа половые губы и теребила до внешнего оргазма клитор, что бы хоть как-то удовлетворить себя, иначе было не уснуть от ноющего от неудовлетворённости низа живота. Ленка слышала о фалоимитаторе, но пока решила поискать живой член, оставив «вдовью радость» на старость.

Бабье счастье нашло её в областном театре, куда они женским коллективом колонии пришли по абонементу, переданному им заботливым Петровичем, как подарок к женскому празднику. Ленка уныло бродила по фойе второго этажа, ожидая начала спектакля, когда услышала урчащий бархатный голос, от которого по всему её телу дружной конницей Будённого, как говорил отчим, пронеслись мурашки. Голос до боли напомнил ей дядю Славу. Она сначала застыла, а потом медленно, словно боясь увидеть живого отчима, повернулась на голос и тихо спросила : «Слава, это ты?».

Перед Ленкой стоял молодой мужчина в элегантном светлом костюме тройке, с кудрявыми вихрами, круглым лицом

и смеющимися карими глазами. Он был очень похож на актёра Николая Караченцова, которого Ленка обожала, но совсем не был похож на её Славика.

— А как Вы узнали, как меня зовут, обворожительная? — весело подмигнув Ленке спросил мужчина, и она пропала во времени и пространстве.

Она даже не помнила, смотрели ли они спектакль или сразу ушли из театра, бродили ли по улице или взяли такси и поехали к Славику в номер в самой дорогой гостинице Холмска у центрального вокзала, где в ресторане пели все знаменитые певцы и певицы союза, когда делали свой «чѐс» по стране. Ленка растворилась в любви и неге, опомнившись только после праздничных дней, когда Славик деловито поинтересовался, не забыла ли она про свою работу. Ленка оставила Славику свой рабочий и домашний телефонные номера, записала адрес и как к ней добраться и поспешила на последний трамвай, оставив утомившегося любовника отдыхать и отсыпаться. У них всё впереди, вот приедет он к ней домой, там можно будет себя уже не сдерживать, как в гостинице с её тонкими перегородками, как в её таёжном спецобществе при женской колонии.

На работе Ленка летала на крыльях любви, ведь она наконец встретила его, своего Славика. У него даже имя было её первого мужчины и покрытые такими же густыми и шелковистыми волосами руки, грудь и ноги. Ленка скользила по его волосатой груди ладошкой и просто млела, предвкушая

давно забытые сладостные ощущения от вбивающегося до упора налитого силой члена в сжимающем его стенками влагалищем, стосковавшимся по полной разрядке. В обед она созвонилась со своими барыжками и поназаказывала деликатесов и всякого спиртного, что бы Славик мог выбрать любимый напиток. Весь вечер она провела около телефона, то и дело снимая трубку, чтобы проверить работает он или отключен почему-то. Но в этот вечер Славик так и не позвонил, не позвонил он и на другой день и Ленка загрустила. Когда, на третий вечер, она уже отчаялась и решила, что и этот мужик банально сбежал от неё, в дверь легонько постукали. Ленка с кислой физиономией открыла дверь и утонула в охапке белых роз.

Они провели изумительный романтический вечер. Славик принёс с собой не только цветы и торт с шампанским, но и гитару, которой владел в совершенстве. Своим великолепным голосом он пел ей песни обожаемого ею актёра. Оказывается, ему не только она говорила о их удивительном сходстве, и Славик решил, что можно себе позволить слегка поэксплуатировать этот образ. Ленка обмирала от восторга и в перерывах между песнями потчевала дорогого гостя, радуясь его богатырскому аппетиту и отсутствию тяги к спиртному. Из всего набора алкогольных напитков, собранных ею со всех знакомых барыг, Славик выбрал белое полусладкое молдавское вино и то пригубил лишь свой бокал, заявив, что предпочитает пить такую сладкую и страстную женщину, не

отвлекаясь ни на что другое. После этих слов Славик пригласил Ленку на танец, который они завершили страстными поцелуями и, срывая уже в нетерпении одежду, переместились в ленкину спальню и рухнули на жалобно скрипнувшую под их телами дубовую кровать.

Ленка хотела уже большего, планируя взаимные оральные ласки и просто таяла от предвкушения их, слизывая солёный пот за ухом Славика. Их очередной раз получился смазанным, потому что мужчина опять кончал гораздо раньше Ленки, но она не стала расстраиваться, а потащила партнёра в ванную, где чувственно гладила его под смягчённой пенкой водой, а потом, спустив воду, завернула обалдевшего мужика в махровую простынь и отправила обратно в спальню. Сама же быстренько искупалась и подмылась под душем, умастила тело самодельным кремом с добавлением мёда и апельсиновой цедры, накинула откровенный пеньюар, скрывающий коротенькую сорочку из импортного секс-шопа, привезённую торговкой по её заказу ещё три года назад, и, забежав на кухню, быстро доставила на разнос с бутылкой хорошего коньяка и двумя бокалами на кургузой ножке, шоколад, фрукты, тарелку с сырно-мясной нарезкой и половинками белка яйца с красной икрой на блюдечке, всплыла в спальню. Теперь парадом командовала она, и Славик с любопытством и выдаваемым дрожью нетерпением, ждал продолжения действия. Она подложила ему под спину подушки и поставила разнос поверх одеяла. Разлив коньяк на доньшки бокалов,

она протянула один Славику и слегка коснулась тонкого божьего стекла своим бокалом. Красивый зон понравился Славику, и он ответил касанием и произнёс охрипшим от явного волнения голосом: «За тебя, фея!» И Ленка доказала ему, что она действительно фея, фея любви и страсти. Не торопясь и аккуратно прощупывая своего мужчину, Ленка нашла все его сладкие местечки, доводя Славика почти до пика и медленно отпуская, заводя себя, а потом пытаясь взрываться одновременно с ним радугой ощущений. Когда они дошли до пика одновременно впервые, Ленка приготовилась получить разрядку, сладость которой ей была уже известна, но чуда не случилось. Славик улетел конкретно, даже отключился на несколько секунд, а потом с минуту смотрел на неё обалдевшими глазами и только через минут пять смог выдать из себя осипшим голосом: «Как ты это сделала, Ленка? Это не реально!» А вот её оргазм был даже слабее того, что она получала от струи душа, хотя она сильно сжала стенки влагалища на пике, как это делала с отчимом и что всегда заканчивалось суперкайфом. Но не в этот раз. Ленка ничем не обнаружила своего разочарования, ведь Славик был счастлив сам и требовал беспрестанно от неё отчёта, насколько ей было хорошо с ним. Конечно Ленка пролепетала ему о ранее неизведанном наслаждении, которое он ей подарил. Довольный своими способностями мужчина поцеловал её руки и, пожелав спокойной ночи и хорошего рабочего дня, распрощался, условившись о месте и времени встречи на завтра.

Так начался у Ленки красивый, но очень короткий роман с весьма неожиданным для неё концом.

Но тогда она ничего не подозревала и готовилась к свадьбе, привязывая Славика к себе вечер за вечером новыми позами и фишками, которым давно научил её отчим, но которые она так редко применяла, потому что её клиенты изысков не оценили бы, их больше устраивала походная поза собачьей свадьбы если член стоял или минет, если он «устал». Вот и весь «репертуар». Со Славиком же Ленка вспоминала давно забытые ощущения и мелодии своего и мужского тела и с удовольствием дарила их благодарному и старательному ученику.

Эту четырнадцатилетнюю, но выглядевшую максимум на одиннадцать лет, хрупкую и смазливую куклу перевели к ним в колонию из расформированного учреждения в соседнем районном центре. Когда врачиха сообщила, что новенькая девственница, Ленка сразу вспомнила об одном влиятельном чиновнике из закрытого города, которому только девственниц и подавай. Платил он щедро и через его московские связи решались Петровичем многие вопросы, поэтому Ленка решила срочно заняться новенькой и подготовить её к новой сладкой жизни.

Однако первое же знакомство закончилось полным отсутствием контакта. Ленка затребовала дело новенькой и стала читать довольно пухлую папку. Ей бы тогда отступить, а ещё лучше попросить Петровича перевести эту паршивую овцу

в другую колонию, но нет, закусила Ленка, решила власть применить и подчинить строптивицу. Для начала прикрепила девчонку на кухню и попросила нагружать как взрослую и приставила надзирать за строгим следованием её приказу Ульку, исполнительную до идиотизма деревенскую деваху.

Маленькая и худенькая Иринка, попавшая в колонию за то, что защищая от соседа-насильника мать, смертельно ранила здорового мужика, саданув ему по затылку кухонным топориком, надрывалась, таская тяжеленные вёдра с картошкой, очистками и помоями, но упорно не желала разговаривать с Ленкой. Врачиха предупредила, что если девка надорвётся, то никогда не сможет рожать, да и мало ещё что может случиться, а врачебная комиссия сможет и установить от чего и почему. Ленка подумала и перевела Ирину в швейный цех, где через три дня придралась к ней на пустом месте, на что девчонка не стерпела и нагрубила воспитательнице.

Первый раз Ирину поместили в комнату, служившую негласным штрафным изолятором, которого в колонии для несовершеннолетних быть не должно, на две ночи. В каменном мешке с дыркой в стене вместо вентиляции и окна не было ничего, кроме двух узких железных полок для белья на одной стене, которые на время комиссий и создавали из штрафного изолятора видимость кладовки. Тусклая лампочка, подвешенная на железный крюк под самым потолком, горела постоянно, и постовая надзирательница, открыв окошечко в двери, видела комнату полностью. Она окриком за-

ставляла встать, если провинившаяся садилась на пол, устав стоять или ходить от двери до противоположной стены в тесном помещении.

За две ночи Ирина не присела ни разу, как доложили дежурные, но едва её выпустили в коридор, она, сделав два неверных шага, упала на бетонный пол и потеряла сознание.

Девчонка пролежала в лазарете больше недели, но не сказала никому ни слова. Даже на вопросы врачихи она или качала головой или пожимала плечами. Можно было подумать, что девочка немая, но Ленка своими ушами слышала, как Иринка напевала немудрённый мотивчик пока не заметила воспитательницу. Эта пигалица просто не желала ни с кем говорить, и Ленка заболела идеей заставить Ирину подчиниться ей до подобострастия. Эта миниатюрная девочка, подаренная нужному человечку, сулила баснословные барыши и ещё большее благоволение к ней Петровича, что перед их знакомством со Славиком и её замужеством, Ленке показалось совсем не лишним. По части придумать издевательства в колонии была пара оторв, которые и в «заплечные» не годились, но в деле укрощения строптивых воспитанниц им цены не было, и Ленка подпрягла обоих, ведь время поджимало, Славик вот- вот позовёт её замуж.

Через неделю Ирина превратилась в запуганного мышонка, вздрагивающего от каждого шума, и Ленка решила, что пора объяснить этой бестолочи правила, по которым она теперь будет жить, что от неё требуется, что бы жизнь стала из

ужасной самой прекрасной.

Для начала Ленка приказала снова спровоцировать Ирину, поместить в импровизированный штрафной изолятор и ушла на выходные.

Славик впервые остался у неё с вечера пятницы. Они провели два изумительных дня и как азартные подростки, доравнявшиеся до запретного вдалеке от родителей, практически не вылезали из постели, с азартом пробуя всё новые и новые позы и отрывались от этого увлекательного для обоих занятия только на освежительные ванны и перекусы с винцом. Славик уже почти научился дотягивать свою разрядку до её оргазма, и Ленка была довольна результатом и понятливостью ученика, ничего не заподозрившего в её уловках, а лишь подхватившего игру.

Когда она рано утром в понедельник уходила на работу, Славик сладко спал, оглашая спальню раскатистым храпом. Ленка позавидовала ему, ведь самой за эти дни удалось покемарить только пару раз по два-три часа и то в полглаза, что бы нечаянно не всхрапнуть, а вдруг Славику не нравятся храпящие женщины. «Вот пусть сначала женится», вспомнила Ленка слова героини Ирины Муравьёвой в фильме «Москва слезам не верит», а там найдётся за что у меня прощения просить. А пока надо было решить проблемку. Завтра был день Петровича и надо придумать, как выпроводить на вечер Славика, если он решил у неё поселиться, на что было очень похоже.

Ленка по пути на службу так погрузилась в тяжкие раздумья, что пару раз чуть не растянулась на скользкой тропинке, решив срезать путь до проходной колонии.

Может намекнуть любимому на колечко и фату? А вдруг испугается и сбежит? Ленку одолевали сомнения, но, одновременно, появилось и раздражение. Ну вот чего ему ещё надо?— размышляла она.— И, вообще, чего Славик телится? Месяц уже ест, пьёт, облизан весь и заласкан, а про жениться ни гугу. А вдруг он женат и приехал в Холмск в командировку, вдруг осенило Ленку. Вот клуша, чего до сих пор в паспорт не заглянула, растяпа?

Ленка зашла в свой кабинет уже совсем накрутив себя чуть ли не до ненависти к Славику. Все они козлы похотливые, только о себе и думают. Некоторые хоть деньги платят за услуги и немалые, им простительно, вспомнила Ленка о деле и пошагала в шизо. Взяв в дежурке табурет, она велела открыть дверь, где провела уже два дня строптивная девка, и, поставив табурет у входа, устало опустилась на него.

Иринка сжалась в противоположном углу, зябко обхватив себя за плечи и кутаясь в синий форменный халат, из под которого торчала ночная сорочка.

Ленка нахмурилась и поинтересовалась почему не по форме одета, и Иринка впервые ей ответила, дерзко и прямо взглянув ей в глаза:

— Так ваши «шестёрки» меня из постели вытащили, когда за ноги хотели к решётке окна подвесить, как Вы им велели.

А потом на шум дежурная прибежала, и я только и успела, что халат схватить, а то меня бы в одной рубашке сюда за-толкали!

Ленка от такой дерзости удивлённо подняла обе брови:

– А ты, оказывается, очень хорошо всё понимаешь, девочка! Значит мне легче. Я сейчас тебе расскажу, что будет, когда ты сделаешь правильный или не правильный выбор, и ты сама решишь, как тебе быть. Ты ведь уже хорошо поняла, что всё будет именно так, как я скажу. Здесь я царь и бог и только я решаю, кого наградить, а кого покарать. И, заметь, щедро наградить или очень жестоко покарать. Кивни, если поняла. – устало произнесла Ленка и посмотрела на Иринку.

Однако девчонка лишь пристально посмотрела ей в глаза и усмехнулась.

Не дождавшись кивка, Ленка вздохнула и вкратце обрисовала сначала сладкую жизнь, если девчонка усмирит гордыню и продаст за свободу и немалую денежку самую малость, которая ей даже беременностью не грозит, потому что всё просчитают под цикл месячных. А затем она тоже кратко, но в нарочито грубых и циничных выражениях, перемежая рассказ матом и подробностями, рассказала, что будет если Ирина не согласится, как для начала, её изнасилует сантехник дядя Вася, которого она видела не раз, когда работала на кухне. Да, да, именно этот вечно пьяный и отвратительно воняющий мужик с седой щетиной на роже и гнилыми зубами. А потом она отдаст её на воспитание в комнату к стар-

шим, и она будет всем им по очереди вылизывать их ссаные щели, пока не закончится её срок. Ирина отрицательно покачала головой и отчётливо произнесла:

– Ни за что! Не заставите! Я кусаться буду, а не лизать, пусть лучше меня убьют!

Ленка усмехнулась и с зловещим шипением выдохнула в ответ на пламенную речь дурынды:

– Поверь, девочка, ты не Зоя Космодемьянская, да и времена не те. Всё делается легко и просто. Будешь не только лизать по приказу, но и сама предлагать свои услуги, потому что я велю посадить тебя на наркоту, и ты за дозу сделаешь всё, – закончила Ленка, откинулась на стенку, закрыв глаза и не заметила как уснула.

Сквозь крепкий сон пробивались какие-то звуки, но Ленка была не в силах проснуться. Она вздрогнула и очнулась от сна, когда на тыльную сторону кисти правой руки, лежащей на коленях, капнуло что-то горячее, потом ещё и ещё. Ленка медленно открыла глаза и упёрлась в грязные пятки, качающиеся на уровне её глаз. По правой ступне стекала тонкая, но пахучая струйка. Ленка открыла рот, но из него не раздалось ни звука. А моча всё капала и капала на ленкину руку...

Когда Ленка пришла в себя, смогла встать и, на трясущихся ногах, вывалиться в коридор, дальнейшее слилось для неё в одно суетливое и непрерывное действие. Ирку, завёрнутую в одеяло, они с дежурной надзирательницей перетащили в склад для готовых изделий, которые шили в колонии и

имитировали самоубийство в этом месте. Ленка как робот проинструктировала своих стукачек из комнаты, в которой числилась Ирина и Ульку из старшего отряда. Ещё раз перепроверив, всё ли сделано правильно, Ленка позвонила Петровичу.

Куда и когда делся Славик дальнейшая история умалчивала, хотя сообразить кого в её квартирку привела затейница судьба, было не сложно, ведь, когда вечером того кошмарного дня, она приползла около полуночи домой, там никого не было. Вместе со Славиком исчезли все украшения и часть денег, вернее все, которые он нашёл в её квартире. Но Ленке было не до таких мелочей, на кону была её жизнь. Тем более Петрович об этом прохвосте знать ничего не должен был, да и всё равно никто бы не помог, ведь Ленка даже в имени его была не уверена и знала о нём только то, что рассказал он сам...

Далее мужиков в её жизни больше чем на вечер или ночь не случилось, а вскоре по естественным причинам перестал использовать свои вторники и Петрович. Зато он оказался прекрасным отцом её сыну, сразу признав его и записав на свою фамилию, но так и не женившись на его матери. Петрович был не только обожаемым папой для Илюшки, но и непререкаемым авторитетом, поэтому у Ленки не было проблем с поведением мальчишки ни в детском саду, ни в школе. Но она потеряла сына, давно превратившись для него в обслугу, не более. Окончательный разрыв отношений с сы-

ном произошёл, когда Петрович отдал ему свою квартиру в областном центре, а сам переселился на дачу. Увидев, что Илья собирает все свои вещи, не оставляя в их квартире даже домашнего спортивного костюма или белья на смену, Ленка заистерила и в запале крикнула, что старый дурак всю жизнь на себе тащит чужого ублюдка, отец которого не генерал, а вор и альфонс, в которого и пошёл Илья, раз бросает родную мать. Сын в ответ посмотрел на неё тяжёлым взглядом Петровича и молча вышел из квартиры, что бы больше никогда не переступить этот порог. Он не отвечал ни на её звонки, ни на покаянные письма с просьбами простить. Рассказал ли Илья что-либо Петровичу, она не знала и долго не решалась позвонить бывшему любовнику. Петрович позвонил сам и сообщил, что их сын поступил в финансовую академию и с этого дня раз в неделю, по вторникам, сообщал свежие новости. Илья сначала отучился в финансовой академии, а потом, с протекции всё ещё влиятельного ветерана внутренней службы, отставного генерала, пристроился в госкорпорацию ведущим специалистом. Что всему этому могла противопоставить Ленка? В тесной компании отца и сына ей места уже не нашлось и даже на свадьбу Ильи её позвал Петрович. Весь вечер она чувствовала себя на этом веселье никому не нужной вещью. Одиночество навалилось со всех сторон и даже работа уже не спасала. Жизнь утекала сквозь пальцы, как песок, отнимая последнюю надежду на обретение хоть подобия женского счастья. Если бы не аллер-

гия на шерсть, Ленка давно бы завела кошечку или собачку, всё веселее, но и эта компания тоже была ей не доступна.

И вот теперь ещё и этот кошмар. Каждый раз, засыпая хоть на миг, ночью или днём, утром или вечером, Ленка навязчиво возвращалась во сне в тот день и час, когда ей на руку капнула первая капля горячей мочи из висящего тела девчонки, которую, наверное, можно было тогда ещё спасти, если бы тридцати трёх летняя Ленка сообразила приподнять её за ноги и позвать на помощь, а не сидела бы истуканом не менее часа, уставившись взглядом на грязные пятки сделавшего свой нелёгкий выбор четырнадцатилетнего человека, не пожелавшего стать жертвой, а оказавшегося сильнее палача и обстоятельств.

Уже третий день Ленка панически боялась заснуть и металась по комнатам квартиры, делала зарядку, пила кофе, лезла под ледяной душ и даже выходила на улицу, где на газоне у дома она насадила растений и теперь ухаживала за ними, наряжаясь в яркие спортивные костюмчики и до головокружения настаиваясь головой вниз в призывных позах, украдкой стреляя глазками во всех, проходивших мимо, мужчин. Ленка всё и всегда делала не просто так. Вот и эту клумбу с дачными многолетниками она представила на городской конкурс и о ней написали в местной сплетнице, которую содержала администрация города, где Ленка работала уже пятый год. Но не это было главным, хотя признания и одобре-

ния всего, что она делает, Ленка ждала и жаждала всю жизнь. Она считала себя исключительной во всём и искренне не понимала, почему некогда обещанные ей отчимом толпы мужиков, желающих носить её на руках и осыпать золотом, кутая в дорогие меха, где-то потерялись, не мелькнув даже на горизонте.

Ленка присела на лавку у своего подъезда и с тоской уставилась в единственное подсвеченное ночным светильником окно в её доме. Шел уже третий час ночи, а соседи всё никак не могли уgomониться и из приоткрытого окна тихонько лилась довольно приятная музыка и раздавался приглушённый смех. Ленке было завидно до тошноты. Она уже очень давно вот так, ночь напролёт, не сидела с мужинкой, а эта старая, одноглазая после какой-то там аварии и толстенная бабища приворожила к себе такого красавчика, да ещё и моложе её почти на десять лет. То, что эта ведьма мужика приворожила, Ленка не сомневалась ни минуты, потому что не на что там было смотреть с таким обожанием, не обращая внимания ни на кого вокруг, когда они чинно выходили из подъезда и так заботливо подсаживать эту отвратную кучу жира на специально для её удобства приваренную ступеньку у двери их микроавтобуса. Ленку тошнило от этой патоки, но день за днём она неизменно в неё попадала, натыкалась на эти сцены, но в полном обожания взгляде мужа на жену день за днём так же ничего не менялось.

Как-то, раза три, также сидя под окном квартиры «слад-

кой парочки», Ленка слышала, как эта «квазиморда» ещё и распекает своего мужа на чём свет стоит за какую-то покарбанную кастрюлю, а он покорно принимает упрёки, пытается её же успокоить и просит прощения.

И ладно бы мужик был размазнёй или трусом, так ведь нет. Когда у соседей с третьего этажа дети устроили пожар на балконе, человек десять стояли и тупо смотрели на разгорающийся огонь, когда Сандро подъехал на своём микроавтобусе. Бросив машину там, где он заметил пожар, сосед выскочил из машины уже с огнетушителем в руках и рванул к тополю, который рос почти у пылающего уже балкона, на бегу раздавая указания. Один сосед припарковал его микрик, что бы не мешать пожарным, трое набирали 101 и торопили пожарных, двое рванули в подъезд, что бы попробовать заставить, орущих в горящей квартире детей, открыть дверь, остальные понеслись по квартирам за водой. Ленка стояла с телефоном в руке и с замиранием сердца смотрела, как ловко вскарабкался сосед на дерево, а потом, сидя на ветке, которая качалась и скрипела, грозясь сломаться в любой момент, привёл в действие огнетушитель и стал тушить огонь через открытую створку остекления балкона, сбивая пламя у балконной двери. Ему подали ещё один автомобильный огнетушитель и, держа его в одной руке, Сандро встал на готовую обломиться ветку и рыбкой нырнул в открытый проём, где всё ещё плясали языки пламени. Ленка ахнула вместе с остальными зеваками и испуганно зажала рот, но

мужчина начал работать вторым огнетушителем и в этот момент во двор с воем влетела пожарная машина. Сандро подали лестницу, и, отсекая его от ещё полыхающего местами огня, помогли спуститься вниз, куда минут через пять прибыла и вызванная Ленкой машина скорой помощи. У Сандро обгорело лицо, волосы и руки, на куртке и брюках тоже виднелись прожжённые до тела дырищи, но мужик счастливо улыбнулся, когда соседи сообщили, что с детьми всё в порядке и квартира тоже только задымлена, пострадал только балкон. Сандро увезла скорая и пару недель Ленка видела озабоченную Мирку- «квазиморду», садящуюся в такси по утрам и прибывающую домой поздно вечером тоже на такси. Конечно, таскать такую тушу в автобусах не привыкла, Сандро и отвезёт и привезёт. У, ведьма !

Ленка почти влюбилась в соседа после его геройского поступка на пожаре. Ох и дала жару она на административной комиссии, которую возглавляла, мамаше, поручившей шестилеток-близнецов старшей сестре десяти лет отроду, которая свалила к подружке, оставив сорванцов одних в квартире, и не вспомнила о братьях даже услышав вой пожарной сирены. Она выглянула в подъезд из соседней квартиры и любопытствовала у мужиков, присевших на корточки перед дверью в их квартиру, у кого и что там горит и почему два дядьки ломятся к ним, уговаривая братьев открыть им дверь. Дядьки отобрали у неё ключ, открыли уже задымлённую наполовину квартиру и кинулись искать переставших

орать и теперь испуганно молчавших малышей, которые обнаружились в закрытой на щеколду ванной. Выбив дверь, мужики вытащили мальчишек на воздух и передали медикам для осмотра. Всё это Ленка рассказывала членам комиссии и мамаше, как очевидец, и искренне возмущалась её инфантилизмом. Эта бестолочь никак не могла понять, что её сыновья чуть не погибли, только благодаря соседям их спасли и что просто нельзя быть такой беспечной. Наградив безмозглую куклу, нарожавшую трёх детей, а ума не нажившую, максимальной суммой штрафа, в надежде, что может хоть её суровый муж, когда вернётся с очередной вахты, научит прошмандовку, проматывающую часами в магазинах заработанные им на Севере деньжищи, Ленка мысленно горько вздохнула. Вот бы ей такого вахтовика Илюшеньку или мацо Сандрика. Так нет, один достался «Барби», второй в свою старуху Изергиль вцепился, как в Василису-прекрасную и её, Ленку, умницу, хозяйошку и искусницу в любовных утехах, «сладкую девочку», как звал её отчим, в упор не видят.

Сандро после пожара тоже наградили, но не штрафом, а грамотой и ценным подарком. Ленка приложила к этому свои усилия и вскользь упомянула об этом, когда поинтересовалась, понравились ли ему командирские часы с наворотами, в которых можно хоть плавать, хоть в кузне работать, они и противоударные, и водонепроницаемые, сообщив, между делом, что это она их выбирала. Сандро сдержанно поблагодарил и поспешил к своей «квазиморде». Ну

и как тут не поверить в приворот этой ведьмы?

Ленка закусилась на жену Сандро уже конкретно, тем более что шефа давно колбасило даже от её имени. Эта мерзкая бабища буквально с момента назначения шефа на пост главы города третировала его своими заявлениями, вмешиваясь в его постановления, оспаривая их и выдирая нужное ей решение администрации города для обратившихся к ней за помощью горожан из мэра буквально с кровью. Не зря же эту Мирку её коллеги- адвокаты и вольные юристы, работающие в Холмских судах, заглазно звали торпедой или бультерьером. С последним прозвищем, чисто визуально, Ленка была согласна, но Мирку ни кликухи ни прочие мелочи, типа мнения окружающих , не волновали ни в коей мере. Эта самоуверенная до космических масштабов бабища танком пёрла для достижения поставленной цели.

Вот полгода назад на выборах 2021 в Государственную Дума РФ она чуть не запихнула от Холмска-5 никому не известного мужика из областного центра, раскрутив его до первых мест на 6 из 8 избирательных участках. Надо знать почтовую публику, чтобы оценить этот несомненный успех и очень опасный прецедент. Жители Холмска-5, некогда закрытого почтового ящика, издавна терпеть не могли жителей областного центра. Почтовые страдали снобизмом и считали себя «белой костью». Прошедшие годы и особенно резко упавшее в последнее десятилетие благополучие жителей закрытого городка немного обтесало их, но насторожка

к пришлым осталась. Мира же притащила никому не известного и весьма неказистого мужичка из Холмска и сделала его не просто популярным на почтовом, но и узнаваемым жителями на единственном протащенном в Холмск-5 баннере, расположенном сверхудачно на въезде в городок. Этот единственный баннер оказался эффективнее понатыканных везде баннеров с физиономией сыночка мэра и нужных местной власти людей, заклеенных физиономией младшего Пузенко остановок и ею же украшенных автобусов. Не сработали и тысячами разложенные во всех магазинах, почтовых отделениях, в организациях города, раскиданные в почтовые ящики листовки и красочные буклеты с иконостасом наград тридцатисемилетнего любителя нетрадиционной любви, невесть где, как или чем их заслужившего. А, может и просто нарисованных, кто проверять-то будет?

Мира Старикова сняла несколько видеороликов, высмеивая и самого сыночка мэра, и его выборный слоган, подправленный тут же на всех его плакатах, которыми заклеены были все автобусные остановки. Приходилось признать, что эта остроумная приписка подняла на смех выборный слоган сыночка мэра и активистам штаба Пузенко пришлось срочно сдирать плакаты со всех остановок общественного транспорта.

Так же проклятая баба прошлась и по остальным провластным кандидатам в Государственную Думу и ей нашлось, что сказать о каждом, далеко не стимулирующего го-

рожан отдать за него свой голос. Видеоролики Миры Стариковой стали мощным оружием предвыборной агитации и горожане ей поверили. Пришлось немало помухлевать и откровенно переделать итоговые протоколы 6 избирательных участков, да ещё и придумать более 1700 неожиданно «нарисовавшихся» избирателей, якобы прибежавших в последний момент, что бы проголосовать за младшего Пузенко в дипмиссиях в Париже и Лондоне, что бы в Госдуму, для лоббирования папиных интересов и прикрытия его зада от неприятностей, вернулся сынок шефа.

Как же Мира прошла по «законности» результатов выборов, адресовав всех жителей Холмска-5 к просмотру реплики Ивана Урганта, в своей привычной искромётной манере тонко высмеявшего «ноухау» с «иностранным электоратом» простого холмского парня.

Шеф орал в это утро как скаженный, брызгал пеной и матерился витиевато и без повторов, но и не догадывался насколько Мира Старикова закусилась. Теперь каждое утро ему докладывали, что она опять обнародовала на своём канале в мессенджере, заделавшаяся на старости лет ещё и блогершей. Подписчиков и неявных, но поклонников у её канала было в городе предостаточно, начиная с сотрудников городской безопасности и правопорядка, которых шеф подпрыг указивкой заткнуть ей рот. Надо отдать Мирке должное, бабёнка была не без креатива и её выпуски были весьма болезненными для шефа, а сарказм балансировал на грани

между клеветой и оскорблениями, но прищучить её было не на чем, хотя сатира была весьма едкой.

Ленка завидовала Мирке невероятно, потому что начинала понимать чем берёт эта, отталкивающая своей внешностью и одновременно с первым словом приковывающая к себе внимание, уже глубоко пожилая женщина, которая не боится никого и ничего. Она тайком смотрела её ролики и иногда до колик хохотала над её репортажами и постами в адрес шефа, его команды или сыночка. Но злоба и зависть Ленку так душили, что однажды она не выдержала и в чате, где обсуждались городские проблемы в жилищном хозяйстве, встряла в обсуждение одного из миркиных видеороликов и назвала её мошенницей. Это было ещё летом, и Ленка надеялась, что Стариковой об этой её глупости не доложат, потому что боялась её до оторопи. В администрации давно рассказывали, что у Миры Стариковой рука тяжёлая и быстрая. Ленка всерьёз опасалась за свою уже и так основательно поредевшую шевелюру.

Года четыре назад, когда Ленка ещё ничего о Мирке не знала, как-то вечером в комитет принеслась сотрудница общественной приёмной, где иногда вёл приём граждан шеф, и, захлебываясь от восторга, смешанного с возмущением, явно наигранным на всякий случай, но с плохо скрываемым злорадством, рассказала как только что на приёме какая-то Мира Старикова, известная в городе скандалистка, но добивающаяся своего как в судах, так и без них, известный сво-

ей неподкупностью и бескомпромиссностью юрист, заткнула в прямом и переносном смыслах шефа с оравой сотрудников жилотдела и заставила его какой-то одинокой мамаше с ребенком-инвалидом аж двухкомнатную квартиру выделиться, да ещё и с ремонтом, после того, как он уже ответил этой мамаше месяц назад, что, мол, сидите и ждите в очереди ещё лет двадцать, а то и больше. Всё это она рассказала в таких подробностях, что Ленка аж зауважала эту Миру, потому что шеф матом крыл всех подчинённых и в упор никого, кроме себя любимого и своего обожаемого сыночка, не видел и знать не хотел, за людей не считая.

Теперь эта самая Мирка по иронии судьбы, вселилась в их дом, в квартиру прямо под ленкиной квартирой, живёт со своим мужем душа в душу и раздражает Ленку невероятно, потому что имеет всё, чего у неё нет и уже вряд ли будет. А ещё Ленка себе ничего из того, что Мирке даётся легко, позволить не может. Вот если бы не Старикова, а она, Ленка-пенка, могла так же смело и грамотно «мочить» всех: от шефа, которого Старикова упорно называет городским заведующим хозяйством, проще завхозом, через губернатора Жрачкина, именуемого ею областным завхозом до самого президента и членов правительства, которых она называет бандитской малиной, умеющей только крышевать. Шефа колбасит, а сделать он с этой заразой ничего не может. Вот если бы Ленка так могла, сколько бы мужиков в неё влюбилось. Мирке вон пачками комменты сыплют, а в Однокласс-

никах просятся в друзья и стар, и млад и шлют ей открытки и подарки в таком количестве, что когда она выбирает время их принять, то несколько страниц в её ленте забиваются этими сообщениями. Ленка сама сляпала фейковую страницу и под ником мужика напросилась в друзья к Мирке и Сандро на их общей странице. Ох, лучше бы не напрашивалась, потому что как только вошла в их фотки, вообще от зависти и злобы спать перестала. Эта парочка весь мир вдвоём обскакала и везде такие счастливые. А когда Ленка узнала, что они вместе скоро уже 30 лет оказывается, то до неё дошло, что нечего ей здесь ловить, но завидно и злость просто раздирает, а уйти никак, ведь и как будто в замочную скважину за их жизнью подглядываешь. А посмотреть было на что. Мирка обожала своим многочисленным друзьям и подружкам дарить праздники, а потом выкладывала и фотки и видео с этих вечеринок и Ленка готова была от зависти лезть на стенку, до того ей из своего унылого одиночества хотелось туда, в это искромётное и бесшабашное веселье, в этот балаган, где артистами были все присутствующие. Но Ленке в эти праздники жизни не попасть никогда.

Всё это вспомнилось Ленке под льющуюся из соседских окон музыку, и она чуть не взвыла в голос от тоски и безысходности. Им там, за этими сиреневыми портьерами, тепло и уютно вдвоём, а может они уже и спят безмятежным сном под тихую мелодию, а Ленка сидит замёрзшая, одинокая и боится вернуться в тепло квартиры, потому что не может се-

бе позволить уснуть. Сколько она уже просидела на этой скамейке? Перед рассветом стало зябко, и Ленка решилась вернуться в квартиру. Она устало опустилась на стул рядом с кофеваркой и нажала на старт. Отхлёбывая горячий горький кофе Ленка снова погрузилась в воспоминания, но попробовала переключиться на приятные.

В ленкиной жизни тоже был любимый мужчина, а она, дурында малолетняя тогда сама погубила своё счастье, испугавшись сама не знает чего.

Ленка-пенка, как звали её сначала во дворе, а потом и в школе, первый раз легла с мужиком ещё в двенадцать, когда и месячные ещё только начались, а сиськи уже наметились. Она хорошо помнила и сейчас как это получилось, что она оказалась с отчимом в своей кровати, когда мать работала и они были дома одни. Отца своего Ленка и не знала, а дядя Слава жил с ними уже лет пять, его мама привела перед новым годом, когда Ленка уже училась в первом классе, но папой называть его не просила, да и дядя Слава не настаивал. Ленке этот брюхатый и вечно небритый мужик не нравился, но и противен не был. Он мало обращал на дочку сожительницы внимание, и они просто не мешали друг другу. У матери и дяди Славы была своя комната, а у Ленки своя, но любопытство с некоторого времени её разобрало, что он там такого с матерью делает, от чего она так стонет, а то и подвывает и вечно просит его ещё да ещё и по сильнее. Ленка пыталась подсмотреть, но мать плотно закрывала дверь на

щеколду и приходилось довольствоваться только подслушиванием.

А потом Ленка увидела в приоткрытую дверь ванной, как отчим моет свою письку под краном. Конечно она пару раз видела письки мальчишек и в детском саду, и раздевалке перед физрой, но они у одноклассников были маленькими, с острыми кончиками и висели, сморщенные и поверх таких же сморщенных мешочков. Писька у дяди Славы была большой, с выпирающими веревками под кожей и красно-коричневая какая-то. Ленка с любопытством стала наблюдать за тем, как отчим странными движениями, обхватив надутую письку, похожую на толстенький гриб с нераскрывшейся шляпкой, своей лапишей водит туда-сюда от своего брюшка до шляпки, всё ускоряя движения, а у самого в зеркале над раковиной рожа такая довольная и глаза закрыты. А пытит сквозь зубы как паровоз и ноздри раздуваются. Местами покрасневшая рожа отчима отражалась в зеркале над раковиной, но Ленку интересовал больше процесс внизу. Она застыла, приставив глаз к щёлке, и чуть не взвизгнула от неожиданности, когда отчим вдруг перестал терзать свой гриб, закрипел зубами и зарычал, как соседский пёс Палкан, помесь кавказца и какой-то дворняги, а его писька в руке стала дергаться сама и сквозь пальцы его пятерни, зажавшей шляпку гриба, в раковину закапала жидкость, похожая на крахмальный клейстер. Ленка округлившимся от удивления глазами смотрела на сочившиеся сквозь пальцы

мужика мутные струйки, стекавшие в раковину, на дернувшийся несколько раз гриб и, вдруг вспомнила, как они с мамой варили этот крахмальный клейстер.

Месяц назад по рецепту, записанному на уроке труда, они с мамой делали фигурку из папье-маше, это так называется, когда склеивают порванные как попало мелкие кусочки бумаги. Они сварили из крахмала клейстер, а потом взяли пластмассового мишку из ленкиных старых игрушек, намазали его вазелином, как велела учительница, и стали обклеивать кусочками порванных старых газет, а поверху белыми бумажными салфетками. Потом они оставили облепленного мишку сушиться на ночь, а с утра, поскольку было воскресенье и в школу идти было не надо, закончили домашнее задание. Мама аккуратно бритвой и маникюрными ножничками разрежала прилипшую к старой игрушке бумагу, приложила половинки снятой бумажной шкурки и склеила швы, замаскировав их кусочками салфетки, так же намоченными в клейстере. Когда бумажный медвежонок высох, Ленка уже сама его раскрасила и, когда краска высохла, помазала сверху канцелярским клеем. Медвежонок получился как настоящая фарфоровая статуэтка, только очень лёгкий. На уроке ей поставили отлично и взяли ленкиного медвежонка на выставку городского отдела народного образования.

Ленка отвлеклась от наблюдения за отчимом на эти приятные воспоминания, и если бы он с шумом вдруг не выдохнул, могла получить прямо в лоб дверь ванной. Ленка

вздрыгнула и увидела, что отчим открыл глаза и стал мыть шляпку своего гриба под краном. Она быстро шмыгнула в комнату, плюхнулась в кресло под торшером и сделала вид, что читает учебник. Минуты через две она услышала, как отчим выключил свет в ванной и открыл дверь её комнатки.

– Учишь? Умница, девочка. Помочь чем надо? Ты не стесняйся, обращайся, я математику секу и физику с химией немного.

Ленка удивлённо посмотрела на отчима, потому что до сих пор он ни разу не предлагал помощи, и тот ей весело подмигнул. Она машинально опустила глаза и увидела, что отчим стоит в одних плавках и под нависшим пузком весьма явно сквозь тонкий трикотаж выступает бугорок с влажным пятном сверху на ткани серых плавков.

Отчим проследил её взгляд и, ухмыльнувшись, почесал пятернёй около пятна, в ответ на что изпод верхней резинки плавков показалась нечто розовое и гладкое. Глаза Ленки расширились, но она не отвернулась, а заворожённо смотрела, как отчим медленно погладил себя снизу вверх по явно набухшему нечто, и оно ещё больше вылезло из плавков, снова напоминая гриб со шляпкой, только почему то поделённой пополам и с дырочкой. Ленка вдруг подумала, что сейчас из этой дырочки высунется грибной червяк и громко фыркнула.

Отчим сначала удивлённо вскинул брови, но потом улыбнулся и спросил:

– А хочешь, Ленка, в доктора поиграем? Только по-взрослому?

Ленка не поняла и переспросила:

– Что ли уколы ставить будем?

Отчим ухмыльнулся:

– Можно и так сказать. Ты же с мальчиками в доктора играла в детском садике или во дворе?

Ленка наморщила лоб, перебрала в памяти все дворовые игры и отрицательно покачала головой:

– Нет, в доктора не играли.

Дядя Слава прикрыл дверь и подошел к ней так близко, что его гриб, торчащий из плавков, оказался на уровне её глаз. От отчима пахло маминым мылом и чем-то ещё незнакомым, терпким, но не противным. Он аккуратно взял Ленку за подбородок, заставил посмотреть на него и, проведя большим пальцем по её губам, спросил:

– Так хочешь научу или нет?

Ленка сглотнула, почувствовав, как пальцы дяди Славы легко скользнули по её шее, что было не щекотно, а даже как-то приятно и спросила:

– А это не больно? Укол ведь?

Отчим ухмыльнулся и ответил, что он постарается, что бы больно не было, а было очень приятно. Дядя Слава пообещал, что потом Ленка сама научит кого захочет этой игре, станет атаманшей в дворовой команде и первой девочкой в школе. Потом отчим сказал, что сегодня будет первый приём

и называется он осмотр.

– Ты же была у врача?

Ленка кивнула, и дядя Слава удовлетворенно продолжил:

– Вот. Сейчас сначала я буду врачом и буду осматривать тебя, а потом ты станешь врачом и будешь осматривать меня. Только чур слушаться и не стесняться, я ведь доктор, а докторов не стесняются. Поняла?

Ленка снова кивнула, и дядя Слава сел на её кровать и попросил лечь рядом, как на кушетку в медицинском кабинете. Ленка ненадолго задумалась, но подчинилась и легла на спину, вытянувшись на кровати солдатиком. Отчим попросил её закрыть глаза и, когда она выполнила просьбу, то почувствовала, что он почти невесомо погладил её за ушком, потом так же легонько погладил шею, от чего по рукам и спине побежали приятные мурашки. Дядя Слава стал гладить её грудки поверх халатика пальцами одной руки и одновременно растёгивать пуговицы на нём другой. Ленка напряглась, но отчим, заметив это, успокаивающе напомнил:

– Спокойно, пациентка, доктор плохо не сделает, доктор лечит, – и продолжил гладить Ленку всё ниже и ниже, спускаясь к животу.

Ленка почувствовала, как отчим жарко дыхнул ей за ухом и мурашки снова приятно защекотали руку и спину до самой попы. Одновременно она почувствовала, что рука отчима скользнула прямо в трусы и распахнула глаза. Отчим встретил её взгляд и весело подмигнул:

– Осмотр не закончен, пациентка,– и Ленка почувствовала как пальцы отчима приятно защекотали лёгкими движениями где-то в самом верху разреза её письки и у неё вдруг перехватило дух.

Ленка зажмурила сильнее глаза и как будто заснула, а когда вернулась в явь, увидела отчима рядом с собой лежащим на кровати. Он, прерывисто и жарко дыша ей в шею, гладил её голое уже тело и Ленке это нравилось. Стало почему-то жарко. Она чуть не повторила за матерью «ещё», когда, кончиком языка отчим пощекотал Ленку за ушком и стал легко касаться губами шеи, потом груди, целуя нежно только начавшие обозначаться бугорки вокруг сосков, а потом стал как будто жевать один сосок, теребя одновременно пальцами другой. Ленке было очень необычно и очень хорошо, шевелиться не хотелось. Внизу живота появилось странное тянущее ощущение, которое тоже приносило удовольствие. Ленка задышала чаще, когда дядя Слава стал целовать её живот, а потом лизнул где-то там и внизу и что-то снова запульсировало в ответ. Ленка уже не напрягалась, она вслушивалась в новые ощущения и начинала понимать материны просьбы, потому что ей тоже хотелось ещё и ещё этих новых и, наверное, взрослых ощущений.. А дядя Слава развел пальцами края её письки и жарко дыхнул туда. Ленка снова забыла как дышать и замерла, ожидая и желая продолжения. Отчим сполз вниз и, сняв с неё трусы совсем, раздвинул своими коленями её ноги в стороны и устроился между ними,

присев задом на пятки. Сам он уже был абсолютно голым. Между его покрытых довольно густыми волосами ног, дулом пистолета торчал его налившийся гриб и из дырочки на его шляпке сочился тонкой струйкой клейстер, от чего шляпка влажно поблёскивала. Дядя Слава стал аккуратно сгибать Ленкины ноги в коленях, и она с немым вопросом посмотрела отчиму в глаза, но на его вдруг построжевшем лице была только сосредоточенность и в голове отчётливо прозвучали сказанные им недавно слова, что доктор плохо и больно не сделает. Ленка закрыла глаза и сразу получила поощрение за хорошее поведение, потому что почувствовала как дядя Слава легко развёл края её письки пальцами и снова лизнул, но уже всем языком внутри от попы до начала разреза, и она чуть не вскрикнула от острого, но приятного отклика изнутри, там что-то сжалось и по всему телу разлилось приятное тепло. Потом она почувствовала, как палец отчима стал погружаться куда-то внутрь около попы и там всё опять сжалось, но снова приятно, а отчим удовлетворённо хрюкнул, от чего Ленка открыла глаза и увидела как он обнюхивает свой средний палец правой руки и улыбается. Заметив, что Ленка на него смотрит, отчим лизнул палец и причмокнул губами:

– Какая ты Ленка сладкая, прямо мёдом пахнешь и мёдом сочишься.

У Ленки от этих непонятных слов и довольного вида отчима внизу живота приятные ощущения стали нарастать, и она непроизвольно дернулась попой вверх, как в упражне-

нии на физкультуре, от чего отчим расплылся в улыбке, засюсюкал, заворковал ласковые слова и, подложив обе ладони под ленкину попу приподнял её ноги и заложил их себе на плечи, а сам снова уткнулся между её ног, орудуя языком то где-то внутри, то там, где недавно шерудил его средний палец, то между складочками ленкиной письки, то легонько касался какой-то пульсирующей точки сверху, усиливая приливы приятных ощущений у Ленки. Она не сдержалась и попросила отчима:

– Ещё !, – на что тот, оторвавшись от своего и ему явно доставлявшего удовольствие занятия, ласково ответил :

– Не спеши, моя девочка, дальше будет слаще, но торопиться первый раз не надо. Первый раз как укол, немножко больно будет.

Ленка, уже утомлённая новыми ощущениями, но помнившая, что просит у отчима каждый раз мать и подозревающая, что ей пока этого не показали, с подростковой прямолинейность потребовала:

– Ну и пусть будет больно, а я хочу. Это же только раз, а потом только хорошо?

Отчим утвердительно кивнул, и Ленка потребовала:

– Хочу скорее хорошо. Ты обещал по-взрослому!

Дядя Слава ненадолго задумался, продолжая держать ленкину попу на весу, стал перебирать пальцами волосики на её письке, от чего Ленка покрылась щекочущими мурашками вся и засмеялась. Отчим, видимо решив показать ей по-

взрослому, кивнул головой и нависнув над Ленкой так, что шляпка его гриба уткнулась между ленкиных ног, взял гриб в правую руку и, раздвинув складки ленкиной пельси пальцами левой руки стал медленно водить шляпкой снизу вверх между складок и обратно. Ленка закрыла глаза и ей показалось, что она движется навстречу этой горячей и приятно гладкой шляпке, скользящей по разлитому клею. Потом Ленка ощутила, как шляпка уперлась куда-то внизу и стала потихоньку пролезать туда, где недавно приятно щекотался средний палец отчима. Тут, правда дело пошло медленнее. Ленке стало немного неприятно, потому что кожа внизу как-то натянулась и что-то не пускало шляпку гриба внутрь. Отчим снова поскользился шляпкой вверх до пульсирующей точки и когда коснулся её, Ленка чуть не заорала от одновременно острой и приятной боли, пронзившей её от этой точки до головы. Теперь застучало и в висках, а сама Ленка несколько раз дёрнулась низом живота и выгнулась в руках отчима. Когда Ленка обрела способность слышать, то различила довольный хохоток отчима с непонятным набором слов :

– А ты горячая штука, Ленка. Поздравляю с первым оргазмом. Эвона как тебя колбаснуло, так редко кто из опытных баб словит. Ох и достанется мужикам от тебя. Но им только после меня. Я буду первым, моя девочка, хотя даже не из десятка, тебя и сотня теперь не успокоит.

Ленка слушала его и ловила в теле тающие медленно отголоски накативших ощущений. Отчим легонько гладил её,

лежа рядом и закинув на неё левую ногу, что тоже было приятно. Его слегка обмякший гриб облизывал своим клейстером левый бок, но и это у Ленки не вызвало неприятных ощущений, ведь она всё ещё помнила, как по скользкой, смазанной этим клейстером дорожке скользила шляпка, даря Ленке сладкие ощущения и что именно в конце этого скольжения она получила очень приятное что-то во всём теле. Прав оказался отчим, просто медовые ощущения, которых хочется ещё и ещё. А ведь она пока точно не всё получила, туда-то гриб не протиснулся, а значит, когда мать орёт сильнее, это не про сверху, а про там. Ленка решительно повернулась к отчиму:

– Всё, я хочу всё и сейчас. Ты обещал. Пусть будет больно, я потерплю.

Но отчим вдруг серьёзно посмотрел на неё и спросил:

– Совсем ты мне голову заморочила своим хочу. У тебя последний раз месячные когда были?

У Ленки жаром вспыхнуло лицо. Мама сказала, что мужчины о месячных знать не должны, надо скрывать и беречься, что бы не протекло и никто не увидел, а то засмеют и в школе и во дворе, а тут так прямо и скажи. И она, надувшись, отвернулась.

Дядя Слава усмехнулся и развернул её за плечи к себе:

– Смешная ты, Ленка. Чего теперь-то стесняться. Я хочу тебя научить, как и кайф словить и не залететь, поняла, дуручка.

Что такое «залететь» Ленка не знала и отчим рассказал, пояснив на примере пестиков и тычинок, как получаются дети после приятного и как это неприятно, если они не нужны. Ленка душой не была и всё поняла с первого раза. Потом они прямо так, голышом, сидели рядышком за её столом и на вырванном из тетрадки по математике листке в клеточку считали когда бывает только кайф, как это всё, испытанное Ленкой, назвал отчим, без детей, а когда кайф может закончиться большими проблемами. К удовольствию обоих, сегодня кайф был абсолютно безопасен, потому что месячные у Ленки придут через пару дней, и они вернулись на кровать.

Пододеяльник уже во многих местах украсился заметными пятнами спермы, как оказывается правильно называется клейстер, и застыл в этих местах коркой. Дядя Слава велел перед приходом матери заменить его на такой же, что бы мать ничего не заметила, а этот выстирать и высушить, когда мать уйдет снова на смену. Ленка понятно кивнула и на сей раз сверху пододеяльника она по совету отчима подстелила себе под попу старое полотенце, которое можно потом незаметно выбросить. Для чего это надо отчим не сказал, и Ленка не стала уточнять.

Дядя Слава решил научить Ленку и целоваться по-взрослому и вначале, насмеявшись вволю и даже получив от отчима легкий подзатыльник за непослушание, Ленка наконец поняла в чём заключается секрет приятного в том, когда в твоём рту шарится чужой язык и позволила себя целовать

долго и вдумчиво, ловя новые ощущения и уже даже ответила робкой попыткой просунуть свой язык в рот дяде Славе. Она потянулась к отчиму, придвинувшись и прижавшись всем телом, ощущая щекотку от его волосатых рук, груди и ног.

Дядя Слава снова рыкнул, как соседский пёс Палкан, и, одним прыжком оказавшись между понятливо поднятыми ею вверх ногами, которые она уже сама положила ему на плечи, продолжил закреплять уже пройденный урок, который Ленка учила бы снова и снова, утопая в сладких ощущениях. Заминка снова произошла внизу, но на этот раз дядя Слава сначала снова довёл Ленку до разрядки, как он это называл, а потом уже начал медленно пихать в дырочку, к которой Ленка примаскивала тряпочки и вату во время месячных, шляпку своего гриба, которую он называл «головкой», а сам гриб «членом». Сначала голосом учителя дядя Слава рассказал прилежно внимавшей каждому слову ученице, что самый сладкий и долгий кайф ловится когда член мужчины на всю длину входит во влагалище женщины, как он назвал дырочку внизу ленкиной письки, ещё раз обозначив вход в неё легким проникновением своего указательного пальца, когда доводил Ленку до второй в её жизни разрядки. Он пояснил, что член щекотит и трёт там какие-то стенки, которые сжимаются, доставляя и мужчине и женщине ещё больше удовольствия. Эти стенки у Ленки будут такими чувственными, а само влагалище таким узким, что оно имеет право носить

гордое звание «сладкой норки», как окрестил он эту дырочку у Ленки внизу. Выход из попы, называется анус, то, что располагалось между ногами Ленки «половые губы», а пульсирующий бугорок, который дядя Слава велел ей потрогать своим указательным пальцем, что бы знать где он прячется, назывался «клитором».

Все слова Ленка старательно запомнила, потому что отчим записывать не разрешил. Единственное в новых названиях, что насмешило Ленку, было слово «член», потому что везде висели портреты членов политбюро и портреты этих членов старшеклассники несли на демонстрации в мае и ноябре. Пришлось поверить отчиму на слово, хотя сравнение мужской гладкой и полной жизни напряженной пизды с крепеньким грибом ей нравилось куда больше, чем со старыми рожами с обвисшими щеками и тремя подбородками на портретах этих членов.

Словившая второй раз за последние пару часов кайф Ленка ждала обещанного ещё более яркого сладкого взрыва и внимательно прислушивалась к тому, что делал с ней отчим. Ей хотелось до мелочей запомнить свой первый раз, после которого, как сказал дядя Слава, она станет настоящей и самой желанной женщиной, каких мало и которая заведёт гарем из мужиков, готовых носить её на руках и купать в мехах и золоте. Отчим уже привычно поработал языком в остывающих от кайфа половых губах, не касаясь клитора и, смочив палец в её влагище, намазал головку члена, который тут же

отреагировал выступившей капелькой спермы. Ленка вслушивалась внимательно и будто увидела, как отчим медленно и аккуратно, как бы натягивая внешнюю кожу вокруг влагалища и не давая ей заворачиваться внутрь, по миллиметрию начал пропихивать головку члена внутрь. Ленка почувствовала как сначала влагалище резко сжалось и увидела, что отчим зажмурил глаза. Он остановился, хрипло и рывками выдыхая. Ленка от нетерпения слегка сама подалась вперёд, но отчим каким-то свистящим шёпотом выдохнул:

– Не шевелись, только не шевелись, – и Ленка испуганно застыла. Через непродолжительное время отчим облегчённо выдохнул и продолжил ласкать её руками, но движения внизу прекратил. Через пару минут Ленка почувствовала, что она расслабляется и тут же появилось ощущение, что во влагалище тоже стало спокойнее. Видимо отчим ощутил перемену, потому что широко улыбнулся и одобрительно проурчал:

– Ай, умничка, какая же ты, Ленка, умничка. Ох и бедовой ты бабой будешь, погибелью для мужиков, попомни, сладенькая моя. Ты только слушай себя и не торопись сама и не торопи меня и всё будет отлично!

Ленка не совсем поняла, но решила потом спросить, что значит слушать себя и как понять, что она куда-то торопится или нет.

Внизу на входе во влагалище отчим слегка как бы дёрнул членом и снова появилось ощущение распираания, но боли

почти не было, а вот чувство приятного касания к стенкам влагалища появилось, и они тут же отреагировали сжатием.

Отчим снова рыкнул и застыл. Но на этот раз Ленка застыла вместе с ним, а потом стала сама себя успокаивать и, вместе с расслабляющими поглаживаниями отчима, на сей раз влагалище расслабилось быстрее, что отчим сопровождал снова одобрением и обещанием великолепного будущего его «сладкой девочки». Ленка мысленно похвалила себя за сообразительность и ждала, что отчим снова продолжит игру в «тук-тук», как она мысленно назвала свой первый раз, а она сначала там скажет «нет никого дома» и сожмёт стенки, как бы выпроваживая гостя, а потом расслабит и ещё на чуть-чуть пропустить внутрь. И так пока не получит обещанного суперкайфа. Игра ей понравилась, тем более, что она уже чувствовала себя не просто послушной ученицей, а уже «сладкой женщиной» – повелительницей мужчин.

Отчим слегка подёргал членом внутри влагалища, которое тут же сжалось, но расслабиться Ленка не успела, потому что в коридоре раздался звонок телефона. Дядя Слава давно хотел заменить старый, еще сталинских времён, аппарат на новый, что бы он не пугал своим режущим уши воплем и зря этого не сделал, потому что они оба так вздрогнули, что дядя Слава отпустил ленкину попу, а её ноги, соскользнув с его плеч, нарушили равновесие, и он кувыркнулся назад, брызгая струёй спермы как на себя, так и на пол. Приложился дядя Слава спиной и затылком о пол знатно, продемонстриро-

вав в кувырке волосатый зад и вся эта картина показалась Ленке весьма забавной, несмотря на незаконченную обещанным суперкайфом игру. Ленка еле сдержала смех, зажав рот ладонями и изобразив на лице испуг, хотя тело уже начал сотрясать хохот и уткнулась в подушку, чтобы не расхохотаться в голос. После того, как она слышала, как отчим выскочил, матерясь, в коридор и заорал в трубку, она рассмеялась, глуша хохот подушкой. Хохотала Ленка до слёз, и до икоты, потому что память услужливой каруселью продемонстрировала то волосатый зад отчима, то его очумевшие глаза, то шляпку гриба из которого таки вылез грибной червяк, вернее не вылез, а вылетел, как Змей-Горыныч. Просмеявшись и вытерев выступившие слёзы, Ленка быстро натянула трусы с майкой и, застегнув халатик, вышла в коридор, потому что между ног явно чувствовался дискомфорт и сегодня продолжения игры уже не хотелось. Хватит с неё и кайфа и смеха на сегодня.

Дядя Слава был уже в робе и, сидя на табурете у вешалки с уличной одеждой, матерясь на какого-то Егорыча, который никак не упьётся, начальника, который других идиотов не знает, надевал ботинки.

Ленка поинтересовалась :

– Ты куда, дядя Слава ?

Отчим не глядя в её сторону буркнул:

– Матери скажешь, что я на полторы смены ушёл, там Егорыч опять нажрался, надо подменить, а потом моя сразу в

ночь. Пусть пожрать сгоношит и притащит сама, тебе вечерами шастать по промзоне не надо, так и скажи, если посылать будет, что я запрещаю.

Взявшись за ручку двери отчим посмотрел на Ленку и, видимо заметив покрасневшие от хохота лицо, заплаканные глаза и дорожки слёз на щеках, понял всё по-своему и, слегка прижав Ленку к себе, погладил её пониже спины. Потом урчащим голосом дядя Слава пообещал:

– Не плач, дурочка, сладкая моя девочка. Скоро всё, что обещал, сбудется. Вот мать в ночную пойдёт, а я подменюсь, если совпадёт, и мы с тобой продолжим. Ты там дни посчитай, как я учил, что бы кайф без фигни. Поняла?

Ленка кивнула и отчим закончил, уже открывая дверь:

– Ты уже такая сладенькая, что съел бы и ни с кем не поделился. Не скучай и наведи порядок там, что бы мать не просекла чего.

До возвращения матери было ещё часа три и Ленка, наскоро протерев пол у себя в комнате и сменив пододеяльник, залезла в ванну, прихватив с собой зеркальце.

Наполнив ванну до половины, она закинула ноги на края и стала через зеркальце рассматривать половые губы и вход во влагалище. Клитор ещё был чувствителен, но касаться его в воде было приятнее, и Ленка стала водить пальцами в складках половых губ, как это делал отчим, потом, осмелев, немного засунула палец во влагалище и провела им по стенкам. На входе было немного неприятно, а засунуть палец

глубже Ленка побоялась и вернулась к исследованию своего тела. Гладить себя было приятно, особенно в тех местах, где языком орудовал отчим. Вода в ванной немного остыла и Ленка решила добавить потеплее и переключила на гибкий душ. Ручка насадки выскользнула из рук и душ упал ровно между оставшихся согнутыми в коленях ногами, а струи воды защекотали в районе ануса и чуть выше. Это оказалось очень приятно и Ленка, взяв насадку, стала водить ей по половым губам, то приближая, то отстраняя водяные струйки. Через пару минут Ленка почувствовала знакомые уже сладкие позывы и увеличила напор воды в душе. Сладкой истомой отозвались и соски, вдруг ставшие твёрдыми и она их слегка помассировала, как это делал дядя Слава. Когда же после этого Ленка снова повела душем по половым губам, то чуть не вскрикнула, когда одна из колючих струек душа попала ровно в зёрнышко клитора, которое она нащупала под руководством отчима и разглядела несколько минут назад в зеркальце. Ощущение оказалось скорее болезненным, нежели приятным, и Ленка поняла, что этого зернышка так грубо касаться нельзя и стала экспериментировать. Так она додумалась подставлять половые губы под струю воды, сняв с душа насадку. Под водой напор был мягким, а направление регулировалось по ощущениям и первый раз свой собственный, так сказать рукотворный кайф, Ленка словила минут через десять, подобрав и позу, и напор, и последовательность действий. Низ живота млеет от ощущений, и Ленка уже хо-

рошо чувствовала когда и как стенки влагалища сжимаются, а когда расслабляются. Только теперь до Ленки дошло, что делал с утра над раковиной отчим. Он сам себе дарил кайф. Теперь и она умеет это делать. А скоро дядя Слава научит её как добывать себе ещё больший кайф, когда и он и она вместе. Уж она постарается на отчине научиться всему, ведь пока он оказался хорошим учителем. Вот повторила его сегодняшние приёмчики и теперь смогу кайфовать сама когда захочу. Ленка блаженно потянулась в тёплой воде и снова прислушалась к себе. Нет, её новое тело удовольствием не наелось и хотелось его ещё. И чего проще. Пускаем воду, устанавливаем напор и...

Ленка просидела в ванне до самого прихода матери, доведя себя до кайфа ещё три раза, что измотало её. Выползя на трясущихся ногах из ванной, она сказала матери, что у неё болит голова, передала слова дяди Славы и поплелась спать. Заснула она быстро и, встав ночью в туалет, с удивлением увидела нетронутую постель в спальне.

Ленка уже выбегала в школу, когда пришли мама и отчим, но даже набегу она заметила, что мама как-то особенно ласково смотрит на дядю Славу и нежно погладила его по небритой щеке, а он довольно хрюкнул и уже за закрывшейся за ней дверью она услышала его урчащий голос:

– Пошли-ка вместе помоемся, а потом на кровати продолжим, ты сегодня какая-то особенно сладкая.

– Ну и пусть она тоже сладкая, а я – медовая, – с превос-

ходством буркнула Ленка и вприпрыжку побежала в школу.

Отчим продолжил обучение через неделю, потому что у Ленки пришли месячные и следующий раз для кайфа без последствий был через пару дней после их окончания. Дядя Слава проверил расчёт и пообещал на воскресенье в ночь, когда попадала ночная у матери, подмениться. Субботним вечером они вместе с матерью ушли на смену, но через полчаса дядя Слава вернулся и через минут десять, ополоснувшись под душем, абсолютно голым вошел в комнату Ленки, которая ждала его, свернувшись калачиком по одеялом. Деловито проверив и подправив расстеленное под ленкиной попой полотенце, дядя Слава скинул к стенке одеяло и присел между её ног, которые она уже привычно подняла и, разведя в стороны, положила на волосатые плечи отчима и уже ни капли не стесняясь подалась вагиной вперёд, требуя ласк. Дядя Слава понятиливо хмыкнул и не обманул её надежд, подарив яркую вспышку буквально через пять минут. Ленка удовлетворённо расслабилась и тут же почувствовала, что отчим аккуратно расправляет края влагалища, осторожно пропихивает головку члена внутрь. Ленка постаралась сдерживать сжатие стенок и ей это почти удалось, потому что головка заметно продвинулась во влагалище, пока его стенки снова не сжались, что вырвало у них почти одновременный стон. Ленка застыла, знакомясь с новыми ощущениями, потому что внутри было сладко и немного больно одновременно. Отчим тоже замер, зависнув над ней и втянул в себя воз-

дух со свистом. Ленка открыла глаза и увидела, что его лицо напряжено, а на виске пульсирует жилка. Он медленно по одной положил ноги Ленки на кровать и, опираясь на локти, не вынимая члена, стал медленно целовать ленкину грудь, шею, а потом стал шерудить своим языком во рту, раздвинув ленкины зубки. Правая рука гладила её тело, и она начала расслабляться. До Ленки дошло, что она упустила свою роль в игре тук-тук и слишком захлопнула дверь. Она вспомнила свои эксперименты в ванной и попробовала расслабить стенки влагалища. Член отчима отреагировал мгновенно и дернулся внутри, тут же проскочив ещё немного внутрь, а когда стенки снова сжались, он вдруг как бы решил уйти, и Ленка подалась навстречу, догоняя. Отчим взвыл сквозь зубы, и Ленка почувствовала как внутри её что-то очень горячее толчками выливается и начинает вытекать между ног. Отчим качнулся вперёд и Ленка чуть не захлебнулась от крика, потому что тянущая боль, но одновременно и сладкие ощущения от трения члена о стенки влагалища, вырвали из неё подслушанный у матери жаркий шёпот: «Ещё! Ещё!»

Отдышавшись дядя Слава взял Ленку на руки и отнёс её в ванную. Между ног и у него, и у неё текла кровь, смешанная со спермой. Внизу ленкиного живота немного болело, но она не испугалась, ей хотелось продолжения. Она откуда-то знала, что всё получилось как надо в этот первый раз, в который должно быть немного больно, но зато теперь она получит в награду суперкайф.

Дядя Слава ополоснул член в раковине и залез к Ленке в ванную, предварительно чуть спустив воду. Он посадил Ленку себе на грудь и стал уже привычно доводить её до разрядки, лаская языком половые губы от влагалища до клитора, как бы зализывая причинённые раны. За секунду до разрядки дядя Слава вдруг быстро засунул свой палец в анус и что-то там помассировал, и Ленка чуть не потеряла сознание от полученного острого удовольствия. Она даже осознать произошедшее не успела, а когда пришла в себя, то поняла, что отчим успел её развернуть и теперь языком шерудит внутри её попы. Сил возмущаться у Ленки почти не осталась, и она только тихо выдохнула: «не надо, там же какашки», на что дядя Слава рассмеялся : «какие какашки могут быть у медовой девочки»— и снова засунул палец до упора и что-то там опять начал массировать. Через минуту Ленка почувствовала, что в анус тычется головка члена, но, вместо того, что бы отстраниться, наоборот подалась навстречу, что заставило отодвинуться уже отчима, и он дыхнул ей на ухо: «не спеши, торопыга, не спеши, первый раз я сам, ты только слушай себя и запоминай, как слаще, а как больно и говори мне». Ленка послушно кивнула и тут же почувствовала рядом с клитором пальцы отчима, ласкающие складки половых губ, а его губы стали нежно покусывать её правое ушко.

И на этот раз оргазм, как пояснил потом дядя Слава, был у них практически одновременный и опять с новыми ощущениями. Горячая сперма смазала анус так обильно, что отчим

продолжил аккуратно и неторопливо в ней двигался, доводя себя и её до повторной разрядки, но крови на этот раз не было ни капли и в анусе осталось только чувство небольшого распираания.

Когда Ленка отошла от разрядки, она вопросительно взглянула на отчима, что мол теперь, он как-то немного вроде смутился и спросил не хватит ли для первого раза. Ленка твёрдо сказала, что нет, не хватит.

Тогда дядя Слава, продолжая смущаться, спросил, хочет ли она узнать, как кроме игры с анусом, женщина может доставить мужчине удовольствие когда ей не безопасно, а секса хочется обоим. Ленка ничего не поняла, но согласно кивнула головой, и отчим спросил, не хотела бы она поласкать его, как он её. Ленка с готовностью кивнула и попросила объяснить, что и как как надо делать. Дядя Слава присел на борт ванны и взял свой член в руки. Вид был у него так себе, потому что он вполовину уменьшился, а кожа из атласной стала как гофрированная бумага из которой Ленка с мамой обычно делали цветы на первомайскую демонстрацию. Пока Ленка внимательно рассматривала член, гладила его и теребила, отчим внимательно следил за ней и, не увидев на её лице отвращения, стал объяснять что и как надо делать. Она внимательно выслушала и даже задала вопрос, что делать, если весь член в рот не поместится, а если в горло попадёт, то она ведь задохнётся. Дядя Слава успокоил, что всему она научится, если захочет, а он расскажет, как и дыхание задер-

жать, что бы не задохнуться и сперму сглотнуть, что бы не вырвало. Последнее Ленку насторожило, но отчим сказал, что это очень полезно для женщины и что многие из них мужской спермой ещё и лица мажут, что бы кожа дольше молодой оставалась. Для Ленки это пока было не важно, но она запомнила совет отчима.

Первый оральный секс у Ленки получился не очень, её и правда чуть не вырвало, и отчим предложил отложить обучение этой игре, раз пока не покатило. Но Ленка и не подумала отступать и с третьей попытки член отчима взлетел гордым грибом и облил спермой её лицо и грудь выскользнув изо рта. Дядя Слава настоял на том, что бы Ленка позволила ему её помыть, а она потребовала вернуться к обещанному суперкайфу. Отчим спорить не стал, но попросил внимательно слушать и ловить ощущения, а если будет больно, то не терпеть, что бы это чувство не закрепилось и не помешало потом получать удовольствие. Ленка согласно кивнула и отчим, подложив под попу Ленки сложенный пододеяльник, принесённый ею наконец на стирку, закрыл спинку ванной махровым полотенцем и посадил на импровизированное кресло Ленку. Потом пустил теплую воду и, закинув ноги Ленки себе на плечи, начал уже хорошо выученный Ленкой урок, но на сей раз не доводя её до разрядки, а останавливаясь несколько раз в миге от неё и охлаждая пыл «сладкой девочки» успокаивающими поглаживаниями. Ленка уже ненавидела отчима, а он всё не входил в неё и не вхо-

дил. Наконец она почувствовала головку члена во влагалище, но, помня наказ, стала прислушиваться к ощущениям и отмечала, как с каждым небольшим толчком, стенки влагалища уже не так остро реагируют и быстрее расслабляются. Лишь в одном месте она ощутила легкое саднение внутри, но оно почти сразу пропало, и Ленка продолжила прислушиваться. Она почувствовала, что член вошёл почти полностью и начал медленные, но ритмичные скольжения внутри всё убыстряя темп. На это стенки влагалища с готовностью ответили и внизу живота началось какое-то порхание, словно легкие крылышки бабочек щекотали её изнутри. Ленка выдохнула: «Хочу ещё!» и тут же ощутила скольжение одновременно пальцев отчима к клитору снизу и мощный толчок внутри, от чего стенки влагалища сжались очень сильно и очень сладко. В этот миг внутри как что-то взорвалось, и Ленка ослепла от рассыпавшегося в голове фейерверка. Она чувствовала, как вторя волнам разрядки её тело выгибается и слышала как рычит дядя Слава. Сколько времени длился суперкайф, а в том, что это был именно он, Ленка уже не сомневалась, она не знает, но это было очень приятно им обоим. Когда Ленка открыла глаза, то увидела, что по небритым щекам отчима текут слёзы и, погладив его по щетине, спросила заботливо:

– Ты чего, дядя Слава ?

Отчим с всхлипом втянул воздух, вытер глаза ладонями и хрипло ответил:

– Спасибо, « медовая» моя девочка, я и не думал, что может быть так сладко. Поверь, я много знал женщин, но ты просто великолепная женщина, Елена Прекрасная ! Жалко, что мы не в Турции или Средней Азии, женился бы на тебе и запер в гареме. – и он с чувством поцеловал Ленке руку.

Из ванной, запустив стиральную машинку с пододеяльником и простынкой с ленкиной кровати, они переместились на кухню и, поужинав из собранного матерью на смену отчиму туеска, разошлись по своим комнатам, и Ленка мгновенно уснула утомлённая и очень счастливая.

Утром она проснулась от хихиканья и возни в коридоре, а когда встала с кровати, то на полке своего шкафчика увидела аккуратно выглаженные пододеяльник и простынь, которые дядя Слава сам и из машинки достал, отжал и просушил утюгом. Ленка удивилась несказанно, потому что отчим всегда делил строго дела на женские и мужские, но больше это было сделать некому. Ленка накинула халатик и поплелась умываться, но ванная была занята, и мама с кухни попросила подождать, пока дядя Слава после смены помоеется. Ленка чуть не ляпнула с какой такой смены, если он дома ночевал, но вовремя сообразила и закрыла рот. Она пошла на кухню и присела на табурет напротив мамы, которая улыбалась какой-то незнакомой улыбкой и на немой вопрос дочери сообщила, что они с дядей Славой теперь поженятся, потому что у Ленки скоро родится братик или сестричка. Ленка сама от себя не ожидала того, что сотворила в ответ на ошарашив-

шее её известие. Она вскочила и сжав кулаки заорала что есть мочи:

– Нет! Нет! Нет! Никакого братика и никакой сестрички ! – и с рёвом унеслась в свою комнату. Она рыдала долго и никакие уговоры мамы, обещавшей, что она не станет любить её, свою доченьку, меньше, её призывы взять себя в руки и даже угрозы вызвать врача на Ленку не подействовали. Дядя Слава к ней в комнату не заходил, и Ленка про себя твердила, что он предатель, предатель, предатель. Наконец она устала рыдать и стала прислушиваться к голосам на кухне. Отчим гудел своим басом, а мама отвечала ему, срываясь на фальцет. Потом хлопнула входная дверь, а через минуту дядя Слава присел рядом с ней на кровать и погладил её по спине и, потянув за плечо, развернул Ленку к себе.

– Ну и что за истерика, сладкая моя? Что у тебя такого случилось? Что тебя так расстроило? – спросил отчим, вытирая её мокрые щеки носовым платком.

– Она сказала, что вы поженитесь.

– И что страшного Мы и так пять лет живём вместе. Ну распишемся, что изменится для тебя? Ничего. Моя фамилия будет у малыша, а ты не хочешь не меняй. Ты поэтому так расстроилась, что не хочешь Хомутовой быть ? Так я и маму не заставляю менять фамилию, оставайтесь Табакакашкиными, раз вам так больше нравится. Я бы и сам стал Табакакашкиным, да мужики засмеют.

Ленка присела рядом с ним на кровати и положила голову

ему на плечо. Она судорожно вдохнула воздух и спросила:

– А как же наша игра в доктора?

Отчим прижал её к себе и жарко шепнул в самое ухо:

– Леночка, медовая моя, ты мне только скажи когда захочешь, я всегда буду готов и всё для тебя сделаю, моя сладкая девочка. А потом ты встретишь молодого, красивого и сама меня бросишь, старого и страшного. У тебя будет столько докторов, сколько ты сама захочешь, а я никогда не забуду, что у тебя был первым и всегда тебе буду благодарен.

Ленка шмыгнула носом и капризно прогнула губы:

– Не хочу молодого и красивого, а тебя дядя Слава я хочу сейчас!

Отчим хмыкнул довольным и укорил слегка:

– Какая же ты ненасытная, Ленка-пенка с варенья клубничного! Я с детства больше всего люблю пенки с клубничного варенья, но ты вкуснее. Я тоже тебя хочу, очень хочу, но сейчас нельзя, скоро мать с тортиком и шампанским уже вернётся и будем праздновать. А с тобой мы подгадаем, если надо я ещё подменюсь и все дела. А теперь будь умницей иди умойся и причешишься, а то как домовёнок Кузя выглядишь.

Ленка послушно поплелась в ванную и, уже расчёсывая всклокоченные в истерике волосы, услышала как мама вернулась из магазина. Потом они пили чай с любимым ленкиным песочным тортом и ей даже плеснули на дно хрустального бокала шампанское, которое смешно защекотало в носу, отчего Ленка громко и весело расхохоталась, а мама

чмокнула дядю Славу в небритую щеку и с удивлением произнесла:

– Не думала, что ты у меня ещё и Макаренко!

Ленка не поняла при чём тут какой-то Макаренко, но вид внезапно смутившегося и зардевшегося от похвалы как красная девица отчима, снова довёл её до приступа смеха, и она, махнув на прощание рукой, выскочила из кухни, крикнув напоследок:

– Ой, я с вами сегодня живот от смеха надорву! Я лучше к Наташке пошла, что бы вам не мешать, жених и невеста.

Когда через два часа Ленка вернулась от подружки спальни мамы и отчима была закрыта и из неё доносились уже понятные Ленке звуки и стоны. Ленка на этот раз прислушиваться не стала, потому что она всё равно для дяди Славы лучше и слаще. Ленка улеглась и подумала, что их с отчимом секрет она никому не расскажет, улыбнулась сама себе и сразу заснула, не обращая внимания на мерные удары о стенку.

Их с дядей Славой секрет раскрылся через пять лет, когда она уже сдала экзамены и получила аттестат. В свои 17 лет Ленка налилась и округлилась, удивляя учителей статью и более чем спокойным отношением к мальчикам. Они и правда её не интересовали, у неё был Слава, как она уже про себя его называла, её Слава. Да и зачем ей был нужен кто-то ещё, если Слава каждый раз снова и снова умело доводил её о фейерверка в голове и блаженной истомы в уже полностью оформившемся теле? Они с увлечением пробовали всё но-

вые и новые «штучки», как называл их игры в постели или в ванной Слава, и каждый раз эти штучки дарили Ленке новые оттенки сладких ощущений.

Три раза этим летом они со Славой ездили на дачу его друга в дальнем садовом товариществе, и там Ленка орала в своё удовольствие, требуя от Славы сильнее и глубже и уже не сдерживая себя. Вечером все дачи пустели вокруг и на ночь приезжали с последним автобусом только Ленка со Славой. Они пили сладкое вино, ели ягоды и пирожные, а рано утром Слава варил ей кофе и подавал со взбитыми сливками в постель, и после этого они опять затевали игру, а потом бегом бежали к остановке, чтобы не опоздать на первый автобус в город.

Счастье неожиданно закончилось кошмаром. Ленка откровенно бездельничала весь июль, пока не решив куда поступать, и болталась дома. По графику день был безопасный, и дядя Слава в этот будний день снова специально подменился. Они уже наигрались в ленкиной постели и перебрались в ванную, готовясь разнообразить ощущения играми в воде. Но Ленка как-то не так нагнулась, расставив ноги, что бы закрыть заглушкой слив воды, что Слава не утерпел. С всегда волнующим её рыком, он вошёл в неё сильно, на всю глубину, притянув к себе за бедра и Ленка от неожиданности и острого удовольствия не сдержалась и тоже утробно застонала. Она уперлась в край ванной и стала играть в «тук-тук» сжимая и расслабляя стенки влагалища, что уже делала

в совершенстве, доводя и себя и Славика до одновременной и очень яркой разрядки. Они кончили как всегда ярко, но после обычного мига слепоты и глухоты, в уши Ленки ворвалась оглушительная какофония звуков. В распахнутой двери ванной стояла мать, орущая дурным голосом, на руках у которой заходился рёвом младший брат.

Как потом выяснилось, матери позвонили из детского сада на работу и сообщили, что сын заболел и надо его забрать. Мать позвонила соседу дяде Пете и попросила подъехать к садику, чтобы довести её с заболевшим ребенком до дома. Дядя Петя привёз их домой и помог занести сумки. Мать понесла обрыгавшегося по дороге сына отмывать в ванную и, распахнув незапертую дверь, увидела «картину маслом» с Ленкой и Славиком в главных ролях.

Мать орала как взбесившаяся бензопила, стоя в дверях ванной, а перепуганный трёхлетний толстячок Ванька, которого она держала на руках, отпихивая её, ревел ещё громче. Дядя Петя выглядывал из-за плеча матери, с любопытством разглядывая совершенно голых Ленку и Славика, как он называл соседа, застигнутых в весьма однозначной мизансцене, не оставляющей никаких сомнений в том, чем они занимались несколько секунд назад, потому что по ногам Ленки бежали ручейки спермы.

Хорошо ещё, что Слава в тот момент, когда мать заорала, уже вынул свой член, а не вогнал его в ленкино влагалище до упора, а то неизвестно чем от шока всё могло закончиться.

Ленка уже многое знала о сексе, в том числе и о том, что от испуга может произойти сцепка, как у животных. Однажды дядя Слава показал ей двух собак, одна из которых вертелась сверху другой, и визжа пыталась перескочить то одной, то другой задней лапой, то состыковывалась попой к попе, но никак не могла отцепиться. Слава сказал, что кто-то их напугал и теперь, пока испуг не пройдет, кобелёк не сможет достать член из сучки.

Ленка спокойно отпустила край ванной, в который упиралась, и, выпрямившись, посмотрела на Славу. Он стоял, опустив голову, а его член, наоборот, торчал во всей красе. Ленка сняла с вешалки халатик и стала его надевать нарочно медленно, глядя прямо в глаза дяде Пете. Тот смутился и, буркнув что-то себе под нос, наконец исчез. Ленка отобрала орущего брата у наконец замолчавшей матери и понесла его в их общую комнату, оставив мать и Славу выяснять отношения.

Возможно всё бы и обошлось малой кровью, но дядя Петья оказался редким треплом, потому что через два часа, когда мать уже успокоилась, и они втроем сидели на кухне и молчали, подбирая слова и обдумывая выход из создавшегося положения, к ним в квартиру явился участковый, и мать по его требованию и под угрозой быть посаженной в тюрьму за соучастие в растлении несовершеннолетней написала на мужа заявление. Ленке бы заорать тогда и на мента и в лицо матери, что это она сама, а не отчим, захотела с ним

заниматься сексом, может от них и отстали бы, но она струсила и только молчала на все вопросы участкового. Славу забрали в милицию, а Ленку мать потащила в больницу, где врач её осмотрела, ковыряясь грубо и какими-то холодными железками там, где Славик трогал её ласково и только языком или гладким и горячим членом. Ленка молчала на все заданные ей вопросы врачихи, потом тётки, которая представилась психологом и у дедка-психиатра, к которому её отвезли после психологини.

А потом её вместе с матерью вызвал к себе следователь, и Ленка сама не поняла как и зачем она подписала какие-то бумаги вместе с матерью, после чего их отпустили домой, куда Славик не вернулся уже никогда. Он повесился в камере после какой-то пресс хаты, как шептались тогда соседи, разглядевшие на лежащем в гробу отчине синяки и гематомы кроме двух полос на шее.

Через несколько лет, служа в УФСИН Ленка уже знала и как появляются эти две полосы на шее «самоубийцы» и что такое «пресс-хата» и поняла, что Славу, её Славика просто убили в следственном изоляторе. Больше ни один мужчина не доставил ей тех сладких ощущений, которые каждый раз дарил ей её первый мужчина.

Мать тоже, как и Ленка, ревела ночами до сороковин. Так и рыдали они, потерявшие любимого мужчину, которого они, наверное, поделили бы как-нибудь, договорились бы, если бы в их жизни не вмешались посторонние. Мать реши-

ла поменять квартиру, чтобы не видеть соседей, а особенно дядю Петю, которого, как и Ленка считала виновником смерти Славы и своей разрушенной жизни. Они переехали на другой конец города, а через полгода, когда ей исполнилось 18 лет, Ленка по набору пошла служить в службу исполнения наказаний, где по её разумению мужиков был вагон и маленькая тележка.

Только теперь, многие годы спустя, до Ленки дошла простая как три рубля, сложенные вчетверо, мысль, что именно за предательство первого и последнего искренне любившего её мужчины, она и расплачивается своим непроглядным одиночеством шлюхи по требованию.

Очумевшая уже от бессонных ночей Ленка взвыла от осознания бессмысленного ожидания изменений судьбы в лучшую сторону и провалилась в безумную истерику.

Сандро проснулся от грохота и спросоня не сразу сообразил, что происходит. Кто-то долбил чем-то очень тяжёлым по полу верхней квартиры. Он глянул на часы и с удивлением увидел, что только половина пятого утра. Мира тоже проснулась и с недоумением уставилась на звенящие подвески люстры. Сандро быстро натянул домашние брюки и футболку и, чмокнув жену в нос, ласково шепнул,
—я сейчас всё выясню, не тревожься, милая.

Он бегом поднялся наверх и позвонил в квартиру, откуда всё отчётливее раздавался не только грохот, но и дикий вой. На звонок и стук в дверь в квартире не отреагировали,

но зато высунулись из квартир все соседи с площадки, которые и сообщили, что в квартире живёт одна женщина, которая в клумбах иногда копается у дома в ярких спортивных костюмах и вроде бы работает в администрации города. Так же кто-то сообщил, что у неё есть сын, но он здесь уже лет десять как не появлялся, значит бузит она и надо, наверное, ломать дверь, потому что женщина явно не в себе, как бы что с собой не сотворила. Пока соседи судачили, снизу поднялась Мира и сообщила, что уже минут десять назад вызвала сразу полицию, МЧС и скорую с психиатром, призвав всех отправиться досыпать, потому что никто ничего без сотрудников полиции ломать не имеет права, а пока женщина так орёт и держит в руках что-то очень тяжёлое, ничего другого она с собой сделать явно не сможет.

Соседям было любопытно, но Сандро аккуратно, но настойчиво, запихнул полуодетых мужчин и женщин по их квартирам и приобнял жену:

– Я тебя, милая, просто обожаю. Пока мы тут базарили, ты всё уже решила.

Как бы в ответ на его слова решительно постучали во входную дверь подъезда, и Сандро быстро побежал вниз, открывать дверь, закрытую замком домофона. На площадку поднялись сразу и наряд полиции, и сотрудники МЧС, и санитары с доктором, которым Мира быстро и чётко пересказала события последних 30 минут. На стук и требование полицейского открыть дверь, вопящая в квартире женщина не

отреагировала, и сотрудники МЧС сбежали вниз. Через десять минут они открыли дверь изнутри, и Мира с полицией и медиками зашла внутрь, а Сандро остался на площадке, отсекая любопытных соседей.

Вошедшие увидели, что уже явно уставшая женщина в тренировочном костюме, поднимает и опускает с грохотом увесистое кресло на пол в центре комнаты, пытаясь разбить какой-то предмет, похожий на палку колбасы. Сдвинутый в сторону ковёр лежал на втором кресле, а по всему полу разлетелись куски каких-то механизмов, коробки от которых валялись тут же.

Мира подняла одну из упаковочных коробок и усмехнулась, прочитав название фалоимитатора из секс-шопа, надо же такое придумать. Теперь стало понятно, что так старательно пыталась уничтожить эта всклокоченная женщина, которую двое здоровых санитаров никак не могли оторвать от её занятия. Доктор уже неторопливо набрал в шприц лекарство и, умудрившись, вколол его дебоширке. Через пять минут отключившуюся женщину уложили на носилки, и два мужичка резво потрусили, с весьма увесистой поклажей, вниз. Мира, с согласия полицейских, деловито осмотрела квартиру, отключив все электроприборы и, заперев створки окон, попросила полицейских разрешить ей забрать на время цветы, что бы они не погибли, пока хозяйка лечится. От предложения взять себе и ключи Мира решительно отказалась, предложив опечатать квартиру и указать на бумажке

телефон для сына хозяйки или иных родственников, которые захотят присматривать за квартирой в её отсутствие. Так и порешили. Всё это заняло не менее двух часов, и Мира с Сандро даже позавтракать не успели перед работой, однако, едва выпив в кабинете чашечку кофе, Мира позвонила в администрацию города и сообщила о случившемся секретарю мэра, попросив разыскать и уведомить сына несчастной женщины. Мира Старикова не сомневалась, что её телефонограмма тут же ляжет на стол градоначальника и всё будет исполнено махом, потому что в администрации знают, что она всё и всегда держит на контроле, а попадаться под очередной фельетон в её исполнении дураков нет.

Через час Мира позвонила секретарь приёмной мэра и уведомила, что шефу доложили, и он распорядился не только разыскать сына Елены Табакакашкиной, но и послал в клинику сотрудницу, что бы его подчинённая была обеспечена всем необходимым, пока заботу о матери не возьмёт на себя её сын. Мира поблагодарила за информацию и занялась работой.

Через полгода Мира с Сандро познакомились с новыми соседями, купившими квартиру над ними. Молодой паре их родители вкладчину приобрели квартиру вместе с обстановкой, чему они были очень рады, потому что недавно поженились и уже ждали первенца, на вещи для которого и планировали потратить деньги, подаренные им многочисленными родственниками на кавказской свадьбе.

Мира не стала спрашивать, кто продавал квартиру соседки, молодые об этом явно не знали, но по своим каналам выяснила, что сынок оформил над мамашей опеку, зарегистрировал её в своей квартире, но, продав её квартиру вместе с обстановкой за весьма приличную сумму, сдал маман в закрытую психлечебницу аж на Урале. Злые языки болтали по городу, что Ленка Табакакашкина спятила окончательно и бесповоротно, требуя у всех убрать от неё какую-то повесившуюся Иринку, прямо как Фрида в известном романе Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита», просившая не подавать ей каждый день платок, которым она задушила своего ребенка.

Глава 3.

Он мечтал быть похожим на эту чёрную крысу, гнавшую наверх его, одиннадцатилетнего хилака, от закрытой двери в подвал, где он хотел её проткнуть железным прутом, аж два лестничных пролёта. Его спас сосед, вышедший так вовремя на прогулку со служебной овчаркой, кинувшейся на храброго зверька. Витёк на всю жизнь запомнил налитые кровью и ненавистью круглые глазки храброй крысы, бросившейся на него из тёмного угла, от чего он сразу забыл про железный прут, который сжимал в руке, и, заорав от ужаса, понесся, спотыкаясь наверх по щербатым каменным ступеням, каждую секунду ожидая, что острые зубы крысы вопьются ему в ногу, руку или спину.

Витёк не сразу понял, почему так горячо стало в левой штанине, когда сосед, с усилием удерживая на поводке хрипящего и рвущегося кобеля, стал спускаться вниз. Он увидел потемневшую полосу на ткани, расплывающуюся под ботином лужу и понял, что обоссался от страха. Витёк поднялся этажом выше и попытался незаметно прошмыгнуть по длинному коридору коммуналки в их с мамой комнату. Но счастье его осталось за порогом, там на лестнице, потому что вездесущий Фома уже зорко следил за ним из-за угла и как оглашенный заверещал на всю квартиру, собирая свою шайку, травившую Витька с самого первого дня их переезда.

–Ребя, а Витёк обоссался, а Витёк обоссался !.– орал Фома, приплясывал в узком коридоре с завешанными всяким хламом стенами и не давал Вите спрятаться в своей комнате. В ботинке противно хлопало и, от стыда и бессильной злобы, Витёк захлопал и носом. Фомка и образовавшиеся за его спиной Митяй с Пашкой, заржали и стали пихать Витька, стараясь уронить его на грязный пол коридора. И он рухнул, больно ударившись головой и правым локтем, потому что подкравшийся сзади Стёпка ударил его ногой под коленку. От боли и обиды Витёк не сдержался и заревел в голос, выдувая пузырями сопли, которые размазывал по лицу грязными ладошками. Пацаны стояли над ним, ржали весело и глумливо и не очень больно пихали его ногами, пресекая попытки уползти на четвереньках в свою комнату. Не известно, когда Пашке и его банде надоело бы издеваться над Витьком, но из пивной вернулся отец Фомы, а ему под пьяную руку лучше было никому не попадаться, и пацанва, оставив свою жертву, растворилась в недрах коммуналки быстро и практически бесшумно. Витёк тоже отреагировал на Пашкино : «Шухер, пацаны, фомкин батя пришёл!» . Подскочив на ноги он метнулся к спасительной двери и прижался к ней спиной уже в своей комнате, переводя дух и шмыгая носом. Мать к счастью была на работе и до её прихода надо было выстирать и высушить штаны, трусы, отмыть и просушить ботинок с портянкой. А для всего этого надо было пробраться в ванную с ведром и набрать воды. Витёк приставил ухо к замочной

скважине и попытался услышать где сейчас матерится фомкин батя. Убедившись, что скандал разгорается на кухне, Витёк схватил ведро и опрометью кинулся в ванную, где набрал воду и уже не бегом, но, максимально быстро, вернулся в комнату и затеял стирку. Кроме этих старых штанов у Витёка были только парадные, которые мама сшила для школы из своей старой, ещё форменной юбки, перелицевав ткань на изнанку, поэтому Витёк, кое-как отжав штаны, портянку с трусами и , приладив их на стул у холодной в это время года печки, взял книжку из маминых и стал читать, занимая время до её прихода. Книжка оказалась про чекистов, кулаков и бандитов. Витёк так зачитался, что даже пропустил приход матери, которая вернула его в действительность голосом, не обещавшим ничего хорошего. Похоже она снова пришла не в настроении, а значит будет бить, а потом рыдать и вспоминать его отца – подлеца, испортившего ей жизнь, на которого Витёк , по её словам, был похож до омерзения. Но в этот вечер мама, даже не заметив, что он в одних трусах, усадила его за стол напротив себя и объявила, что ещё в апреле она вышла замуж, и скоро они с мужем уезжают по приглашению в Канаду, где у него живут родители. Сегодня они получили разрешение выехать за границу, но взять с собой ребенка им не разрешили. Оставить Виктора здесь не с кем и поэтому его приютят двоюродные дядя и тётя мужа, у которых недавно умер сын, его погодка.

Через две недели мама и её муж, оказавшийся дородным

хохлою в вышиванке под цивильным дорогим костюмом, с висящими ниже подбородка чёрными усищами и раскатыстым басом, наскоро сдав на пироне вокзала Витька с рук на руки двум строгим тётке и дядьке, укатили в свою Канаду, как оказалось навсегда. В довесок к нему прилагался фанерный чемоданчик и связка книжек, а мать даже не поцеловала его на прощание. Она не написала ему ни одного письма, а может их просто не передавали, и Витёк возненавидел её сильнее чем любил, мечтая скорее вырасти, найти и отомстить. Вместе с матерью он возненавидел и всех баб, от которых как говорил его тренер, только зло и разврат. Но и тренер, и желание отомстить, и презрение ко всем бабам будут потом, а пока мужик крепко ухватил Витьку за руку и повёл с вокзала, держа в другой руке его чемодан. Книжки несла женщина, семенившая рядом с мужиком. Оба они не произнесли пока ни слова, и Витёк уже подумал, что они, наверное, немые, когда женщина вдруг ужасно противным визгливым голосом закричала, что это их автобус и побежала вперёд. Они втиснулись в забитый до отказа транспорт и Витька чуть не раздавили, пока на одной из остановок, не выпускавший его руки мужик, не выдернул его из давки на разбитый тротуар, прямо в большую лужу. Мужик крепко выругался и, подхватив Витьку под мышку, понёс в арку двора, напоминавшего каменный колодец. Так Витёк появился в Китежграде.

Новый город встретил Виктора Викторовича Мельникова

мягко сказать не ласково, а если вернее, то как абсолютно лишнего в нём и никому на самом деле не нужного человека. Сначала он не обратил на это никакого внимания, ведь его привезли сюда всего на месяц, а потом вернётся мама и его заберут. Он даже не стал знакомиться ни с кем из соседских мальчишек, предпочитая сидеть в соседнем заброшенном сквере и мечтать, как он станет разведчиком и будет ловить шпионов и бандитов. Но вот уже наступил и август, а от мамы всё не было вестей. Виктор несколько раз пытался уточнить у дяди Вити, как оказалось звали хмурого мужика, которому мама передала его на вокзале, что пишет ему его родственник, муж мамы, но он только отмахивался. У тётки Светы спрашивать что-либо Витёк боялся до оторопи, потому что спокойно разговаривать она не умела и сразу начинала на него кричать.

Перед первым сентября дядя Витя показал Витьку как идти до школы, а на обратном пути посадил его на лавку в сквере и объяснил, что теперь он Виктор Викторович Нитупак, их со Светланой сын и должен их называть мамой и папой. А ещё он сказал, что мама с Василём невозвращенцы, они остались в Канаде и отказались от нашего гражданства. Теперь они считаются предателями родины, поэтому, что бы не нашли его и не использовали как приманку для мамы, чтобы выманить её и расстрелять, как врага народа, Витёк никому ничего не должен рассказывать, ведь тогда уже их всех расстреляют. Витёк смотрел на тёзку широко раскрытыми гла-

зами и пытался осилить свалившиеся на него новости. Через много лет он узнает, что дядя Витя ему просто врал, но это будет потом, а пока он и хотел, что бы бросившую его мать расстреляли, ему не жалко было и этих хмурых и вечно недовольных всем дядьки и тётки, но сам он не хотел умирать. Витёк хотел выучиться на разведчика, и он согласно кивнул дяде Вите, вернее отцу.

В школе и классе он тоже оказался лишним, его как-то сразу не приняли, узнав, что он не китежский, а из «чуркестана». Его так и прозвали : «чурка».

Витёк и раньше учился с тройки на четвёрку, а здесь свалился в двоечники уже прочно. Директор вызвал его родителей в школу, после чего за дело взялся отец и, не желая иметь драный зад каждый день, Витёк начал учить уроки на твёрдую тройку. От него постепенно отстали и приёмные родители ,и одноклассники, потому что Витёк научился быть незаметным и обычно забивался в какой-нибудь угол, за что в школе его из «чурки» перекрестили в «моль». В это время он часто слышал из окон, с добавкой шипения трофейного патефона, залихватскую музыку со смешными словами песенки «Эх моль, моль, вредная букашка, моль, моль, хитрая канашка». То, что моль хитрая и вредная, ему понравилось и прозвище перестало обижать или раздражать.

Почти уже размеренная и спокойная жизнь Витька закончилась, когда отцу, как фронтовику, наконец дали отдельную квартиру в таком же доме-колодце, но почти в центре Китеж-

града, недалеко от Центрального вокзала. Две малюсенькие комнатухи, такая же крохотная кухонька и туалет с ванной показали маме Свете верхом роскоши, и она вдруг стала даже ласковой. Так в награду за помощь Витька при переноске нехитрого скарба в заводской грузовик и выгрузке его в новую квартиру, она, в первое после переезда воскресенье, повела Витька в цирк. Ехать в душном автобусе пришлось долго, а потом ещё и идти довольно далеко до цветного шатра, окружённого вагончиками и клетками, но представление стоило того. Витёк никогда не был даже в зоопарке, хотя жил в довольно большом городе до переезда в Китежград. Лошади, собаки, кошки, ну и та крыса были немногочисленными представителями животного мира, знакомыми ему. В книжках и учебниках он, конечно, видел и слона и мартышку и медведя с волком, но увидеть их живьём, да ещё такими артистами, Витёк не ожидал. «Надо же, оказывается и слона можно заставить танцевать и медведя крутить кольца, если захотеть. А людей можно так заставить?» – размышлял Витёк на обратном пути, не замечая давки и ругани в тесноте автобуса. Мама Света даже забеспокоилась не заболел ли он и пощупала ему лоб, не понимая причину его молчания и хмурого вида. Дома Витёк задал мучивший его вопрос отцу и тот сначала с удивлением вскинул на него глаза, а потом с тяжёлым вздохом ответил:

– Человека и не так выдрессировать можно. А ещё его можно заставить сделать всё что угодно, если нащупать его

слабину. Но тебе об этом рано думать. Надеюсь, что ты никогда не узнаешь, как и почему человек превращается в тупое и злобное животное. Ты лучше расскажи, что вы в цирке видели.

Витёк с удовольствием начал делиться впечатлениями, и сам не заметил как стал показывать и слона, и собачек, и мар-тышек, и медведя, и клоунов, вызывая залиvistый визгливый хохот у мамы Светы и весёлую усмешку на всегда хмуром лице отца. Потом они вместе пили чай, празднуя новоселье, но когда пришло время сна, и он удалился в выделенную ему комнату, то ещё долго сидел у окна, глядя через мутное стекло на ночное небо и думал над словами отца. Он повторял их, как будто учил наизусть, видимо предчувствуя, что сделает всё, что бы увидеть, во что можно превратить человека и использовать эту дрессировку себе на пользу. Тогда, правда, Витёк решил, что выдрессировать можно любого человека. В свои двенадцать лет он хотел заставить бояться его Пашку из старой квартиры да Михася из их нового дома, задиравшего его с первого дня, других врагов у него тогда не было.

Тишь да гладь в их семье после переезда продержалась недолго. Мама Света, отскоблившая в их новой квартире всю чужую грязь, разместив нажитое в приглянувшихся ей местах, прискучала. В старой квартире было с кем и посплетничать и поругаться, а здесь под рукой был только Витёк, который всегда молча сносил и оскорбления, и придирки, и

тычки со шлепками. Мама Света пошла затевать скандалы во двор. Наверное из-за неё дворовые парни вдруг обратили усиленное внимание на Витька, который не торопился навязываться к ним в друзья. Ему уже шёл тринадцатый год, но тщедушное малорослое тельце с ручками-веточками и ножками-палочками, не торопилось обрастать ни мускулами, ни жирком.

Витёк, помня свою встречу с крысой, всегда и везде пробегал нижнюю площадку любого подъезда бегом, а уж спуститься в подвал он не согласился бы ни за какие коврижки. Как этот его страх угадал Михасик, верховодивший дворовой командой верзила с наколотыми на пальцах кривыми рисунками, изображающими перстни, Витёк не стал выяснять и через много лет, когда уже от него зависело то, что станется с его обидчиком из детства.

Возможно подвал был единственным удобным местом для расправы над выбранной на этот вечер жертвой, но когда Витёк возвращался домой с прогулки, его уже ждали. Михасик со скучающим видом курил, прислонившись к стене дома у соседней двери, ведущей в другой подъезд, недалеко сидели ещё двое из его дружков, и Витёк быстро открыл входную дверь своего подъезда с намерением рвануть вверх по лестнице, но был схвачен караулившими его внутри. Сзади грубо подпихнули и Витька обдало душный вонью гнилых зубов и свежесыкуренной махорки. Ему заткнули рот вонючей тряпкой и куда-то потащили. Когда же он понял, что его тащат

вниз по ступенькам в подвал, мочевого пузыря освободился сразу и один из державших его за ноги защипел зло:

—Михась, этот крысёныш обоссался со страху, весь рукав мне падла обмочил. Давай его привяжем где-нибудь, а то ещё и обсерется, все провоняем. Михась и пара его дружков хохотнула, но совет приняли и Витька, бессильно бьющегося, надрывно орущего без звука и задыхающегося, за руки и ноги привязали к трубам. Их было шестеро и трое курили, подсвечивая темноту подвала исключительно в районе их рож, которые расплывались в наполненных злыми слезами глазах Витька. Они недолго пошептались, но один из кодлы, брезгливо оттопыривая рукав старой кожанки, который, видимо, и пропитал ему Витёк своей мочой, сплюнул на пол, затоптал окурок ботинком и заявил, что с этого гадёныша достаточно будет того, что крысы отгрызут ему стручок, что бы людям прикид фартовый не поганил. Компания заржала дружно и, согласно кивнув, Михась повёл всех дружков наверх. Как только за ними захлопнулась дверь подвала, к темноте добавилась оглушающая тишина, которая длилась недолго, потому что скоро Витёк стал различать шорохи, цокот коготков и писк. Кто-то острыми коготками чиркнул его ногу снизу и штанина зашевелилась. Паника накрыла как огромная волна из которой уже не выплыть, не вдохнуть воздуха, и Витёк потерял сознание. Очнулся он в ванной, когда папа Витя опустил его в прохладноватую воду и его нос уловил характерный запах. Витя увидел в тазу его брюки, окрасившие

воду в желтоватый цвет и всё понял, залившись краской стыда. От страха он не только обмочился, но и обгадился, и этот хмурый мужик, за почти два года ни разу не погладивший его по голове, не приласкавший, но дравший его без жалости за провинности, нес его бесчувственного и воняющего через весь подъезд, раздел, замочил обгаженные брюки и теперь собирался отмывать его от дерьма. Смешанные чувства стыда и благодарности не сразу позволили выдавить из себя искреннее «Спасибо, отец!». Он впервые так его назвал вслух и внутри вдруг стало хорошо и приятно, а рядом с этим неласковым и вечно хмурым мужиком надёжно и тепло, несмотря на прохладную воду, льющуюся из крана на него грязные ноги. Витёк сказал отцу что сам помоется и всё постирает, на что тот молча кивнул головой и вышел из ванной. А потом они пили чай вдвоём на кухне и отец, по просьбе Витька, рассказал как пошёл его искать, когда тот к условленному часу не вернулся с прогулки, как вытряс из соседского пацана правду и нашёл Витька в подвале, висящего без сознания на примотанных бельевыми верёвками руках и ногах, со шмыгающими по нему мышами, искавшими, видимо, чем поживиться. Витёк с удивлением спросил:

– Крысы убежали, а мыши тебя не испугались?

– Какие крысы? Я не видел никаких крыс, чего им в нашем доме делать? Крыса-животинка умная, она тёплые и сытные места осваивает. Они ближе к ресторанам да столовкам селятся, там в подземных коммуникациях и живут, а здесь

голодно и холодно. – ответил отец, и Витёк мысленно одобрил его характеристику крысе.

На следующий вечер отец снова позвал Витька на кухню, пока мама Света устраивала очередные разборки с соседками на чердаке, где все хозяйки развешивали бельё на просушку, и сообщил, что договорился через знакомого с тренером по единоборствам и тот готов взять Витька к себе.

Витя испуганно ойкнул, но отец сказал спокойно, но твёрдо, что если он не хочет, чтобы его и дальше по жизни обижали все кому не лень, то надо научиться давать отпор так, что бы больше желания цепляться к нему у нападающего не появлялось. Потом отец задумался надолго, похоже вспоминая что-то своё и добавил, что каждый мужик должен уметь убить врага саперной лопаткой или даже кулаком, если больше ничего не окажется в руках.

– Правда, – добавил отец, вдруг весело подмигнув и хитро сощурив глаз, – если ты не хочешь каждый раз от страха валить в штаны, сын.

Витёк вспыхнул и от стыда, и от гордости одновременно, ведь отец впервые за два года вслух назвал его сыном. Так он попал к Степанычу и стал заниматься у своего единственного в жизни тренера, мужика тёртого, сидевшего до войны за бандитизм и искупившего в штрафбате вину своей кровью, но снова отсидевшего почти восемь лет в лагере после победы, несмотря на иконостас из медалей и орденов, которые много позже и всего один раз увидел на его пиджаке, вися-

щем в шкафу, Витёк. Как и тысячи эков, виновных и безвинных, Степаныч вышел на свободу летом 1953 года. Он заменил Витьку отца после того, как спустя полгода с их знакомства тот умер от зашевелившегося осколка, сидевшего в его лёгком с войны, догнала проклятая.

В секции Степаныч собрал сплочённую команду и после окончания ими школы, где он всех прогнал до десятилетки, умело пристраивал своих воспитанников по их интересам в любые Вузы Китежграда. Твёрдый троечник Витёк и мечтать не мог об Университете, но Степаныч договорился и Виктор Нитупак, как сын умершего от ран фронтовика-героя, был принят на первый курс юридического факультета без экзаменов, по собеседованию, а нужные оценки для баллов ему проставили в ведомостях члены приёмной комиссии. Витёк удивлялся как это так легко всё у Степаныча получается, но скоро стал понимать, что за видимой лёгкостью решения проблемы лежит порой очень длительная подготовка, многоходовые схемы, труд, опасность и риск. Школа тренера нарастила у Витьки не только мышцы, развила дыхалку и выносливость, но и приучила его наблюдать, собирать по крупицам разрозненные данные, разрабатывать тактику, складывая из добытых данных нужный результат и добиваться цели, несмотря ни на что. Этот секрет успеха Витёк взял на вооружение, дополнив своим умением быть незаметным и осторожным, но всевидящим и всеслышащим, а терпения ему было не занимать. Вот только смелости Степанович при-

вить Витьку так и не сумел, он отчаянно трусил и всегда уходил от любого конфликта, если надо, сдаваясь без боя, но потом обидчик получал от него «ответочку». Слова честь и честность Витёк давно и прочно забыл, и его месть редко не была жёсткой. Правда он знал кому можно мстить, а от кого стоит утереться пока, но никогда и никому ничего не прощал. Витёк был расчётлив, беспринципен и абсолютно безжалостен, предпочитая расправу над обидчиком чинить чужими руками, иногда так заморочив исполнителя его воли, что тот и сам не мог ответить, зачем ему это было надо. Витёк совершенствовался в дрессировке двуногих, которая занимала его с того самого разговора с отцом, после первого похода в цирк.

Пацаны из команды Степаныча, зная о его покровительстве Витьку, на рожон не лезли, но держались с ним отстранённо, не изгоняя из своего круга, но и не допуская к себе на расстояние дружеской руки. Одни звали Витька молью, другие крысёнышем, и он знал о прозвищах, но не только не обижался, но вполне их принял. Эта наработанная годами тактика быть вместе со всеми, но отдельно и преследовать вроде общие, но исключительно свои цели, сделала его тем, кем он стал «в оконцовке», как любил говорить его тренер, удивив и того своим результатом несказанно. Витёк гордился этим удивлением Степаныча больше всего на свете. Признание этого человека стоило и Нобелевской премии, и Книги рекордов Гиннеса.

Сам не очень образованный, тренер не смог привить Витьку стремление стать лучшим в учёбе, а того вполне устраивала тройка в зачётке, поэтому учился Витёк в Универе кое-как. Более прилежно он постигал науку Степаныча, вникая в тонкости управления людишками, как тренер презрительно называл всех, кроме допущенных в его ближний круг. Витёк помнил дословно слова отца, что любого можно заставить служить себе, надо только найти слабину. Совпавшие почти дословно утверждения двух единственно авторитетных для него и любимых им людей, буквально родивших нового Витьку, сильного, выносливого, терпеливого, хитрого, расчётливого и добивающегося своего, стали для него руководством к действию. Поиск слабину в каждом человечке, который становился ему интересен, увлекал, а найденный к нему ключик становился золотым. Он с удовольствием помогал батю, как они все любовно называли Степаныча, следить, узнавать, доставать, вымогать и шантажировать, превращая намеченную жертву в стукача, поставщика информации или «дойную корову». Связи Степаныча, как паутина опутывали не только город и область, но и имели свои паутинки в белокаменной и ещё многие города. Этот невзрачный с виду мужичок, кряжистый и хваткий, державший в своих руках многих чиновников в погонах и без них, жил на глазах обывателей неприметной жизнью обыкновенного спортивного тренера, работающего в неприметном спортзале в промышленном районе Китежграда. Только посвящен-

ные, да крышующие менты на прикорме и то только догадывались о размахе его империи, но его денежных оборотов от казино, торговли контрабандным спиртным и наркотиками не знал никто, как и где и сколько он скупил недвижимости и прилагаемых к ней предметов роскошной жизни за рубежами любимой родины. В Китежграде Степаныч жил за городом в рубленном двухэтажном домике, мимо которого бегал рейсовый автобус до Вышеборга. Правда домик стоял на берегу залива и на приличных размеров участке с вековыми соснами за внушительным забором. Но и здесь придраться не удалось бы никому, потому что участок подарил Степанычу его дядя, заслуженный военный врач, которому этот дом в придачу к своей премии передал Сам.

Витёк впитывал в себя всю информацию от тренера как губка и по его совету уже с первого года учёбы внимательно слушал, запоминал, а дома записывал и анализировал услышанное, а потом нёс на консультацию к Степанычу. Так они на пару вычислили сеть преподавов слишком полюбивших рассуждать о свободе на западе и формальному народовластию в стране. Этот опус Витька тренер по своим каналам отправил сотруднику безопасности и вскоре его пригласили на беседу. С этого дня у него появился не только куратор, но и перспектива стать разведчиком, о чём Витёк мечтал с детства. Все годы до получения диплома он собирал и обрабатывал оперативную информацию и передавал куратору. В результате куратора повысили в звании, а преподавательский

состав университета обновился на треть и значительно были прорежены студенческие группы. Никто даже не догадывался, что невзрачный студент с юридического, едва удержавшийся из-за низкой успеваемости на грани отчисления, последние четыре года является причиной всех университетских чисток.

После получения диплома Витька приняли на службу, но разведчиком он так и не стал. В университетском дипломе стояли одни «уды», а в академии он, не привыкший учиться, еле протянул один год. Ведомство же считало себя элитой и кадры подбирались соответствующие, которым Витёк со своими куцыми знаниями соответствовать никак не мог.

Куратор в благодарность, за весьма продвинувшее его по службе сотрудничество, подсуетился, и Витёк отправился служить завхозом в дипломатическую миссию одной из дружественных стран.

Однако за загранку ему пришлось заплатить дорогую цену. Потребовалось срочно жениться, иначе не видать бы ему никакой заграницы. На сей раз помогла мама Света, подсватав дочку давней подружки, и глупенькая, но вполне смазливенькая девчонка, закончившая два года назад школу, но очередной раз завалившая экзамен даже в пединституте, где вечный недобор, поехала с ним за рубеж в качестве законной супруги.

Толку от молодой жены не было никакого и ни в чём. Готовить она не умела, убираться не любила, стирать даже в

машинке-автомате ленилась и в постели от Наташки веяло скучищей. Витёк же, которого его пацаны из команды иногда, видимо по просьбе тренера, таскали с собой в сауны Степаныча, где трудились в поте милых мордашек и приятных на ощупь тел весьма умелые массажисточки, кое-что в сексе с девками понимал, и поэтому лежащая без движений в стойке солдатака супруга надоела ему в постели уже через неделю после свадьбы, но деваться было некуда. Здесь пойти в любой весёлый дом, адреса которых было легко найти, конечно было можно, но только один раз, потому что следующий день был бы для него последним днём и за границей, и на работе в ведомстве.

«За неимением лучшего, будем спать с собственной женой.» – решил Витёк и купил в соседнем с посольством магазине бутылку французского вина, фрукты, мясную и сырные нарезки, ещё горячую курочку гриль и коробку конфет.

Эффект от устроенного им романтического ужина оказался весьма неожиданным. До этого времени он пил с пацанами водку и то максимум пятидесятиграммовую стопочку, потому что тренер не одобрял нарушения спортивного режима, и выпитые три бокала терпкого вина оказали на Витька странное воздействие. Он чуть не придушил Наташку, когда решил трахнуть её в рот, а она так отчаянно замотала своей тупой башкой, что нечаянно прикусила его за головку. Витёк наотмашь ударил жену и, схватив её за горло, начал душить. Как Наташке удалось вывернуться из-под него, он уже

не помнил, потому что отключился, но две недели жена шарфиками маскировала чёткие отпечатки его пальцев на шее и старалась не попадаться никому, в том числе и ему, на глаза, сказавшись больной.

Витёк себя виноватым не чувствовал, а наоборот злился на жену, дуру и неумёху, но через эти две недели мнимой болезни, отлучившись яко бы в магазин, Наташка влетела в квартиру сияющая и с порога сообщила, что беременна. Вопрос с сексом отпал, потому что жена категорично заявила, что врач велел беречься, и Витьку пришлось привыкать удовлетворять себя самому, когда природа начинала требовать своё и желание доводило уже до зубовного скрежета.

С его любимым Рудиком, солистом-виолончелистом оркестра Коркеева, их свела судьба, когда гастроли проходили в доме культуры при дипломатической миссии, где служил Витёк.

(Далее фрагмент текста убран по требованию издателя. Полный текст по индивидуальному запросу автору на адрес alex28165@mail.ru)

Они оба громко и заливисто расхохотались каждый своему. Витёк, прохихотавшись, вдруг резко погрузился, с отвращением подумав, что когда Рудик уедет, то опять придётся улаживать себя только «дунькой кулаковой». Он тяжело вздохнул, но согласился сам с собой, что уж лучше так, чем после изведенного им улётного кайфа, который он словил, пристроиться опять к безмозглой кукле с кучей комплексов,

да ещё с растущим день за днём пузом. Его мысленно аж передёрнуло всего.

Рудик уловил перемену настроения нового партнёра и вытащил из него причину печали, предложив ему пока не заморачиваться и не зависать, а наслаждаться общением и жизнью.

Витёк согласился и предложил экскурсию по городу, который уже знал наизусть. Они отлично прогулялись, и Витёк с удовольствием поработал гидом, а в уютной пивной, взяв по паре кружек с великолепной закуской, они просидели до позднего вечера, болтая обо всём и ни о чём одновременно.

Умница Рудик решил озаботившую Витька проблему просто, исключив и необходимость набивать мозоли, и контактировать в постели с женой. Он подарил надувную резиновую задницу, правда имитацию женской, но с любовно подобранным для Витька размером отверстия и по ширине и по длине. Он назвал секс-сурогат Светкой в честь мамы Светы и представлял во время разрядки её поганый рот, которым она много лет поносила его на чём свет стоит, а потом присватала в жёны это сексуальное бревно в постели и абсолютно бесполезное создание во всём остальном.

Ощущения, конечно, особенно с начала, от резиновой попы были так себе, но удовлетворение от того, что он спускает в рот Светки, немного скрашивало впечатление.

Ради встреч с Рудиком Витьку пришлось стать поклонником классической музыки, невероятными усилиями подав-

для зевоту и усиливающееся с каждым произведением желание уснуть, иначе сложно было бы объяснить его поездки в соседние города, куда перемещался концертный тур оркестра. Конечно в коллективе сразу всё поняли, зная ориентацию и пристрастия Рудика, но усиленно делали вид, что отношения двух мужчин их не касаются, хотя явно судачили и это было опасно. Витёк, скрепя сердце прервал отношения и переключился на «Светку», тем более, что к другим мужчинам его не тянуло совсем. Он скучал по Рудику, очень скучал по его умелым ласкам, извлекающим из его тела самую великолепную музыку, процитировал мысленно партнёра Витёк, называвшего его почему-то пастушком. Он на очередную кликуху заморачиваться не стал, чего взять с богемы, пастушок, так пастушок, хорошо, что не пастушка. Больше чем по Рудику Витёк скучал только по тренеру, но это было совсем другое чувство, его он любил, как отца и мудрого наставника по жизни. Когда-то они теперь увидятся со Степанычем ?

Однако встреча, да и вообще возвращение на родину случилось гораздо раньше намеченного Витьком срока. «Меченный» решил разрушить стену и вывести войска с территории дружественных стран, подарив оборудованные военные городки без всяких компенсаций, которые можно было стясти за столь щедрый подарок капиталистам мира. Отозвали на родину и Витька, который там оказался абсолютно не у дел. Валюты он накопил немного, тратя её на хорошую

одежду и обувь для себя любимого, но обмен её в на рубли по курсу госбанка лишь на полгода гарантировал весьма скромное существование, и Витёк поехал к Степанычу прямо домой, потому что спортзал оказался закрытым.

Разговор с тренером был тяжёлым. Степаныч серьёзно болел уже пару месяцев, и мелкое городское шакальё потихоньку и пока по мелкому дербанило его империю, сбиваясь в стаи под предводительством молодых и наглых дворняг, а иногда и волчат с перспективой роста в матёрых зверей. Степаныч тяжёлым взглядом прожёл Витька насквозь и не отводя глаз спросил:

– Ты со мной или тоже нового вожака поищешь?

Витёк вздрогнул всем телом, но глаз не отвёл. Выждав театральную паузу, которая должна была доказать тренеру взвешенность его решения, он ответил вполне искренне, потому что откровенно трусил уйти от привычной силы и защиты в никуда, тем более после нескольких лет отсутствия в Китеже, где явно многое изменилось :

– Я с тобой, Степаныч, даже не сомневайся, я не шакал, я волчонок из стаи мудрого Акела.

Степаныч усмехнулся, услышав прозвище, которое много лет назад ему дали пацаны его команды и одобрительно хлопал Витька по коленке:

– Лады. Ты пока поезжай домой, я подумаю, поговорю с людьми и денька через три тебя найдут. Тогда и поговорим уже подробно и обо всём. Иди, сынок, тяжко мне подолгу

базарить, дышалка барахлить начала. Врачи говорят сердце поистрепалось,— пожаловался тренер, и Витёк откланялся.

Он доехал до первой станции метро и вышел недалеко от Царского сада. Надо было подумать, да и домой идти совсем не хотелось. Он бездумно побродил по аллеям и вышел к реке. Голова была пуста и отказывалась загружаться. Ну не думалось ему, и Витёк брел по набережной, смотрел на свинцовую воду, скользя пустым взглядом по встречным прохожим, когда над левым ухом прозвучало лучшей музыкой на свете:

—А чего это мой пастушок такой печальный? Может я сумею немного развлечь? Не находишь, что теперь моя очередь и гидом-гадом поработать, и накормить-напоить моего сладкого.

Витёк поднял разом повеселевшие глаза на склонившегося над ним Рудика и еле сдержал себя, чтобы не броситься на него с объятиями.

Они быстро наметили план действий, и Витёк позвонил из телефона-автомата домой, сообщив, что уезжает на два дня по делам.

Забежав со служебного входа в магазин заказов, Рудик передал Витьку тяжеленный и разбухший от содержимого портфель и снова исчез за хитрой дверью. Через пять минут он вышел и, заговорщически отогнув ворот элегантного пальто, показал во внутреннем кармане горлышко бутылки его любимого коньяка, к которому пристрастился за грани-

цей и Витёк. Рудик лихо поймал такси и через десяток минут они выскочили на шоссе в сторону Китежгофа.

Два дня с Рудиком были нереальными. Наскучавшийся Витёк никак не мог удовлетвориться, чем удивил даже Рудика, который, похоже, не только не воздерживался в их разлуке, но и на «сухом пайке» с резиновой задницей не сидел. (*Далее фрагмент текста удалён по требованию издателя. Полная версия книги по индивидуальному запросу alex28165@mail.ru*)

Рудик укатил на очередные гастроли, а Витёк вернулся домой уставшим, но довольным и даже прихватил по дороге у метро букетик цветов жене, от чего растроганная дурёха, чмокнув мужа в щёчку, даже не спросила где он был и что добыл. А через день прибыл курьер от тренера и передал на словах куда должен прибыть Витёк завтра и что должен прихватить с собой.

Степаныч пристроил его в городскую администрацию эскорт-чиновником нового градоначальника и провёл подробный инструктаж чем именно он будет полезен команде. Тренер умел организовать командную работу на результат, и Витёк чётко исполнял инструкцию. Он умел делать дела не выделяясь, как бы растворяясь в окружающем начальника пространстве, за что его ещё в школьные годы одноклассники прозвали «молью». Витёк был как всегда внимателен. Он быстро просчитал все слабости и привычки нового шефа. Пока его сослуживцы, толкаясь локтями, рвали задницы в

попытке выслужиться или обратить на себя внимание, Витёк, вспомнив всё, что ему успели преподать в академии, добавив школу Степаныча и собственные наработки, изучал шефа. Он умел угадать и угодить настолько, что стал одним из привычных начальнику и жизненно важных предметов, когда надо незаметных, но всегда находящихся под рукой. Витёк даже не удивился, когда шеф предложил ему стать крёстным отцом его новорожденной дочери. Вообще-то верующим он никогда не был, но новые веяния диктовали новую моду и сам не крещёный Витёк, нацепив купленный в церковной лавке серебряный крестик на суровой нитке, участвовал в обряде. А что? Он него не убыло, а шеф теперь со всеми потрохами был в его власти и доверял ему куда больше, чем даже своей новой супруге, даме весьма и весьма привлекательной, да ещё и не совсем дуры, как его Наташка. Поскольку супруга шефа была одной из его слабостей, Витёк подкрался и к ней, потакая её запросам и прихотям. Через империю Степаныча он мог достать всё и скоро Полина вдувала в уши шефа, какой Витёк расторопный и незаменимый. Вид же играющего с их дочкой чиновника в дорогом костюме, который их чадо то описывало, то обливало молоком, то пачкало красками или мелками, умилял родителей до слёз.

Витёк давно и бесконтрольно не только таскал деньги из бюджета в империю Степаныча, подсовывая шефу на подпись нужные бумажки, но и протискивал контракты, одновременно зорко контролируя периметр, как это называл тре-

нер, т.е. следил за окружением, что бы вовремя пресечь навет, смуту или вольнодумство. «Моль» стала всесильным «серым кардиналом» не выходя из тени градоначальника.

Вместе с Полиной Витёк понемногу перевоспитывал и шефа, приучая его к мысли, что хорошо жить не зазорно, а необходимо, что бы и себя за труды вознаградить и девочек своих любимых баловать. Сам же Витёк на службе был примером скромности и непритязательности. Единственное от чего он не мог отказаться, это от дорогих костюмов и не менее дорогой обуви, но, во-первых он пришёл в них на службу, а во-вторых, на их обновление его официальных доходов вполне хватало, ведь светил он на службе пару костюмов, пяток рубашек, пару галстуков, столько же шляп, да летние и зимние ботинки. Осеннее и зимнее пальто были ещё старыми, но вполне презентабельными, ведь им нигде было истрепаться. Ни модных с некоторого времени золотых цепей в палец толщиной, ни печаток и швейцарских часов, которыми обзавелись многие пацаны из команды тренера, демонстрируя достаток и вызывая зависть у остальных, у Витька не было. Часы ему купить хотелось, самые дорогие и престижные, но нельзя было светить теневые доходы, совсем нельзя. Только в ячейке Китежбанка у Витька лежало столько баксов, что хватило бы на пять таких часов, да и счёт в европейском банке, куда тренер аккуратно направлял его долю от империи, радовал своими ноликами, но пока надо было «не отвечать», и «моль» держался строго в тени шефа,

подставляя того по-чёрному».

Потом Степаныч замахнулся на всю Китежградскую область и шеф легко стал губернатором, а вместе с ним тенью в региональную власть проскользнул и Витёк, и вот на новой должности он развернулся по полной. Империя тренера, прикрываемая губернатором, который об этом и знать не знал, накрыла титановой паутиной всё, на что упал глаз тренера и вызывало его интерес. С губернаторской «крышей» старого волка приходилось считаться всем молодым волкам и борзым шавкам, ведь их спокойную жизнь соответствующие органы власти могли закончить в любой момент, стоило Петруше, который теперь вместо Витька зорко бдил за периметром, маякнуть, а ему подсунуть шефу на подпись нужную бумажку и направить её исполнителю. Конечно недовольных дележом «пирога» было предостаточно, и кое-кто подкрался к столичным барыгам, соблазняя их новым рынком возможностей. Началась «схватка бульдогов под ковром», которую шеф проиграл, потому что со своим «чистоплюйством» не послушал совет Витька и не дал вовремя Петруше команду решить вопрос со смутьянами. А ведь тренер уже и талий приготовил и человечков в их окружение внедрил. Они опоздали, пока шеф «писю мял» в борьбе со своей совестью. Пришлось пожертвовать им, как сыгранной картой и в один из дней, перед допросом шефа в прокуратуре, Витёк угостил его свежесваренным кофе с любимым ямайским ромом, маскирующим горечь добавки. Прямо на ступеньках грозной

конторы шеф упал и медики напрасно потратили свои знания и навыки, пытаясь вернуть его к жизни. Степаныч никогда не промахивался с дозой, чётко знал её и Витёк.

После похорон шефа Витёк оформил очередной отпуск с последующим увольнением и поехал в загородный пансионат вместе с Наташкой и дочкой, где их оставлял то на целый день, а то и на пару дней, в зависимости от того, насколько на снятую недалеко дачу мог приехать Рудик. Тренеру было известно об их связи, но он не стал читать мораль, а сказал просто и доходчиво:

– Главное, чтобы командовала голова, а не головка. Ты агент высшего звена, Витёк, а значит всё твоё тайное должно быть только твоим и твоего партнёра или партнёрши. Других берегись и при малейшем сомнении уничтожай сразу, без колебаний. Шеф тебе наглядно показал, что промедление будет стоить твоей жизни. Кто бы не стал угрозой тебе, убирай без сомнения, даже если это буду я. Для тебя ценность имеет только твоя жизнь, сынок, запомни это, хорошо запомни. Лучше перебздеть и убрать лишнего, чем расиропиться и пропустить своего палача. Надо тысячами пожертвовать, что бы себе ещё хоть день у судьбы вырвать – жертвуй, не задумывайся. И помни, сынок, внешне ты должен быть образцово-показательным. Даже если очень больно будет от чего-то или кого-то ради этого отказаться, скрепи сердце и откажись, никогда не давай слабину. Никто не должен подобрать к тебе ключик, как ты сам любишь говорить,

никто. В этом твоя сила. Тогда ты подчинишь себе любого. Старайся приручить сильных, заинтересовать, привязать к себе, но никогда не расслабляйся. Они как поддержат и помогут, так и сломать тебя попытаются. Но с ними до успеха ближе. Идиотов рядом и безвольных не держи, сам таким рано или поздно станешь, тогда хана. Скоро я тебя переведу в столицу, пора подминать под себя белокаменную и брать реванш и там, и здесь. Умоются кровушкой те, кто радуется и твякает, мол Акела промахнулся. Я сведу тебя с человеком, который правит одной шестой мира. Глянись ему, и мы все будем в шоколаде, так что смотри в оба, пацан, не сглупи, я на тебя рассчитываю! – закончил тренер и они простились. Этот разговор и наставления Степаныча, Витёк записал в память как личную конституцию.

Человечек, правящий, со слов тренера, одной шестой мира был говорлив, суетлив и невзрачен, но силой убеждения обладал невероятной. Его слушали, открыв рот, и, как макаки перед удавом Каа, теряли возможность сопротивляться или, хотя бы, возражать. Витёк долго наблюдал за ним, теряясь в толпе, растворяясь в тени колонн и прочей обстановки, когда тот пожаловал в Китеж, пытался просчитать его и раскусить, примеряя к нему всю информацию, добытую Степанычем. Наблюдение пригодилось, когда тренер через одного из высокопоставленных чинуш города представил его Еловскому как правую руку недавно покинувшего нас губернатора, прогрессивного руководителя, поборника свобод и чест-

нейшего гражданина страны. В хитро прищуренных глазках Евгения Еловского на миг мелькнула пара бесов, но внешне он изобразил скорбь и полное согласие с невосполнимой потерей для дела демократии и свободы. От внимательно наблюдавшего за Еловским Витька демарш бесенят не укрылся, и мысленно он сделал в памяти к портрету Еловского ещё одну зарубочку. А пока про него, как ему показалось, собеседники забыли, Витёк тихонько ретировался и удалился в холл для некурящих и присел на банкетку у окна. Буквально вслед за ним на коротеньких и кривеньких ножках в ботиночках той же обожаемой Витьком итальянской фирмы, выкатился в холл Еловский и присел рядом с Витьком со словами:

– Ну куда же Вы, батенька, сбежали. Не интересна Вам наша стариковская болтовня ?

Витёк смиренно опустил глаза и, выждав положенную паузу, как бы с усилием, выдал из себя:

– Мне показалось, что ваш собеседник сфальшивил, когда перечислял достоинства моего шефа, и Вам это не понравилось, вернее Вас это насмешило. А ведь Антон Сергеевич и вправду был бескорыстным человеком и честно служил людям.

В глазах Еловского оба беса встали уже во весь рост и с любопытством уставились в глаза Витька, как бы заглядывая прямо в его душу :

– А тогда кто так умело кукловодил наичестнейшим и бес-

корыстнейшим демократом, а, Виктор Викторович? Неужто Вы думаете, что никто и ничего не заметил ?

Витёк глаз не отвёл и, слегка усмехнувшись одним уголком губ, пожал плечами и ответил прямо и даже скучно:

– Вам непременно это надо услышать от меня, Евгений Александрович ? Вы же давно уже всё поняли, хотя, пожалуй, больше никто до этого так и не додумался, иначе я бы давно уже ни с кем не беседовал, а давал показания под действием психотропов в лучшем случае.

Еловский посерьёзnel и, немного подумав, от чего его большой лоб избородил нотный стан морщин, сказал быстро, но чётко, выделяя нужные слова:

– Мне нужен такой человек, в этом тот, кто просил Вас мне представить, прав на все сто. Для Вас у меня есть работа по вашему профилю и навыкам, Виктор Викторович. У Вас будет очень ответственная должность, но главная работа будет заключаться в другом, об этом позже. Но запомните, молодой человек, мною кукловодить и не мечтайте. Почувствую, а я это непременно почувствую, удавлю сразу. Люблю обозначить границы дозволенного во избежание недопонимания. Другими играйтесь сколько душе угодно, а я для Вас с этого дня и царь, и Бог, и Сатана. С Вами свяжутся, готовьтесь к отъезду, семья пока останется тут. Устройтесь, заберёте.

Еловский подскочил как на вылетевшей из его зада пружине и выкатился из холла вниз по лестнице, а оглушенный

сказанным Витёк остался приходиться в себя от нахлынувших противоречивых эмоций. С одной стороны он понимал, что от таких предложений не отказываются, но переезд в его планы не входил. Здесь всегда можно было прикрыться командой, а там он будет один и в далеко не дружеском окружении.

На несколько мгновений Витёк отключился и чуть не заорал от ужаса, увидев, словно в стереофильме, как прямо ему в лицо летит крыса из его детства. Глаза взбесившегося зверька были налиты кровью, в окровавленной пасти сверкали зубищи, а направленные к нему лапы с длинными когтищами тянулись явно к горлу Витька. Наваждение исчезло, но сердце готово было выскочить из груди, а дыхание сбилось и с хрипами вырывалось наружу. Витёк принюхался и отодвинулся в сторону, пошарив рукой по обивке банкетки. Ткань была сухой и говном не пахло. Витёк потряс головой и сделал несколько глубоких вдохов с серией быстрых выдохов, выравнивая сбившееся дыхание. Успокоившись окончательно, на твёрдых уже ногах, Витёк не торопясь спустился вниз и, взяв такси, поехал в офис к Степанычу.

Тренер не стал разговаривать в кабинете и велел водителю отвезти их к нему домой. Гуляя по песочным дорожкам среди вековых сосен, Степаныч внимательно выслушал, а потом рассказал Витьку многое о тех, с кем предстояло контактировать в столице, пообещав передать ему на каждого убойный компромат, собранный его командой. Была у него папочка и на Еловского, но пока следовало создать у этого

тертого и драного в боях волчары, стойкое впечатление его непререкаемого авторитета. Тренер посоветовал быть осторожным и сдержанным, чтобы не перегнуть палку с подбострастием, что Еловский просчитает сразу и заподозрит неладное, а он очень опасен. Его надо переиграть и постепенно отодвинуть с дороги, а потом непременно убрать, но спешить не стоит, -

– Пусть Евгений Еловский, жид пархатый, пока поработает на нас, внедрит тебя в верхи, а там мы им устроим ротацию кадров, сынок. – закончил напутствие тренер и перекрестил некрещённого Витька на прощание. Больше они не увидятся, так решит судьба.

Дома дура Натаха, в ответ на его сообщение о переводе, подняла вой, отказываясь переезжать и бросать всё нажитое.

– Так вас никто и не тащит никуда, живите тут, а я деньги переводить буду и все дела! – спокойно ответил Витёк. На том и порешили.

«Баба с возу, кобыле легче, а если две, то легче вдвойне» – весело подмигнул себе в зеркале Витёк и позвонил Рудику.

Подхватив с транспортера аэропорта два чемодана с вещами, Витёк пружинящей походкой направился на выход, где табличку с его фамилией держал в руке хмурый парень, переминающийся с ноги на ногу. Служебная квартира, куда молчавший всю дорогу водитель привёз Витька, была стандартной, хотя габариты и высота потолков дома мощной постройки впечатляли. Он прошелся по комнатам с инвентар-

ной мебелью, хранящей не один перечёркнутый номер и подумал, сколько же людей уже пользовались этим барахлом, которое многим простым человечкам было бы за счастье. «Интересно, кто здесь жил раньше и когда его или их расстреляли?» – почему-то подумалось Витьку, но он тряхнул головой, отогнав нелепые мысли и, заглянув в пустой холодильник, взял ключи и сбежал вниз. На улице стало шумно. Через трёх встречных прохожих Витёк выяснил направление до ближайшего продуктового магазина. Ассортимент не порадовал, но критический набор для питания, чтобы не ложиться спать с урчащим от голода желудком, составить удалось. Наскоро перекусив и повалявшись в ванной, Витёк уснул здоровым и спокойным сном на выдавшей не одного такого постояльца кровати. Прежние убиенные или не убиенные жильцы или крыса с налитыми кровью глазами этой ночью Витька не побеспокоили.

По привычке встав в шесть утра, Витёк сделал зарядку и решил пробежаться по набережной, которую углядел вчера, когда искал продуктовый магазин, но телефонный звонок остановил его на пороге квартиры. Звонкий девичий голосок сообщил Витьку, что через двадцать минут у подъезда дома его будет ждать машина и что с собой надо захватить необходимые документы, которые она перечислила. Витёк быстро переоделся, захватил документы по перечню и сбежал вниз. Машины ещё не было и он с удовольствием подставил лицо ласково греющему солнышку. Пока столичная жизнь была

приятной.

Всё дальнейшее слилось для Витька в один цветной калейдоскоп событий длинной в пару недель. Его слушали то там, то сям, на разных этажах и в разных зданиях. Сидящие в огромных кабинетах мордovorоты брезгливо перебирали его документы сосискообразными пальцами, с усмешкой открывали его вкладыш к университетскому диплому, неизменно хмыкая проставленным во всех строчках оценкам «удовлетворительно», справку об окончании одного курса академии и через губу цедили слова. Витёк всё это стоически терпел, но запоминал каждого, нанизывая на его характеристику личные впечатления, что бы потом дополнить их компроматом из папочек тренера, уже хранившихся в трёх ячейках московского банка. Еловский же за две недели не проявился ни разу, никак и нигде.

Однажды утром в очередной приёмной, куда его провёл сотрудник охраны, молодой чиновник пригласил Витька следовать за ним. Они прошли по бесконечным коридорам правительственного здания и остановились у дверей метров пять высотой с золотом покрытыми накладками. Давнему жителю Китежа не привыкать к роскошным фасадам и интерьерам, но почему-то у Витька перехватило дух. Он понял, что вот сейчас, именно за этим порогом начнётся новый этап его жизни, сложной, опасной и с неизвестным для него концом.

Молодой хлыщ привычно распахнул створку двери и про-

шмыгнул внутрь и Витёк, на вдруг ставшими ватными ногах, шагнул следом. Огромный зал с огромным же столом по кругу был заполнен одними мужиками в дорогих костюмах, руки которых сверкали печатками и крупными камнями перстней, а из-под белоснежных манжет с аляповатыми запонками выглядывали дорогие часы известных брендов. На вошедших никто не обратил внимание, продолжая обсуждать что-то более интересное.

Витёк, одетый в свой лучший итальянский костюм, почувствовал себя нищим на королевском приёме и, пряча смущение, оглянулся на закрытую дверь, как бы проверяя путь к отступлению. Хлыщ постучал пальцем по микрофону, привлекая к себе внимание, и шум в зале стал понемногу стихать. Витёк быстро пробежался по лицам и нашёл десятка два уже знакомых ему. Почти все они чем-то делились с соседом, и он отчётливо понял, что говорят о нём, видимо делась личными впечатлениями. И вдруг злость, поднявшаяся из глубины, из самого его нутра, выдала на гора простую мысль:

– Ничего, господа-товарищи, посмотрим кто кого. Мне бы только зацепиться, я вас, жирные караси, поджарю всех до одного, жирок вытоплю и косточки обглодаю. – от этой мысли Витьку вдруг стало легко и даже весело. Он уже спокойно отодвинул предложенный ему хлыщом стул и уселся на него плотно и уверенно.

Назначение на пост директора ведомства прошло быстро

и без затей. В администрации Витьку выдали все необходимые документы, удостоверение и пропуска, а на стоянке, куда его проводил всё тот же сотрудник охраны, его ждал личный водитель на персональной служебной машине.

Еловский проявился и пригласил Витьку на загородную прогулку примерно через месяц после назначения. На новой должности Витёк сразу в бой не кинулся, мебель в кабинете не только менять не стал, но и переставить даже не подумал. Он чувствовал, что здесь не задержится, мелко это было для выданного ему Еловским аванса в Китеже. Не для этого тот привёз «варяга», тут игра крутая начнётся со дня на день. Вместо пустой суеты с обустройством он доставал по три папки из банковской ячейки и, переложив содержимое в папки ведомства, изучал в рабочем кабинете компромат на чиновников, правящих страной, вдумчиво и скрупулёзно, а изучив, менял на следующие, и так весь месяц. В бумаги, которые он подписывал по должности, тоже вглядывался со всей серьёзностью и отправлял многие на доработку или вызывал исполнителей для разъяснений. Почти треть финансовых платёжек Витёк завернул, сразу просчитав что именно за ними кроется, ведь подчинённые велосипед изобретать не стали, и он сам в администрации города, а потом и у губернатора, крутил такие же точно схемы, а потому просчитывал их на раз.

– Ага, нашли лоха педального из Мухосранска! -злорадно думал Витёк, обламывая очередного подчинённого уже рас-

топырившего карманы пиджака под превращение казённых денежек в свои родненькие и помечал в своей памяти данные ушлого чиновничка, авось и пригодится.

И вот сегодня мышинная суета с внедрением Витька во власть заканчивалась, это он ясно прочитал во взгляде Еловского. Начинается основная игра, для чего его и заслал в столицу Степаныч. По спине Витька побежал ледяной пот, под ложечкой засосало, а во рту резко пересохло, но внешне он весь подобрался и спокойно посмотрел на правителя одной шестой мира, готовясь перехватить эту власть.

Еловский быстрым шагом направился по грунтовой дороге от шоссе и, едва они отошли от машины на достаточное расстояние, начал с места в карьер, не разводя политеса:

– Думаю времени освоиться на новом месте и немного вникнуть в окружающую действительность, как и познакомиться с персоналиями уже более чем достаточно прошло, Виктор Викторович, поэтому введу Вас в курс дела, какая основная работа вам уготована.

Витёк, прочувствовав важность того, что будет сказано дальше, согласно кивнул, но глаз на сей раз на Еловского не перевёл, уставившись на носки своих брендовых туфель.

Евгений Александрович понимающе хмыкнул, но успокаивать не стал, а продолжил такой же скороговоркой, выделяя нужные слова и места.

– Я долго думал, приглядывался к Вам, Виктор Викторович, скрывать не буду, сомневался, но всё-таки пришёл

к выводу, что на Вас можно положиться, как на в меру амбициозного, но без лишних захеров и претензий на личную власть, молодого, прогрессивного и грамотного управленца, прошедшего достаточно хорошую школу общения с разными людьми и слоями нашего общества. Поэтому буду краток. Мы будем делать из Вас нового правителя, но это будет лишь бутафория. Мы, деловые люди страны, доверяем вам быть только казначеем, но не смотрящим. Надеюсь Вам понятна и терминология, и значение, и разница. Смотрящим, т.е. решающим что и как, куда и кому, сколько и где, кто прав, а кто нет, ну и прочее, остаюсь я. Вы никогда и никуда не вмешиваетесь, подписываете, что дают, торгуете лицом и пожимаете руки тем, кому мы позволим, поносите с трибун тех, на кого мы укажем. Всё ! За эти необременительные обязанности Вы живёте в своё удовольствие. Круг деловых людей уже определён и изменению Вами не подлежит. Ваша задача понравиться населению, явиться к нему своим в доску, но правильным, семьянином, любящим мужем и отцом, молодым, энергичным, желающим, что бы всё по справедливости, ну и прочая байда, а после выборов продолжить изображать доброго царя-батюшку. На внешнем контуре создать и поддерживать образ сильного и лидера великой державы. Мы заключаем сегодня с вами контракт на девять лет, включая два срока правления, потом поставим следующего казначея, а Вам подберём занятие по душе. Денежек прилично подкопите к тем, что уже греют Вам душу на зарубежном счете,

мы не обидим, не бойтесь и занимайтесь до конца своих дней чем хотите, на все безумные хотелки хватит. Ну-с, батенька, порадуйте старика согласием.— закончил монолог Еловский и, резко выскочив перед Витьком, прямо посмотрел ему в глаза. Витёк был готов и ответил ушлому еврею прямым и спокойным взглядом. Он пожал плечами и как можно равнодушнее сказал:

– Я же не сумасшедший от такого отказываться. Ответственности ноль. Голова не напрягается, физического труда никакого, одни сплошные удовольствия. Как скажете, Евгений Александрович, я весь в вашем распоряжении.

Еловский ещё раз взглянул на Витька пристально, сквозь прищур глаз, погонял какую-то мысль минуты три, перетаптываясь на месте, а потом поднял правую руку и резко бросил её вниз со словами : «А хер с ним, с плащом!» и быстро пошагал обратно, абсолютно забыв о Витьке, сел в машину и был таков.

Витёк растерянно посмотрел вслед удаляющейся машине Еловского и стал ловить попутку. В кабине фуры, на которой он добрался до станции и в вагоне электрички, несущей его к трём вокзалам, и в вагоне метро, Витёк напряжённо думал, что сказал ему словами, а больше всего своим отъездом Еловский. Как не крутил он, ничего другого у него не получалось, кроме явно продемонстрированного ему места у параша, как говорят зэки.

Добравшись до служебной квартиры и, равнодушно огля-

дев полки холодильника, заваленные деликатесами спецпайка, Витёк не соблазнился ничем. Подумав ещё, он достал из морозилки бутылку водки и, налив себе половину стакана, опрокинул в себя, закусив солёным огурчиком и откусив ломоть от горбушки чёрного хлеба. Не помогло. Витёк проворочался без сна полночи и с первыми лучами солнца мозг наконец собрался в кучу и чётко сформулировал мысль: «А вот хер тебе, а не бутафория, Евгений Александрович ! Я и тебя и всех твоих избранных из круга деловых, не подлежащих замене, к параше усажу и это в лучшем случае!»

Витёк вдруг опять вспомнил крысу из подъезда его детства и почувствовал уважение к отчаянному зверьку, гнавшему его два этажа в отместку за испытанный страх и, не испугавшейся железного прута в его руке, которым он мог её убить, если бы не струсил. А ещё он вспомнил слова отца, что крысы очень умное животное, селится там где сытно и тепло, жизнь в голоде и холоде оставляя мышам и бродячим псам.

Как ни странно, но именно после этих воспоминаний Витёк заснул спокойным и глубоким сном, а со звонком будильника проснулся не только с принятым решением, но и в прекрасном расположении духа.

Дальше было формальное назначение председателем правительства, что бы передача власти имела конституционное обоснование. Еловский из ничего лепил образ практически мессии, пришедшего спасти и защитить многострадальный

народ от войны, на которой он и его деловой круг делали миллиарды долларов. Витёк представлялся народу спасителем от террористов, взрывающих дома с людьми в городах страны, станции метро, больницы, школы и концертные залы. Он конечно знал кто именно организовывал и исполнял эти взрывы, но ничего предпринимать и не подумал. «Лес рубят, щепки летят» любил повторять Сам, и Витёк был с ним абсолютно согласен. Да и тренер сказал ему, напутствуя в большую политику, тоже самое. Взрывы и война мостили ему путь к трону, к цели его жизни, какая разница сколько населения погибнет, бабы ещё нарожают. Ценна только его жизнь и больше ничья. Ни одного царя или короля, султана или шейха, генерала конфедератов или армии юга и прочих властителей такие мелочи, как сотни или тысячи, десятки и сотни тысяч людских жизней не волновали, сна не лишали, потому их великими и запомнила история, а значит и ему не следует о таких мелочах печалиться. Жаль, что на взорванной станции метро его жены не оказалась среди жертв, так бы заодно и от неё избавился, надоела хуже горькой редьки. И надо же такому было случиться в его жизни, что именно с этим недоразумением без рожи и кожи приходилось ему соответствовать образу любящего мужа и отца, хотя блевать хочется от одного её запаха вечно вонючих подмышек и пропотевших платьев. «Тьфу, дЯревня!», мысленно повторил он за героиней нашумевшего фильма, который его клуша смотрела уже раз сорок на видеокассете и один раз заставила по-

смотреть и его.

Витёк выполнял скрупулёзно советы мордоправов, как мысленно называл он имиджмейкеров, и его душещипательная речь в военной палатке заставила рыдать в умилении полстраны, как минимум. При такой «артподготовке» его фактически внесли на руках на царский трон, подтасовав слегка результаты, чтобы не споткнуться на втором туре с грамотным оппонентом. Уже влюблённый в Витька электорат отмахнулся от воя оппозиции о нечестности выборов, и Витёк уютно устроился на троне тритреклётого государства и приступил к осуществлению своего личного плана.

Созданная под Витька и его избрание Еловским партия быстро стала пополняться китежскими, которых полностью контролировал Степаныч, и, сначала они ощутимо щелкнули Евгения Александровича по его задранному носу, так сказать, по партийной линии, а потом на него со всех сторон стали сыпаться обвинения в торговле оружием, наркотиками и людьми. Петруша, занявший сразу после Витька пост руководителя всеильного ведомства, не только организовывал, так сказать, «огневую поддержку» выборов Витька, но и собрал немало дополнительной информации о деятельности Еловского и его подельников. Ушлый еврей сразу просёк фишку и удрал в Англию, откуда уже только бессильно тявкал, а караван Витька мерной поступью продолжил назначенный им путь.

Всё было просто замечательно, спокойно и величественно.

но, но через пять месяцев после того, как Витёк уверенно взгромоздился на престол, случилась неприятность на учениях с одной подводной лодкой. Кланяться партнёрам и просить их о помощи было не по пацански, и моряки остались на глубине в братской могиле, пока лодку не притащили и их останки не разложили уже по индивидуальным урнам. Это происшествие Витёк личной бедой не посчитал, накладочка и только, но на надоевший ему уже вопрос, что именно случилось с подводной лодкой, он не сдержал эмоции и ответил с язвительной улыбкой этой иностранной бестолочи: «Она утонула». Огрёбся он и за фразу и за ухмылочку от Степаныча таких «люлей», что несколько лет подобных промахов уже не допускал, а, наоборот, усиленно старался соответствовать месту и должности, исправляя допущенный косяк и набивая до отказа пакет народной любви. Витёк без устали мотался по стране, устраивал прилюдную порку губернаторам и решал проблемы одного или максимум десятка людейшек, пуская пыль в глаза всем остальным.

Напутствие тренера Витёк соблюдал неукоснительно, применяя всё чаще и чаще принцип Самого: «Нет человека- нет проблемы». При чём, окружив себя с самого первого дня людьми, ловящими каждый его жест и слово, внимательно отбирал он и пополнение, поэтому Витьку достаточно было лишь пару раз, не больше, высказаться в адрес досаждавшего или реально опасного ему оппонента, как подчинённые «секли фишку» и проблема ясным соколом летела

в тюрьму или колонию и это в лучшем случае. Некоторым так не везло и их хоронили с почестями, народной скорбью, морем цветов и, конечно, обещанием властей всех мастей и волостей непременно найти и строго покарать убийцу. Одновременно с его частными разборками, жизни граждан от десятков до тысяч использовались для поддержания образа спасителя отечества и борца с террором, ведь что бы было с чем бороться, его надо было сначала предъявить в натуре и как можно страшнее...

Давно распался, рассортировался по заграницам, кладбищам или колониям круг Еловского, а общаг и богатства страны были перераспределены между командой тренера, но Витьку всё ещё спокойно не сиделось на троне. Не тот человек был Еловский, чтобы смириться с таким унижением, да и у нескольких деловых из его круга срок осуждения подходил к концу, и Витёк почувствовал пятой точкой, что в его анус нацелилась арматура с приваренными по кругу гвоздями.

Начав свой третий, а по факту четвёртый срок царствования, Витёк решил не просто вырвать зубы у беснующегося старого, но ещё саблезубого тигра, а швырнуть его шкуру себе под ноги. И плевать он хотел на покаянное и такое жалкое письмо Еловского, которое ему передали через дипломатов. Он не поверил ни его раскаянию, ни фальшивым извинениям, совсем не поверил. Задумал жид пархатый, как есть задумал гнусь !

Ребятки Петруши исполнили всё четко и красиво, деловым добавили сроки по новым сфабрикованным обвинениям, и Витёк уже собрался расслабиться, как получил нокаутирующий удар в солнечное сплетение. Умер Степаныч, и одиночество, гулкое и звенящее, отгородило его от всего мира. Тишина страшная и ватная навалилась могильной плитой. Витёк до боли и беспросветного отчаяния ощутил себя полным сиротой.

Он вдруг с ужасом осознал, что со смертью тренера в этом мире больше нет ни рядом, ни около, ни в дали не единого существа, которое его любит, просто любит, ничего не только не требуя, но даже не прося взамен. Всем, абсолютно всем от него было что-то надо. Степаныч подарил ему не только отцовскую заботу, но и вылепил из чахлого и запуганного заморыша, сильного, хитрого, умного и успешного Витька, нет, не Витька, а Виктора Викторовича, отца народа и уважаемого мирового лидера.

Братаны с него ждут постоянных даров. Жена боится до дрожи и тихо ненавидит, для дочерей он лишь спонсор их бесконечных хотелок, не более. Рудик меняет его на первого встречного при каждом удобном случае и только фантастическим везением можно было объяснить то, что он в своей неразборчивости, не подцепил ещё срамной или смертельной болезни. Ну и всё.

Ушёл от него Степаныч, как некогда ушла мать, не попрощавшись даже.

Проводив тренера Витёк ,неожиданно для самого себя, вдруг загрустил по матери и ,когда тоска вынудила буквально завывать на луну, он подумал, что теперь может попытаться хотя бы узнать где она, не нуждается ли. Ему захотелось сделать что-то хорошее от себя, по своему желанию, а не для показухи или потому что так надо. Мать, если была жива эти тринадцать лет, не могла его не увидеть. Он искренне не понимал, неужели она не узнала его в новостях и на разворотах журналов и газет, ведь имя и отчество стались прежними, а фамилию не мог не помнить её муж. И мать всегда утверждала, что Витёк очень похож на отца-подлеца, так почему она даже не попыталась с ним связаться ?

Для начала он запросил в архиве списки всех выехавших в Канаду по приглашению в том проклятом году, когда его, как вещь с рук на руки , передали на пироне вокзала. Он нашёл в списках и мать, и её мужа-хохла, которого Витёк без труда узнал на фотографиях. Там же было указано, что выезжает пара на ПМЖ, т.е. на постоянное место жительства к родственникам мужа и что согласие принимающей стороны получено.

Значит мать знала, что не вернётся, знали это и приёмные родители, а дядя Витя тогда в сквере врал и пугал его расстрелом, что бы заставить принять их с мамой Светой ,как родителей и считать таковыми. Витьку стало обидно, но на отца он сердиться не мог, потому что давно ему всё простил за то спасение из подвала. А вот с мамой Светой стоило бы

пообщаться, да уже не получится, померла она ещё до его переезда в столицу.

Витёк вызвал к себе Петрушу и попросил подобрать ему толкового офицера для частного поручения.

Через месяц он получил полный отчёт, который поверг его в ещё большее уныние. Мать умерла буквально два месяца назад и, если бы Витёк вспомнил о ней чуть раньше, то мог бы сам с ней поговорить или хотя бы повидаться и проститься.

Впервые Витёк возненавидел и это тритреклётое государство и царскую свою участь, которая погоревать и поплакать по-человечески не позволяет, да и на могилу матери с цветами не пускает. Он погрузился в размышления что теперь ему со всем этим делать, как отнестись к информации. Именно в этот момент его тяжких раздумий и борьбы желания сделать что-то хорошее для уже не нуждающейся ни в чём женщины, которая подарила ему жизнь, и поднять по-еловски повыше правую руку, ему принесли прошение его заклятого врага, самого любимого народом делового из круга почившего по весне этого самого Еловского.

Витёк лично знал этого гордого и очень толкового мужика и, если бы смог ему доверять, то приблизил бы непременно и доверил бы министерство или даже правительство. Однако Матвей Осмоловский был слишком опасен как конкурент и не скрывал своих претензий на власть, считая Витька и его команду полными бездарями, разваливающими стра-

ну. Витёк не был уж совсем дегенератом, чтобы не понимать, что во всем проигрывает с разгромным счётом этому еврею, начиная с ума и грамотности, до импозантной внешности и просто фонтанирующей харизмы. На его ярком фоне ничтожность личности и серость Витька высвечивалась даже для «особо одарённых» и вопрос с Осмоловским был решён быстро и по всей строгости закона. Совсем ликвидировать угрозу Витёк не посмел, слишком заметен был в мировых деловых кругах этот молодой бизнесмен и слишком популярен в народе. Его смерть могла взорвать страну. Кликни его, оставшиеся на свободе, пусть и за рубежом, друзья-соратники, с их капиталами и связями народ на баррикады, полыхнуло бы почище оранжевой революции хохлов, и от Витька с его вертикалью власти пошли бы клочки по закоулочкам. Только поэтому сменил английский костюм на робу зэка Матвей Осмоловский ещё в первый срок царствования Витька. И вот теперь его враг, отсидевший уже более 10 лет, но по-прежнему не только внутренне не сломленный, но и внешне мало изменившийся, просил о милости, но не для себя, а для умирающей в германской клинике матери, чтобы проститься с ней, пока она ещё жива. Матвей готов был вернуться в зону после смерти матери, и Витёк не сомневался, что он именно так и поступит, но это было ещё страшнее. Откажи он сейчас сыну проститься с умирающей матерью, весь мир завоюет и заулюлюкает, склоняя его, как труса и бессердечного подонка. Витёк повертел в голове все варианты и

решил, что, проявив милость к врагу и, подав её максимальной гласности, с упором на причину снисхождения к явному конкуренту, он поступит с максимальной пользой для себя. Исходя из этих рассуждений и, лишь слегка, под влиянием момента Витёк подмахнул прошение резолюцией удовлетворить, несказанно удивив своё окружение. Для себя он мысленно поставил галочку в перечне совершённых добрых дел, посвятив это памяти матери, тем самым, закрыв долг и перед ней.

В вечерних новостях в спецвыпуске, который транслировали не только все свои каналы, но и мировые, он проникновенным голосом, который был отработан до оттенков полутонов «мордоправами», поделился со всем миром принятым им решением не просто отпустить оппонента и преступника, но и помиловать его, освободив от половины ещё не отбытого наказания, выказав своим указом дань уважения его больной маме, позволив провести отпущенные ей Господом дни рядом с любимым сыном.

Витёк говорил подготовленный ему текст и верил сам себе, представляя как рыдают от умиления с той стороны экрана его верные избирательницы, и, прикидывая, на сколько вырос его рейтинг. Оперативно проведённый социологический опрос показал со всей убедительностью, что его благородство оценено высоко, и граждане страны гордятся своим самым человечным и, несомненно, лучшим в мире правителем.

Насладившись своим неожиданным милосердием и благородством, Витёк вдруг понял, что возвращаться к рутине государственного управления, в котором он ни хрена не понимал, сидеть с умной рожей на скучнейших отчётах, выслушивать очередные прожекты, за которыми были прекрасно видны не только коррупционные схемы, но и банальнейшее воровство, у него нет и капли желания.

Смотреть на опостылившие рожи сил больше не было, и Витёк, неожиданно для самого себя, позвонил недавно введённому в ближний круг уроженцу малой народности. Новоиспечённый министр оставил хозяйство на заместителя, и они с Витьком на пару улетели в тайгу.

Эта поездка была сказкой. Наверное их охраняли, но на глаза не лезли и в своих вылазках от лагеря они с Укулымычем уходили далеко в невысокие горы, поросшие ягодами, которые можно было есть без опаски не мытыми. А грибы, растущие из земли, с листочками и хвоей, прилипшими к клейкой шляпке, а не приготовленными на блюде, Витёк видел вообще впервые в жизни. Они набирали грибов целые корзины и, вернувшись в лагерь, варили их и жарили на большой сковороде с картошкой. Уплетая за обе щеки эту жарёху прямо со сковороды, Витёк понял со всей отчётливостью, что ничего вкуснее он в жизни не ел. Ему впервые в жизни было легко и спокойно и никуда не хотелось уезжать из этого земного рая, где всё просто, понятно, доступно и очень приятно. Витёк засыпал счастливым и просыпался в

прекрасном настроении. Ему ничего больше не хотелось, потому что здесь и сейчас для счастья было всё и так каждый день.

А какая здесь была рыбалка !

Две недели пролетели как пять минут и, покидая сказочный край, Витёк искренне поблагодарил Укулымыча за прекрасное приобретение. Теперь он знал, куда рвётся его душа и где он может оказаться, как только это ему захочется.

Вернулся Витёк в свой царский терем отдохнувшим, загоревшим и помолодевшим. Он сразу поручил журналистскому пулу готовить на случай его отлучек «консервы», т.е. дежурные записи его встреч с министрами, губернаторами, артистами, учёными и прочими допущенными к его персоне лицами и выкладывать их в новостные выпуски по мере необходимости, что бы электорат был постоянно уверен, что его президент не спит, не ест и, конечно, не отдыхает даже в загородной резиденции или у моря, а днём и ночь, как каторжный, вернее как раб на галере, служит благу народа.

А тут и Алуся порадовала сыном. На роды пришлось загримированным и на частном самолёте одного из бывших братанов, а теперь олигарха с верхних строчек списка Форбс, инкогнито слетать в швейцарскую клинику, пожить несколько дней с молодой мамочкой в соседней спаренной палате, чтобы принять своего первого сына в отцовские руки. Ему было уже прилично за пятьдесят, и он едва сдержал себя, чтобы не разрыдаться от нахлынувших чувств, когда ему на

руки передали истошно орущего новорожденного.

Однако, когда эйфория прошла, Витёк вспомнил наказ Степаныча, что тайна должна сохраняться свято, что бы не портить безупречный образ народного любимца, образца для подражания. Вот только шило в мешке не утаить. Кто слил информацию и где протекло, выяснить не удалось, но пошла гулять по сети информация о его новорожденном сыне и фотки появились. Как не старались перевести стрелки на некоего футболиста, друга Алуси, но никто уже не поверил. А тут и счастливая мамаша начала конючить, женись да женись, я тебе сына родила, ты обещал.

Пришлось развод со старой женой затеять, ведь не султан он и даже не дружок Салым, фактический смотрящий за горами, которому как правоверному мусульманину четыре жены положено иметь, и плевать он хотел, что многожёнство в этой стране вне закона, ему можно, а Витьку нет. Ну и где справедливость? У него сейчас денег на миллион жён хватит, а положена только одна. Чего проще, принять ислам, делов-то на пять минут, и заводи гарем, как турецкий султан или арабский шейх, хоть из тысячи наложниц, так опять же нельзя, народ не поймёт, царь может быть только православным. Вот и приходится под вспышками фотокамер некрещённым к иконам в храме прикладываться и со свечкой до ломоты в ногах и поясице стоять на пасху каждый год, благо, что святейший сам «анафема» ещё та, на котором клеймо поставить уже негде, всё затыкано и верит он в Господа

нашего так же, как и нехристь Витёк. Хорошо, хоть расписались с Алусей в книжке окраинного отдела записи актов тихонечко, без лишних глаз, прямо в её спальне, а то столь скоропалительная замена старухи на молодуху запросто могла части электората его лишить. Да и приятно Витьку, чего уж греха таить, когда длинноногие девки в строгих офисных костюмах на его встречах с народом, в усыпанных стразами стрингах с экрана из каждого утюга с придыханием выдают под нехитрую мелодию или без неё, что хотят выйти замуж только за него, мачо мачистого и самого завидного жениха во всём мире. Тьфу, куда не кинь, всюду клин!

От тяжёлых дум о несправедливости этой жизни Витька оторвал пресс-секретарь Глинкин и, как всегда выпучив свои «чихуахуашные» глазки-маслинки, выдал очередную гадкую новость, с которой приходится к Витьку разрешалось только ему. Он и сам не мог объяснить с чего вдруг пожаловал этому внешне неприятному и глупому даже на вид существу, сообщать ему гадости, которые пишут или говорят о нём, о случившихся в стране и мире неприятностях, но позволял. Другого мог уничтожить под горячую руку, а на этого «чихуахуёнка», как с его лёгкой руки в аппарате прозвали Глинкина, она и не поднималась никогда.

– Виктор Викторович, хохлы бузят! – начал, заглядывая ему в лицо блестящими от возбуждения глазками начал пресс-секретарь.

– Они всегда бузят, чего ты прискакал не свет не заря? –

поморщился Витёк, отрываясь от созерцания бассейна в его новом дворце, который в онлайн-режиме демонстрировался на экране плазмы.

– Так на сей раз ваш кум передаёт, что дело серьёзное, пиндосы башляют немеряно и сами лично прискакали целым десантом. – продолжил тараторить «чихухуёнок».

– Ну так собирай братанов, будем базарить по-взрослому, раз пиндосы реальный кипиш замутили, – отмахнулся Витёк и продолжил любоваться интерьерами своих новых владений. Если бы он знал тогда в какой блудняк встрянет в оконцовке, послал бы всех истериков и дристокшонников в наидлиннейшее сексуальное путешествие.

Подними Витёк тогда правую руку вверх и кинь её вниз со слегка изменёнными словами покойного Еловского: «Хер с ней с Хохляндией!» всё было бы ровно и теперь. Наигрались бы пиндосы в демократию, успокоившись на ежегодных гей-парадах и выкачивания долларов из своего кусочка от раздела Хохляндии, а его понты и байки с мультиками обеспечили бы ему и братанам непыльную жизнь ещё лет на дцать. Правильно говорил один сатирик : тупые пиндосы, ох тупые. Но тогда, ступил Витёк и встрял по самое не балуйся, а теперь, похоже, полный абзац уже не за горами. Он устало откинулся на спинку рабочего кресла и вернулся на восемь с лишним лет назад, в позднюю осень 2013 года, когда Укулымыч после базара на толковище, которое ни к чему конкретному не привело высокое собрание, предложил Витьку спросить

совета у духов. Духи и их мнение ему были, конечно, по-барбану, но, возможности удрать от этого базара на свободу в тайгу, Витёк обрадовался как дитя, и уже утром они с Укулымычем катили вдвоём на вездеходе, сопровождаемые только придворным фотокорреспондентом и четырьмя охранниками, которые держались в поле зрения для их с Укулымычем спокойствия, остальные, как всегда, на глаза не лезли.

– Хорошо выдрессированы – с одобрением подумал Витёк и забыл о них.

Вечером того же дня, сидя с другом в раскладных походных креслах у костра, вокруг которого в незамысловатом подобии танца кружились три ряженых, Витёк как заворожённый бил в бубен, подсунутый ему миловидной девачкой с невероятно круглыми, как половинки яблок, румяными щёчками, в расшитых миллиардом разноцветных бусин одеждах.

Ему было очень хорошо и спокойно. Они только что с Укулымычем знатно перекусили кровяной колбасой «изигхан», что означает горячая кровь, перемежая её со свежайшими овощами, запили травяным чаем с молоком и солью «сутуг-шай», пробежавшим по внутренностям целительным потоком, согревающим до пяток.

Витёк сейчас был снова молод и полон сил. Он мерно стучал ладонью по бубну и ему казалось, что огонь всполохами вторил этим звукам. Шаманы наперебой комментировали признаки подчинения ему всех стихий: земли, воды, воз-

духа и огня, хором предвещая ему победу во всех его начинаниях. Ну он и начал... победитель-повелитель, мать их, этих шаманов и чай с молоком и солью, отключивший его природную осторожность и рассудительность... А дальше больше. Восемь лет бессмысленных трат денег и людских душ и в оконцовке такой косяк упорости...

Витёк застонал от воспоминаний последних месяцев как от зубной боли и заорал в голос :

– Блудняк, в какой блудняк затащили, падлы !

Он бессильно уронил руки на причинное место и снова глубоко задумался, уже не ища ни причину, ни выход. Выхода нет, а причина, что называется на рыло. Жри и ни в чём себе не отказывай ! Год за годом он считал себя авторитетом, а его держали за лоха педального ! Беспредельщики, воры, падлы, жлобы, все, все, все. Ссут воры кипятком от страха, но остановиться даже сейчас не могут, тащут всё, на что глаз упадёт. И разве я им мало давал ? Хапай – не хочу хоть ртом, хоть жопой, хоть как губка всеми порами впитывай, бабки, рыжьё, камушки копи или яхты километровые коллекционируй, ничего ему для братанов было не жалко, а они ?– сжал кулаки Витёк и золотая ручка хрустнула.

Только теперь до него дошло почему его упорно не допускали уже лет десять в народ и даже к самостоятельному поиску информации в сети, готовя подборки как информации, так и людей по заданной им теме.

Тогда в 2014-м и не вспомнить уже какая падла отгово-

рила его победным маршем прогнать войска по всей Хохляндии до границ? Ведь тогда его армию встречали радостно и гостеприимно, так ему, по крайней мере, докладывали тогда, он и сам на площади видел сияющие лица многотысячной толпы, так почему не пошёл дальше, а увяз на восемь лет в раскоряку? Как не напрягал память Витёк, но так и не вспомнил кто остановил его победоносное шествие царя-освободителя и собирателя земель тогда. Кум, сучёнок, что ли? Да, и он тоже, гадёныш, шкура ненасытная, но был прямо хор отговорщиков, и он их послушал, а не надо было, ох не надо...

А что теперь? За прошедшие восемь, мать вашу, лет вбухано бобла в Хохляндию не меряно, покупали агентуру и чиновников, а результат? Сдали только одну область, в остальных хохлы, которые восемь лет назад бежали дальше чем видели, по докладам его генералов, воевать научились не слабо, удивив не только наших вояк, но и весь мир, кинувшийся им помогать, раз такое дело. Этой правды от Витька, как не старались, но, за восемь прошедших месяцев сплошных провалов и позора, скрыть не смогли.

Алька выла в голос, прощаясь с любимой виллой в Испании, когда западные санкции дотянулись и до неё с их детьми, уже тремя сыновьями Витька. Старший наследником трона растёт, но трон этот под папашей не просто уже шатается, а не сегодня-завтра превратится в скамью подсудимых в международном трибунале.

Права Алька, когда кроет отборным матом всех его братьев, разворовавших всё, и армейское и не армейское, весело и с азартом угробивших почти все оборонные производства. Вот баба-дура, умок с ногтей, как говорил тренер, а сразу поняла где собака порылась. Он запросил инфу и слова жены подтвердились, хотя поди всё равно больше половины от него скрыли, а это значит, что пиздец полный и окончательный, дело времени и то уже недолгого времени. А он на посмешище всего мира выставлен практически голым. Эта мысль пронзила болью вполне реальной, и Витёк снова отключился, как тогда на банкетке в холле зала приёмов, после ухода Еловского, и явственно услышал цокот острых коготков, шорохи и попискивание в темноте затхлого подвала, навалившейся снова. Вот только спасти его на этот раз никому, никто не придёт на помощь, никто, понял с невыносимой горечью Витёк и заплакал в этой крошечной тьме, молча и безутешно. Акела промахнулся и ничего уже не исправить.

Очнулся Витёк с промокшим от слёз воротником рубашки и, зло сорвав галстук, рванул ворот так, что пуговицы щёлкнули по монитору для конференцсвязи. В дверь кабинета еле слышно постучали и он, вытерев лицо платком, глухо велел:

– Войди!

В кабинет просочился охранник, дежуривший у дверей, и молча протянул свежую рубашку. Витёк выругался грязно и зло, осознав вдруг, что его истерику видели в камерах сле-

жения, но скинул пиджак и быстро передел рубашку, отклавшись от галстука и оставил две пуговицы у воротника не застёгнутыми. Ему стало душно, и он потребовал сменить режим кондиционирования

Протерев лицо влажной салфеткой, из услужливо протянутой ему пачки, Витек отослал служку со словами, что готов к совещанию. Он удобно устроился в рабочем кресле и тут же монитор разделился на сектора, в каждом из которых торчала обрыдевшая ему до рвотного рефлекса рожа, и он не сдержался:

– Слушайте, уроды, ответьте мне только на один вопрос для начала, чего вам всем не хватало, что вы разпиздили всё. Начнём с драных портянок и стоптанных кирзачей, я слушаю тебя, Укулымыч, остальным готовить жопы, трахать буду всех до кровавых лохмотьев ломом с наваренными гвоздями, пока не подскажите мне, что теперь делать, чтобы спастись!

Пар Витёк, конечно, выпустил, напугал челядь до кровавого поноса, но ничего толкового не услышал и махнув рукой, решительно покинул рабочий кабинет, чуть не сбив с ног, видимо задремавшего за дверью, дежурного.

– А нехер спать на посту! – зло подумал донельзя раздражённый Витёк и шаркая по ковровой дорожке на отяжелевших ногах медленно двинулся в свои покои.

Через пару часов, посчитав, что он успокоился, в дверь спальни заглянула официантка и поинтересовалась, где

именно накрывать обед. Витёк почувствовал, что и вправду проголодался, поэтому капризничать не стал, объявив, что предпочитает есть в отведённом для этого месте. Девушка кивнула, и через десять минут он прошёл в столовую, где у двери, виновато опустив седую голову, переминался с ноги на ногу Укулымыч.

Витёк устало вздохнул и спросил нехотя:

– Чего тебе, Укулымыч? За добавкой пришёл, мало показалось ?

– Виктор Викторович, я тут подумал, поговорить надо с глазу на глаз. Может махнем в тайгу ?

– А смысл? Мне что твои шаманы пели хором, что я владыка мира духами назначенный? Какого мира, разве только уточнить у них ? Ты, случайно, не в курсе где он этот мир, где я – владыка ? Загробный разве что... – и он устало плюхнулся на стул и решительно пододвинулся к столу, намереваясь скомандовать, что бы подавали обед. Приглашать за стол Укулымыча не хотелось, но тот не уходил и, упрямо набычившись, продолжил топтаться у двери. Витёк бросил ему:

– Иди в зимний сад, отобедаю и подойду, раз тебе так приспичило, шаман, ёб твою мать!.. – и он прикрыл брюки салфеткой, давая понять, что сейчас разговор окончен.

Укулымыч попросился в отставку, что было ожидаемо, и Витёк ткнул ему фигу прямо в нос со словами :

– Хер тебе, падла, а не отставка! Как пиздить вагонами ты в отставку не просился, а как жопу припекло сбежать за-

думал? Ты меня знаешь, у меня отставка может быть только одна, для тебя точно одна, пуля в висок, генерал херов !

Укулымыч чуть не зарыдал в ответ, глаза заблестели, рот скривился, а голос предательски перешёл на фальцет от страха и обиды:

– Чубчика ты отпустил, Абрашу тоже, а я чем хуже? Я в тайге спрячусь, ни одна гнида не сыщет, пожалей меня, Витюша, сердце может не выдержать, врачи уже два рубца от микроинфарктов обнаружили, запрещают нагрузки и стресс. А как теперь без стресса обойтись?

Витёк зло прищурился:

– Ты меня об этом спрашиваешь? Я это всё затеял? Я вас, бедных, в этот блудняк затащил? Кто мне сказки в уши вдувал о второй армии мира ? Кто о супервооружении пиздел, на выставках мне кто экипировкой с тепловизорами и супербронезилетами хвастался? Не ты, Укулымыч ? Кто мне чудеса инженерных войск демонстрировал? Парады, потешные учения, да танковые биатлоны так мощь моей армии растратили, что хохлы гонят её поганой метлой, угробив элитные части за пару месяцев? На чём здоровье подорвал, «фанерный маршал», так тебя называют ? Не от тяжкого ли труда миллиарды по заграничным счетам распихивать надорвался, сердечный друг? Почему в твоём ведомстве не хера нет кроме ржавых автоматов и винтовок начала прошлого века? Отвечай, где твоё супероружие, которым я на большом экране за моей спиной всему миру хвастался ?

– А это ты не у меня, а у своего лучшего брата Рогози спроси. Я только принять должен был, а сделать образец и запустить в производство должен был он. Чего же ты ему анальную терапию ломом с гвоздями не устроил, а ?– огрызнулся Укулымыч и обиженно поджал губы. Потом махнул рукой и смахнул скупую слезу, предательски покотившуюся по щеке.

Витьку вдруг стало жаль напарника по приятному отдыху, и он примирительно ответил:

– Не волнуйся, все огребутся по-полной, но делать-то что, Укулымыч ? Позорище ведь получилось на весь мир, да и народ нас не понял, не сегодня так завтра бузить может начать. Терпилы у нас в стране знатные, во всём мире таких не сыскать больше, но ведь и они могут с цепи сорваться.

– Нашёл о чём печалиться. Много его осталось, народа-то? Поди справимся, твоя личная гвардия в целости и сохранности, немного почистили ряды от вольнодумцев, но таких немного нашлось, остальные точно верой и правдой тебе служат. Много ли ума и смелости надо баб да студентов дубинками целым кагалом лупить да впятером одного доходягу в автозак запихивать? Стучат все на всех в каждом подразделении, так что бдим, не сомневайся. Как пизданул чего непотребное против власти, так сразу прямым в Хохляндию и на передок. Махом говорливых поубавилось. Тут один свою жену чуть до смерти не забил на пикете против войны. Не бывшую, а с которой живут уже 25 лет и вроде дружно, но

приказали и избил. Правда когда её в отделение привезли на её смартфон пришла смс-ка из военкомата, что их сын погиб в Хохляндии, он, как прочитал, так и упал замертво. Инфаркт. Но это так, к слову, что даже своих лупят, служба тебе. Суды работают чётко, кто ещё вякает из населения, штрафуют немилосердно или по тюрьмам. Там благодаря твоему Ефиму мест освободилось изрядно, хорошо он придумал с вербовкой зэков в его частную военную компанию. Эти идиоты, отсидев по десятке и больше, за год или два до освобождения идут гарантированно подыхать. А их бабы-дуры, жёны и мамыши, получив от Ефима грамотку копеечную и крестик на ленточке, начинают раздуваться от гордости и с ними носиться по знакомым и выкладывают в сеть видосы, как моя внучка все видеоролики в интернете называет, что их мужья и сыночки, не отмороженные на всю голову бандиты, а герои, защитившие свою родину. Я сам охреневаю от этого всеобщего помешательства, но команда наших пустозвонов отрабатывает свой хлеб. Это надо так этой быдломассе остаток мозговых извилин ватой утрамбовать, что им уже не своя жизнь не дорога, ни своих родных и близких. Депутаты твои тоже ссат со страшной силой, только бы не в окопы, и единогласно утвердили законность вербовки конченных отморозков по тюрьмам и колониями не только это подмахнут. Ты знаешь, Виктор Викторович, у меня сложилось чёткое впечатление, что мы с тобой командуем дуркой, которая выпущена на свободу. Сам посуди, все, кто с мозга-

ми дружит, свалили, оставшихся в стране так мало, что Петруша пересажает, не сомневайся. А основная массовка, как верно это стадо окрестил один из популярных кинорежиссёров, до сих пор в тебе души не чаёт и жизни за тебя не пожалеет. Объявляй мобилизацию, а я твоего Пашку- Армагедона в Хохляндию заряджу, пусть сровняет её с землёй, ты ведь владыка земли, воды, воздуха и огня, а не городов и деревень? Земля, вода, воздух и огонь всяко при тебе останутся, властвуй!— закончил свою пламенную речь Укулумыч.

Витёк глубоко задумался, медленно прогуливаясь по дорожкам зимнего сада. Теперь Ефим, а на самом деле Михась и Пашка были теми самыми его палачами из детства. Когда-то они произдевались над ним в охотку, а потом судьба-затейница, так переплела судьбы этих палачей и их жертвы, и поменяла местами, что уже Витёк решал жить им или не жить, вот так уже стоял для этих двоих вопрос. Михась так и пошёл по криминалу, и ему высветил в лихие девяностые пожизненный срок вместо смертной казни, когда страна присоединилась к мораторию. Получив прошение Михася о помиловании, Витёк велел доставить старого знакомца к нему на дачу и там они долго и обстоятельно проговорили больше часа, после чего через полгода Михася освободили, «похимичив» с документами, специально подобранного по внешности и телосложению, а потом внезапно умершего, сокамерника. Сменив данные, бывший Михась, а теперь Ефим Милованов, был предан Витьку как собака, которую хозяин кор-

мил досыта и многое позволял из того, о чём другие приближённые и подумать боялись. Милованов с помощью Витька раскрутил респектабельный бизнес, а с началом освободительных операций за рубежом, создал частную военную компанию, по закону запрещённую, но мало ли что в законе написано? Тем более, что денежки на миловановскую ЧВК текли рекой из бюджета.

Пашку- Армагедона Витёк тоже вытянул из таких неприятностей, что тот должен был ему до конца жизни. Он хорошо помнил его награждение за закордонную операцию. За его беспредельную жестокость, с которой он ковровыми бомбардировками ровнял с землёй города, наплевав на их жителей, Пашка и получил прозвище генерал «Армагедон». Но на награждении тупой шкафообразный служака всё норовил присесть перед ним, что бы казаться пониже, когда Витёк цеплял ему орден и это просто умиляло. Рубленая словно топором морда и косая сажень в плечах так не вязалась с этой присядкой, что Витёк едва сдержался, чтобы не расхохотаться в голос, но широкую улыбку не смог скрыть и в ответ генералище смущенно и несмело дёрнул уголком рта. Это поведение так не вязалось с тем, как вёл себя Пашка в детстве, верховодя в компании дворовых пацанов, и с тем, что Витьку рассказывали об Армагедоне, что он мысленно ещё раз поставил себе жирную пятёрку, что много лет назад, не добил его из мести за детские обиды, а вытянул этого мужика из беды, грозившей годами тюрьмы и полным крахом

карьеру, воспользовавшись своим служебным положением руководителя всемогущего ведомства. Судя по всему, тогда генералу сообщили имя благодетеля, и Армагедон всё понял, оценил и не забудет никогда.

Будем надеяться, что хоть эти не подведут, подумал Витёк, и согласно кивнул Укулымычу, одобряя его план и потрепал друга по плечу:

– Вот можешь же когда хочешь! Или анальная терапия мозг прочистила? Ты только, милый друг, скажи честно, во что рядить мобилизованных будешь и чем вооружать, если всё растащено, как мне все докладывают?

– Ну, миллиона на полтора наскребём, а больше и не потребуется, у хохлов и трети людишек не наберётся против наших выставить. Да и народец сам себя экипирует, а автоматы на раз стрелнуть найдутся, не сомневайся, Виктор Викторович, отвечаю! – уже с прежней уверенностью и бахвальством в голосе, ответил Укулымыч и откланялся.

– А жизнь-то налаживается! – подумал повеселевший Витёк и распорядился готовить отъезд на море, пора было передохнуть, покупаться и попить винца в приятной компании, пока Алька страдает по утраченной испанской вилле и не желает его видеть.

– Всё вернётся, дорогуша, а если и нет, так новую тебе виллу купим или построим! Вон какой дворец мне забабахали недалеко от правительственной резиденции, в горах, воздух, минеральные источники прямо в бассейн воду дают. А

ты по заплёванной всяким сбродом Испании страдаешь, дурьнда.— в мыслях беззлобно укорил жену Витёк и, весело насвистывая, поспешил готовиться к записи своего очередного обращения к массовке с неприятнейшим для неё известием о начале мобилизации. Справившись с записью с первого раза, в прекрасном настроении он поспешил переодеться к отъезду на море.

Однако опять что-то пошло не так. Толи дуболомы-военкомы переусердствовали, толи Укулымыч оказался не совсем прав, но мобилизация пошла со скрипом, скрежетом и явными перекосами, да такими, что возмущение массовки долетало до Витька даже через высоченный забор правительственной дачи. В дополнение к уже удравшим миллионам граждан, сразу после объявления о мобилизации, за границу рванули не только все востребованные там специалисты, которые или уже сотрудничали с зарубежными компаниями, или ещё нет, но желали и могли предложить свои услуги, в полной уверенности, что на их предложение быстро найдётся спрос, рванули просто молодые мужики со скудным бюджетом в портмоне и даже чиновники. Не оценила массовка её исторического шанса грудью защитить Витька и его братанов. Миллион не желающих отдавать свою жизнь рванул из страны, присоединившись к десяти миллионам, покинувших родину с началом специальной военной операции в Хохляндии и очереди на переходах не кончались. Нашлась конечно и биомасса, как назвал часть населения страны Уку-

лымыч, которая с рёвом баб и запоем мужиков погрузилась в мобилизационные автобусы, экипировав себя на взятые в кредит деньги, но её оказалось так мало, что пришлось забривать всех подряд, устраивая облавы на предприятиях, в организациях, в общежитиях, супермаркетах, на вокзалах и во дворах. Хватали уже всех без разбора и сеть интернет была просто забита видеороликами об этом. Витёк слышал всё это от охранников и obsługi, перешёптывающихся на эту тему и злился неимоверно. Отдых пошёл насмарку, не радовали ни элитные эскортницы, ни молодые мальчики в греческих туниках из балетного училища. Отчаявшись отвлечься, Витёк вызвал Укулымыча с докладом, который вошёл в рабочий кабинет уверенным шагом и, едва присев напротив, доложил, что волноваться причин нет. Армагедон хреначит по хохлам со страшной силой, а мобилизация медленно, но верно набирает необходимое количество «пушечного мяса» и первая партия «чмобиков», как прозвали частично мобилизованных хохлы, уже прибыла в окопы, освободив кадровых военных для отдыха и передислокации в рамках поставленных задач.

Циничная уверенность Укулымыча успокоила Витька и вернула ему благостное расположение духа. Они вместе провели вечер и половину ночи в компании прекрасных гурий, которыми Витёк уважил сексуальные предпочтения таёжного друга, подарив ему с барского плеча парочку прелестниц в продолжение сладких утех, а с утра они на пару вылетели в

столицу. В прекрасном расположении духа Витёк велел отвезти его к супруге, которая должна была уже успокоиться по его соображениям.

На море он встретился со своим восточным партнёром, который по заказу Витька привёз ему для жены уникальную цацку, точную копию украшений самой знаменитой жены Султана Великолепного, цена которой была сопоставима со стоимостью утраченной виллы, по которой она так страдала и Алька, понимавшая толк в ювелирке, это оценит.

Не оценила. Молча взглянула и равнодушно запихнула в ящик комода, а потом разразилась грандиозным скандалом и каскадом визгливых упрёков, что он ничего не предпринимает для исправления положения, а наоборот, все его новые указы только подливают бензина в огонь.

Всё ещё пребывающий в благостном расположении духа Витёк с разочарованием проследил за перемещением уникальной цацки, в благодарность за которую он рассчитывал на абсолютно иной приём, поинтересовался, что он опять сделал не так и узнал такое, от чего настроение махом опустилось до абсолютного нуля. По словам Альки получалось, что Укулымыч опять бессовестно обманул, а, значит, его продолжают держать за лоха. Ему на неделе мордой торговать на очередном международном форуме, там вопросы задавать будут и партнёры и журналисты, а ему и ответить нечего, так получается?

Из гневной речи супруги Витёк понял, что Армагедон рас-

стрелял хренову тучу дорогостоящих ракет практически «в молоко», потому что система наведения ни в пизду, спутники Рогози туда же, а генерал залез уже в неприкосновенный оборонный запас. Зато хохлы методично уничтожают наши склады с боеприпасами, целые казармы с военными, даже хвалёным воинам Аллаха армии Салима досталось крепко, после чего грозный генерал объявил священную войну. Хохлы не испугались и продолжили уничтожать поезда с топливом, пантоны с техникой и личным составом, и, естественно, дают прикурить по всей линии соприкосновения, да порой так, что хвалёные подразделения и частные военные компании, куда Витёк тоже вбухал бабла уже немеряно, бегут, бросая и технику, и оружие, за что пропагандисты Хохляндии не перестают их благодарить, издеваясь на все лады. Средства массовой информации мира по всем своим каналам с едкими комментариями тиражируют кадры этих успешных выстрелов и искорёженной техники, помеченной знаками нашей армии, да усыпанные телами поля. Поди разбери где чьи, но картинки впечатляют и не в нашу пользу.

С мобилизацией совсем беда. Мужики от мала до велика рванули из страны в таком количестве, что страшно сказать. Остатки предприятий трясёт и колбасит от нехватки специалистов. Бегут отделами и целыми муниципалитетами, даже из столицы, оставив на рабочих столах невымытые личные кружки. Соседние страны в восторге от пополнения таким количеством высококлассных специалистов от айтишников

до инженеров и устраивают беженцев с огромным удовольствием, а у нас встают не только цеха, но и отрасли. На мобилизационных пунктах и полигонах повальное пьянство и драки до смертоубийства, командиров не хватает, и мужики предоставлены сами себе. Им выдают залежавшуюся на складах форму старого образца, да ещё и с гнидам вшей. В одной части мужики завшивели все и подняли бунт. В других болеют от простуды. В окопах нет еды и одна бутылка воды на двоих на день в лучшем случае.

Витёк широко раскрытыми глазами смотрел на разъярённую женщину и, оглушённый её криком и информацией еле выдавил срывающимся голосом:

– Алька, откуда у тебя эти сведения? Мне Укулымыч совсем другое докладывал.

В ответ она зло швырнула ему планшет со словами:

– Сам смотри. Набери в поисковике слово мобилизация и наслаждайся, там много чего интересного увидишь, хрен ты с горы свалившийся, а не царь.

Он поднял планшет, как коробку с гадушкой внутри и жалобно спросил жену:

– Аль, всё и правда так плохо? Ты не шутишь?

– Витя, ты идиот? Ты до сих пор не понял, что тебя все годы пользовали в извращённой форме все кому не лень? А чего тебя не иметь, если тебе бы только слушать какой ты альфа-самец, великий геополитик, геостратег и гроза всего мира? Ты же как корону надел, так она тебе на мозг и нача-

ла давить, головушку твою сжимать, как манкурту бараний пузырь. Твои братаны, как ты их называешь, быстро фишку просекли и давай тебе осанны петь по отдельности и хором, да наушничать, убирая конкурентов. А ты и рад стараться, типа на всё твоя воля. И своих, и чужих в расход по шевелению твоего пальчика, упивался властью, как запойный алкоголик баярышником или стеклоочистителем, уже не вкуса, ни содержания не замечая. А ты уверен, что они все тебе были врагами и что с ними нельзя было договориться? Эх ты, геополитик мирового масштаба, сделали тебя, как глупого детсадовца. Был бы ты поумнее, коронку бы положил в ларчик и, сквозь свои фирменные солнечные очки, смотрел бы внимательнее по сторонам, а не сидел, задравши нос на троне.

Они и с Хохляндией тебя подставили, но в этот раз из трусости. Петруша просрал агентурную работу, растащив отслужившие тобой бабосы и никому об этом не сказал. Укулымыч, уверенный, что Петруша всех купил и предстоит быстрый победный марш, погнал несколько кадровых подразделений с парадной формой в танках для парада в столице Хохляндии, а когда получил по роже быстро опомнившимися хохлами, испугался тебе сообщить, что у нашей армии нет в нужном количестве ни состава, ни современной техники и продолжает тебе пиздеть, что ещё немного, ещё чуть – чуть... Так тебе понятнее?

Витёк сидел раздавленный правдой, которую Алька выле-

пила ему в лицо, причём в его же манере, прямо и с матом в нужных местах для усиления эффекта.

—Алька, а что мне теперь делать-то? Если всё так, как ты сказала, хохлы нас скоро погонят с улюлюканьем поганой метлой до моей резиденции? Меня в мире и так уже в упор не видят те, кто до последнего года двадцать лет по моему щелчку прилетал, бросив все свои дела, и смиренно часами ждал приёма! Теперь я каждого из них жду, топчась на месте под злорадными взглядами журналюг. Поди все каналы по сто раз это показывают? А когда гробы в регионы тысячами пойдут, нас всех на вилы эти из биомассы не поднимут? — прошептал Витёк, осознав наконец всю страшную правду полученной информации.

— И поднимут, не сомневайся! Твои личные «космонавты» с дубинками, разбегутся обосравшись, потому что им тоже припомнят, как они этими дубинками и швабрами в отделениях орудовали.

Что теперь делать? А я знаю? Мириться как-то надо с хохлами, договариваться, деньгами задабривать, да хоть золотом засыпь, всё мало будет за наши и наших детей жизни. Политических реабилитируй, признай ошибки, попроси прощения, скажи, что идиоты на местах тебя не так поняли, а ты не увидел злоупотреблений вовремя. Накажи пару-тройку из тех, кого народ и так ненавидит, показательно накажи, не велика потеря. Снизь пенсионный возраст до прежнего, введи прогрессивную шкалу налогообложения, братанам объясни,

что это временно, с них не убудет. Оппозиционеры в стране и их массовка за границей, пока от неожиданности в себя приходиться будут, хоть месяцок, но помолчат.

Твой электорат подкорми подачкой, как в пандемию, вдовам деньжат пошвыряй, авось и пронесёт, но воевать заканчивай, Витёк, и никого не слушай, не друзья они тебе, а лютые враги. Поспеси, Витя, умоляю, поспеси! Пока братаны тебя ещё боятся, но если договорятся с западными делованами, то продадут тебя с потрохами, выменяют на послабления для себя, а тогда и мне с детьми не жить! – голос Альки сорвался, и она горько заплакала.

Они долго сидели обнявшись, и Витёк гладил хорошенькую головку жены, успокаивая, и её, и себя, но спокойствие всё не приходило и, чмокнув Альку в висок, он решительно вышел из спальни, и скомандовав возвращение в резиденцию, однако планшет с собой прихватил.

Всё оказалось ещё хуже, чем обрисовала супруга. Витёк просматривал видеоролики один за другим уже несколько часов подряд и цепенел от ужаса, всё отчётливее понимая, что блудняк, в который его втравили, выхода для него лично и его близких уже не имеет.

Алька права и в её советах был трезвый расчёт и смысл, но он откровенно трусил, понимая, что ему не на кого не только опереться, но и посоветоваться и наметить план и исполнителей найти было не с кем. Некому было и выполнять предложенное женой. В правительстве и среди приближён-

ных были, конечно, неглупые люди, но предложи он алькин выход, его лично не станет в мгновение ока, ведь Витёк признает свой провал и слабину. А на хрена он им такой? На трон давно мысленно примеряют свои жопы десятка два из тех, кто имеет не только свои армии в регионах, но и свои команды среди губернаторов и силовиков, в их раскладе Витёк сразу станет лишней фигурой. Тем более, что сдав его на международную расправу, тот, кто завернёт его для этого в коврик, отхватит не только личное прощение, но и трон. Значит никакого разворота, аленький ты мой цветочек !

Остался актуален только один совет тренера, и Витёк проговорил его вслух:

– Если драки не избежать, бей первым!

У него в рукаве остался последний козырь, но и со стороны противников, которых ещё год назад он с полным правом называл партнёрами, таких козырей было немеряно и шанс выжить ему и его семье был так ничтожно мал, что к кнопке сама рука не потянется. Но с той стороны не знают, нажмёт он на эту красную кнопку, если прижмёт конкретно или нет, тоже не знают, и в своей речи на очередном форуме Витёк зло и недвусмысленно пообещал уничтожить всю мировую гниль ядерным ударом во имя торжества света и добра, внутренне содрогаясь от страха и презрения к самому себе. Он отчаянно трусил, но не мог уступить каким-то хохлам и пиндосам с англичанами. Форс оказался для него сильнее и значимее здравого смысла. Расстаться с властью было для Витё-

ка не только равносильно потере смысла жизни, но и с самой жизнью, он сам заточил свою вертикаль власти так, что или он балансирует на её острие, либо нанизывается на этот кол.

Царская корона тритреклятого государства сжала мозг Витька до величины грецкого ореха и теперь в нём помещался лишь страх, который руководил всем, потому что большая чёрная крыса и днём, и ночью гнала его всё дальше, и дальше, по нескончаемой лестнице, ведущей только вниз.

Глава 4.

Этот, полный презрения и одновременно, искренней жалости именно к ней, взгляд подсудимой, навязчивым видением стоял в глазах Хельги Симовой, федерального судьи закрытого сибирского городка и портил всё, буквально всё, что её окружало. Хельгу теперь бесило даже то, что раньше вызывало лишь улыбку от ощущения собственного превосходства. Она готова была запустить чем-нибудь тяжелым или надавать пощёчин помощнику за очередной пофигизм, который раньше легко и снисходительно прощала, слегка пожурив. Безвольное жевание банальных фраз председателя суда на совещаниях вообще вызывало желание купить пистолет и всадить в него всю обойму, держа ствол на вытянутых руках и широко расставив ноги. Именно он, и она была в этом абсолютно уверена, в отместку всучил ей, через своего заместителя по уголовным делам, это бредовое дело, подставив Хельгу по-чёрному.

И было бы за что мстить таким изуверским способом. Можно подумать он сам ангел во плоти, безгрешный бесребренник. Ничего себе Хельга не позволила, выходящего за рамки её статуса и возможностей, а то что ему не доложились, так просто забыла о такой мелочи. Девочка может себе позволить забывчивость. Так нет, «закусился» по принципу я-начальник, и я буду тебя воспитывать. Ну завалил бы де-

лами, отпуск бы в самое гадкое время года передвинул, так нет же, подсуропил дельце.

Миру Старикову в закрытом городе не знал только тот, кто никогда не судился и не работал во властных структурах города, не имел там знакомых или друзей. К этой ,грубоватой в своей прямолинейности и принципиальной до отчаянной храбрости уже пожилой правозащитнице, можно было относиться по-разному, в зависимости от того на её стороне ты или на противной, но равнодушным к своей персоне она не оставляла никого. Мира защищала горожан в судах уже почти тридцать лет и даже откровенные её враги давно вынуждены были признать, что некогда кем-то данное ей прозвище «юридический киллер» было вполне заслужено. Старикова редко проигрывала процессы, очень редко, потому что могла «добыть доказательства и из-под снега», как часто цитировали судьи недавно ушедшую в отставку маститую коллегу из холмского-5 суда, с удовольствием вспоминая как Мира, чтобы восстановить на работе пацана, буквально притащила на заваленный сугробами земельный участок пожарных инспекторов и заставила их не только оформить надлежащим образом документы, составленные формально осенью, но и выступить в суде. Эта же судья, со смехом рассказывала, как после выступления Стариковой в прениях, когда дело было фактически проиграно Мирой , так как все соседи – свидетели избиений приёмных детей в семье местного настоятеля, дружно отказались давать показания, батюшка

вдруг отказался от исковых требований к соседке, больная мама которой, лежавшая за смежной стеной, слышала скандалы и плачь избиваемых детей в поповской семейке. Мира попросила судью не стесняться в назначении суммы компенсации морального вреда истинно верующему священнослужителю, не понадеявшемуся на божий суд, а пришедшего в мирской, что бы запугиванием соседей обогатиться за счёт женщины с больной матерью на руках. Старикова пообещала настоятелю, что она и её помощники соберут с горожан, среди которых непременно попадутся и прихожане, необходимую сумму, рассказывая всем на что и почему собирают пожертвования и выразила сомнение, что Холмской епархии понравится, когда прихожане узнают правду о том, кто учит их соблюдать божьи заповеди.

На счету Миры Стариковой был ряд таких прецедентных дел, что её креативу удивлялись очень многие. Именно её алгоритм расчёта компенсации за задержку выплат заработной платы строителям, по которому она составила нехитрую программу на компьютере, Верховный суд РФ определением пленума закрепил, как образец для расчёта таких компенсаций, включая выплаты денежного довольствия военным. После развала СССР и развода с союзными республиками многие архивы документов были утрачены и Старикова первая не только додумалась заменить утраченные доказательства общедоступной информацией из сети интернет, но и протаскала этот принцип через суды трёх инстанций, после чего

многие нерешаемые проблемы с доказательствами отпали.

Судьи удивлялись, как самозабвенно бьётся Мирка за своих клиентов, навлекая на себя порой нешуточный гнев противной стороны, выражающийся в оскорблениях и угрозах, к которым она всегда относится с таким залихватским бесстрашием, что оторопь брала даже стоящих рядом судебных приставов.

Мира была далеко не ангелом, могла отвесить оплеуху и мужику в форме и с дубинкой, как это однажды случилось в мировом суде, когда судебный пристав стал нарочно тянуть волынку и попытался ей помешать пройти в зал суда, где её ждал клиент. Этот недоумок рискнул схватить Миру за руку и рвануть на себя, за что и получил по физиономии. Стариковой оформили после заседания административный штраф 500 рублей, на что она, вытащив тысячу рублей, ехидно поинтересовалась:

– А можно без сдачи, но ещё раз по роже съездить приставу – ябеднику? – и подписала протокол. Этот пристав задержался не на долго, потому что и коллеги засмеяли, да и Мира его без колких подначек не оставляла.

Судебными процессами Старикова не ограничивалась и с азартом гоняла нерадивых чиновников, начиная с мэра Пузенко, «в хвост и гриву», выдирая положенное горожанам, обратившимся к ней за помощью и всем остальным, по общим проблемам, которые становились ей известными. Так в 2004 году Старикову Миру бригада «скорой помощи» при-

везла в приёмный покой больничного комплекса города с приступом боли в боку. Обследование показало закупоривший проток желчного пузыря камень внушительных размеров, и врач уже сел писать направление на срочную операцию, когда, побелевшая от боли Мира спросила где её будут оперировать и, узнав, что в общей хирургии, потребовала направить её в Жерловский центр, с которым начальник городской медсанчасти отказывался делиться квотами ОМС. Об этой проблеме Мира узнала буквально накануне случившегося от операционной медсестры Жерловского центра, в интересах которой она в суде выиграла дело о досрочной пенсии. Врач в приёмном покое отказался выдать такое направление, и, тогда, Мира Старикова потребовала сделать ей обезболивающий укол и написала в отказе от госпитализации, что причина её отказа заключатся в нарушении её конституционного права самой решать где ей лечиться. Многие в городе не поняли её, посчитали, что глупо было так рисковать жизнью, но Старикова снова пошла на принцип и не только заставила выдать ей направление на операцию в Жерловский центр, но и заставила начальника городской медицинской части направлять горожан и жителей области на лечение туда же, тем самым спасла это нужное городу медицинское учреждение, вынужденное собирать пациентов со всей Сибири, чтобы работать. А её статья в газете «Жизнь или кошелёк» о бесчинстве и произволе медицинского начальства, была хлёсткой и встряхнула интерес к

проблеме правоохранительных органов, вынужденных реагировать, включая антимонопольный комитет. Кстати, в суде она участвовала на третий день после операции, потому что судья отказала её клиенту переносить заседание более чем на три дня из-за болезни представителя, а специалистов по установлению права на дополнительное материальное обеспечение тогда в городе больше не было. Это потом, когда Старикова по уже устоявшимся решениям передала в профсоюз комбината все документы и свои наработки с сопроводительным письмом, в котором потребовала бесплатно по шаблонам изготавливать искивые заявления членам профсоюза, появились и другие представители.

Об этой странной с точки зрения многих юристке, которая могла грести деньги лопатой, но брала или смешные деньги или вообще работала бесплатно, но независимо от оплаты выдирала решение в пользу клиента с одинаковым пылом и настойчивостью, судачили часто. Мира Старикова давала повод к обсуждению регулярно, потому что была требовательна к себе и не давала спуска никому, включая судей. А уж как натерпелись от неё в период карантина по ковиду оба суда, расслабившиеся взаперти и нарушавшие процессуальные сроки отправки её клиентам решений, лучше не вспоминать. Взять хотя бы её демонстративно сшитую, после того, как её не пустили без маски в суд, издевательскую маску из ткани с дырками размером сантиметр на сантиметр. Старикова не только была активнейшим антиваксером, но

и демонстрировала наглядно всю абсурдность требований к ношению масок. В своих видеороликах со ссылками на мнение мировых вирусологов, фотографий с размерами ячеек ткани и размеров вирусов, Мира Старикова доказывала, что при разнице размеров тканевого плетения к вирусу, как футбольных ворот к теннисному мячу, ношение масок абсолютно бессмысленно. Судьи, потевшие в душных залах суда за стандартными медицинскими масками, с завистью смотрели на её практически свободное лицо и понимали, что эта абсолютно свободная и независимая женщина живой укор их безропотному подчинению идиотским требованиям или, как говорила Мира, дрессуре власти.

Кто-то одобрял Старикову, кто-то завидовал её смелости и принципиальности, а кто-то люто ненавидел, потому что себе подобного поведения позволить не мог. Среди таких была и Хельга. Эта противная старуха её просто бесила, хотя в судебном заседании они не встречались ни разу. Мира Старикова вела только гражданские процессы, а Хельга Симова рассматривала уголовные и административные дела. Неприязнь была личной и возникла, когда эта невероятно везучая баба сломала игру двух судей, пытавшихся остановить её в стремлении лишить подружку Хельги родительских прав на уже взрослого сына. С Наташкой они дружили давно, она одно время даже работала с отцом Хельги в службе судебных приставов, и он ей покровительствовал. Хельга не знала, что Наташка живёт на алименты сына, сбавив его с ма-

лолетства на бывшую свекровь, она говорила, что сын остался с отцом сам, но не могла же Хельга отказать подружке в помощи. Когда Мира Старикова подала исковое заявление в интересах сына Натальи, Хельга попросила судью, которой его распределили, отказать в приёме и той пришлось нарушить закон. Мира обжаловала определение судьи и Хельге пришлось компенсировать коллеге снятую за отмену надбавку. По её совету Наташка уехала в Новосибирск и, когда Старикова пришла на первое заседание, её обрадовали, что дело передаётся в суд по новому месту жительства ответчицы. И всё равно Мира Старикова получила решение в пользу её клиента буквально за четыре дня до его совершеннолетия, лишив Наташку родительских прав и взыскав часть алиментов. Отменить это решение они не смогли, и Наташка сыпала в сети интернет такими оскорблениями в адрес Стариковой, что портовые грузчики выражались изящнее. Естественно то, что Мира Старикова обошла все расставленные ловушки, уязвило и Хельгу, тем более что каждую встречу с Наташкой между ними весьма ощутимо сидела Мира.

Однако то, что именно ей подсунут сляпанное из ничего уголовное дело в отношении Миры Евсеевны Стариковой Хельге не могло присниться и в кошмарном сне. Мало ей было Наташкиных истерик и проклятий в адрес Стариковой, из-за которых Хельга стала избегать посиделок с вернувшейся в Холмск-5 сразу после проигранного суда подружкой, так теперь она должна была ещё и осудить эту ни в чём не

повинную женщину. Кстати, абсолютно правую и в том на-
ташкином деле, если по совести и по закону. Теперь Хельге
придётся судить Миру Евсеевну Старикову ни по закону, ни
по совести, а деваться было некуда, и Хельга злилась на неё
ещё сильнее. Ведь она тогда, 4 марта 2022 года, сама виде-
ла, как понятливо усмехнулась на испуганный взгляд пред-
седателя Мира Старикова, когда её и второго представителя
по какому-то гражданскому делу попросили освободить су-
дебный зал на третьем этаже, где председатель собрал «уго-
ловников», то есть судей, ведущих уголовные дела, именно
по её душу. Вечером Хельга привычно зашла в Телеграмм
на канал Стариковой и в выложенном ею ролике услышала
ровно то, что сказал на совещании председатель. Слишком
хорошо и в суде, и в городе Холмск-5, знали Старикову, что-
бы подумать, что она не станет фигурантом по утверждён-
ному сегодня депутатами Государственной Думы РФ закону о
«фейках» про вооружённые силы страны в связи с ведущей-
ся специальной операцией на Украине. Если бы Старикова
Мира промолчала, это уже была бы не она. И за это тоже
Хельга ненавидела Миру. Да, Старикова всегда говорила в
своих видеороликах по делу, с цифрами и документами до-
казывала коррупцию и воровство, но ведь плетью обуха не
перешибёшь. Вся страна погрязла в невиданных нигде зло-
употреблениях, такая система. Ведь Мира прекрасно знала,
что мэр Пузенко не упустит шанс и уцепится за возможность
наказать её за одиннадцать лет постоянных пинков город-

ской власти, едкие видеорепортажи, просчитанные ею и обнародованные схемы по присвоению за копейки в бюджет городской недвижимости и по распределению исключительно своим государственных заказов, песенки и стишки в его адрес и адрес его подчинённых, которые обсуждал город. Пузенко был мстительным и подлым, поэтому, получив шанс, применил власть, что бы заставить замолчать Старикову, но она упрямо рванула, как всегда, на амбразуру.

Получившие приказ от Пузенко местные силовики так расстарались, что успели первыми в стране возбудить уголовное дело на Миру Евсеевну Старикову, что она потом обсмеяла не раз в своих видеороликах. Ну не удалось заставить замолчать Старикову Миру, как было приказано, хоть Хельга сделала всё для этого. Эта креативная зараза обошла запрет не выходить в сеть интернет и не вкладывать ничего туда.

Когда 15 марта 2022 года коллега Хельги вынесла постановление о проведении обыска в квартире Миры Стариковой, Хельга мысленно перекрестилась, решив, что судья, который будет вести дело Стариковой выбрана, но та вдруг приболела, и назначать Мире Евсеевне меры пресечения пришлось Хельге Симовой, как и вести теперь это мерзкое дело.

16 марта 2022 года Хельга была вне себя от ярости за всё сразу: и за назначение ей принимать меры пресечения к подозреваемой, и от ощущения чего-то липкого и отвращающего.

тительного, заполнившего всё пространство вокруг Хельги, как только она открыла том материалов по возбуждённому уголовному делу в отношении 63 летней правозащитницы, инвалида первой группы по зрению, пенсионерки и предпринимательницы, жены, мамы и бабушки Миры Евсеевны Стариковой. Не только опытным судьям, к коим по праву причисляла себя федеральный судья Хельга Борисовна Симова, а обыкновенным полуграмотным людям, было понятно, что лажа в этих обвинениях полная. Оперуполномоченный службы безопасности, следователь и прокуратура неуклюже пытались доказать, что Старикова придумала своих друзей и сама с собой переписывалась на своём канале и страницах в сети, при чём более 11 лет, выдавая в марте 2022 года свои посты за посты этих друзей с Украины. Бред сивой кобылы, конечно, но ничего другого эти умники не придумали и теперь она, федеральный судья, должна на этом бредовом обвинении назначить издевательское наказание ни в чём не повинной пожилой женщине, которая старше её матери. Так захотелось наверху, чтобы прикрыть откровенное враньё из телевизора, который Мира Старикова называет зомбоящиком. Подозреваемая, которую следователь после обыска допросил, уже знала абсурдное обвинение и молчать не станет. Стыдобища какая! Сидеть и слушать бред следователя и не меньшую чушь в исполнении прокурора, который Старикова не напрягаясь высветит в обвинении в её привычной едкой и язвительной манере, а потом с умным видом на этом бреде

вынести требуемое от неё постановление, только потому, что кто сводит счёты? Хельга вдруг поняла, что если хоть кто-нибудь станет свидетелем её малодушия, это будет невыносимо, и она позвонила в прокуратуру, что бы следователь и прокурор обосновали закрытое судебное заседание.

Заседание она, конечно, закрыла и мстительно назначила Стариковой Мире Евсеевне максимально строгие меры, удивив не только дежурного адвоката, но и следователя с прокурором, не просивших и половины запретов. Хельга запретила матери и бабушке общаться с дочерью и внучкой, вернее со всеми родственниками, оставив только общение с клиентами, силовиками, судом и инспекторами службы исполнения наказаний. Даже о контактах с коммунальными службами или врачами Мира Старикова должна была незамедлительно докладывать надзирающему инспектору. На уважаемого в городе правозащитника надели браслет преступника и так далее и тому подобное. Текст постановления с мерами был подготовлен помощником заранее. Пузенко, по команде которого во дворе дома, где проживала с мужем Мира Старикова в восемь утра буднего дня, когда жильцы спешили на работу и в школы, было устроено «маски-шоу» с пятью специальными машинами, экипированным омоном, сотрудниками Росгвардии и МЧС, был уверен что Старикова дрогнет и попросит пощады. Вся эта «мэрская рать», которую в своём первом же видеоролике Мира назвала меРЗкой ратью, напугала только детей, спешивших в школу и некоторых

взрослых, подумавших, что в доме засели террористы, но не Старикову Миру Евсеевну. Она продержала незваных гостей 40 минут на морозе, заявив, что спала, намерена привести себя в порядок и одеться. Следовательно, корчивший из себя начальника, решил её пугануть, что будут вскрывать дверь, на что Старикова расхохоталась и заявила, что когда это мчсники делали при поджоге её квартиры в 2010 году у них ушёл почти час, эта дверь не хуже и предложила не суетиться «под клиентом».

Пришлось следователю отпустить мчсников, сотрудников ОМОНа и Росгвардии, а ему, его понятым и сотрудникам безопасности смиренно дожидаться, пока эта пенсионерка впустит их в квартиру, заставив обзавестись за время ожидания бахилами. Дальше больше, Старикова Мира Евсеевна покуражилась откровенно, введя в ступор двенадцать сотрудников и её коллегу, тенью простоявшего весь обыск в углу комнаты. Из трёх с половиной часов оперативной съёмки удалось выбрать всего один фрагмент секунд на тридцать, когда Мира Старикова молчала, пережёвывая перед приёмом лекарства яйцо. Остальная запись годилась только для юмористического ролика в тик токе, но там только пять минут размещается. Мира откровенно издевалась, вместо того что бы трястись от страха, а лучше рыдать и каяться.

Пузенко потребовал показать ему съёмку с обыска Стариковой и так орал в трубку председателя суда, что слышала не только секретарь в приёмной, но и проходившая в свой каби-

нет мимо приёмной секретарь Хельги. Председатель вызвал Хельгу к себе и передал настоятельный приказ мэра «прижать Старикову по максимуму». А оперативную съёмку, что бы Старикова не скопировала её при ознакомлении с материалами дела, пришлось изъять и в протоколе обыска указать, что она не велась, но какой-то придурок фрагмент, где Мира молчала и подписывала бумаги, разместил в сети и Старикова требовала видеозапись найти и предоставить ей копию.

– Нашли с кем шутить, недоумки,– подумала Хельга, но во исполнение приказа мэра и в отместку за подружку, чтобы порадовать Наташку, лишила мать и бабушку общения с родными. Потом ей стало противно от самой себя, но исправить она уже ничего не могла и видела, понимала, чувствовала, что Старикова ей этого не простит.

Буквально через неделю разразился новый скандал, потому что Старикова обошла запрет не выкладывать в сеть свои видеообращения и ничего при этом не нарушила. Инспекторша отдела ФСИН, уже мысленно дописывая рапорт начальнице и обращение в суд с требованием заключить эту старую ведьму под стражу, чтобы, наконец, «сдыхаться» от неё самой, её ехидства и откровенного презрения ко всем, кто пытался превратить её жизнь в ежедневный кошмар, прилетела к следователю, но он не смог найти нарушения мер пресечения в действиях Стариковой. Следователь, вздохнув с искренним сожалением, что номер не прокатит, пояснил, что поднадзорная, которая стала давать интервью

своему мужу, не родственнику ей по закону, имеет полное право с ним общаться. А мужу никто не может запретить записывать своё общение с женой и выкладывать эти интервью в сеть с её согласия, конечно, на их общие каналы и страницы. На этих страницах и каналах после сообщения об первом в стране уголовном деле, возбуждённом против «пенсионерки» из Холмска-5, размещённого прессслужбой следственного комитета РФ и растиражированного и ботами и свободными СМИ, число подписчиков резко увеличилось. Как говорил незабвенный Виктор Черномырдин: «Хотели как лучше, получилось как всегда!». Мира Старикова, правда, этот факт увеличения в несколько раз подписчиков на её каналах стараниями СК РФ, прокомментировала знаменитой цитатой министра иностранных дел РФ Сергея Лаврова в адрес доставших его журналистов...

Теперь Старикова Мира в своих высказываниях, доступных всем желающим, стала ещё ехиднее и жёстче, а ведь именно для того, чтобы она исчезла из сети и было затеяно это уголовное дело в первую очередь. Доставалась теперь не только власти города и силовикам за бездействие, но и конкретным должностным лицам, связанным с уголовным делом Стариковой. Не нарушая тайны следствия Мира нещадно проходила по всем этапам, но опять придрататься не смогли, формально она ничего не нарушала. Мира откровенно издевалась над теми, кто внушал трепет, если не страх другим подозреваемым и обвиняемым. Эта пожилая

и явно не очень здоровая женщина, с трудом поднимавшаяся на второй этаж в кабинет следователя, всегда шла по коридору и входила в кабинет гордо задрав подбородок и выпрямив спину. Так же Старикова Мира вела себя и в суде, разочаровав тех, кто так надеялся увидеть в её глазах или поведении если не страх, то хоть растерянность или неуверенность в завтрашнем дне. Она по-прежнему вела и выигрывала дела, жёстко требуя соблюдение закона и установленных сроков. Что бы прикрыть весьма непрезентабельный браслет преступника Старикова смастерила под каждый свой наряд красивые наручья, где с вышивкой, где с аппликацией, а где и со стразами или бусинами. В своих роликах Мира наглядно демонстрировала согражданам, что не стоит бояться тех, кто сам до смерти трусит, потому что слаб и ничтожен, как остаток личности, раз использует для ответа оппоненту власть и возможности, которых у того нет.

– Сильный всегда готов к открытому диалогу, спору или бою, а трусливое слабое ничтожество прячется за прикормленными за наш с вами счёт, сограждане, церберами!– не уставала повторять с экрана Мира Старикова и сложно было с ней не согласиться.

Приставленные к делу Стариковой Миры Евсеевны специалисты отдела «Э» и «К», оперуполномоченные отдела безопасности и следователи следственного отдела, и сотрудник прокуратуры, по приказам начальства искали основание заключить строптивую правозащитницу под стражу, где она

уж точно не сможет записывать свои обращения и монтировать фильмы, но она балансировала буквально «на лезвии бритвы», давая очередной повод и срываясь «с крючка». Конечно можно было наплевать на закон и «натянуть» основание, как в уголовном деле, но уже слишком много глаз внимательно следили за развитием событий и рисковать не хотел никто. Старикова столько раз в своих роликах повторила, что если суд по её уголовному «фейковому» делу опять сделают закрытым, то это автоматом покажет, что им стыдно показать народу их высосанные из грязного пальца левого мизинца ноги обвинения в её адрес, потому что ей скрывать нечего и стыдиться тоже.

– Дабы дурь каждого виднее была!, – цитировала слова Петра первого Мира, радуя за открытые судебные заседания по всем «фейковым» делам. Мало того, через своего мужа она направила сенатору Нарусовой Светлане Борисовне письмо, что бы та инициировала открытые процессы над всеми узниками совести. Прошедшие до настоящего времени в мае-августе 2022 года процессы все были открытыми, поэтому теперь выделить в закрытый процесс дело Стариковой было весьма проблематично.

А Старикова продолжила «дразнить гусей» и позвонила стукачу, чьи данные нашла в материалах дела по мерам пресечения, и когда очередной фильм-интервью её супруг выложил в сеть, началось весьма бурное обсуждение и осуждение доносчика. В городе в доносчика, чью фотографию с

разрисованной серпом и молотом и надписью КПРФ рожей и другие, в том числе с братом и родителями, разместила в фильме Мира, сообщив и место его работы, стали тыкать пальцем, а в адрес его родителей появились комментарии, самый щадящий из которых был, что это сын вроде уважаемых родителей. Нелицеприятного в адрес стукача сказано и написано было много. Кроме этого достаточное количество горожан прислушались к совету Миры и прервали отношения с доносчиком на всякий случай, а то «вдруг ему понравилось доносить и портить людям жизнь просто так, под настроение», как сказала в фильме Мира. Стукач со разборками прибежал к тем, кто ему гарантировал конфиденциальность, и следователь спросил у Стариковой, где она взяла телефон доносчика, на что она едко ответила, что нечего было так спешить шить ей дело и лететь в суд, что бы лишить её общения с близкими, тогда, может быть, ума хватило прикрыть данные доносчика в опросе. Опять нагорело всем, а Старикова только ухмылялась и в новом интервью сообщила и о панике стукача, и о пофигизме торопыг из следствия и прокуратуры. Одни неприятности были от этой старухи, хоть не шевелись.

Всё это в городе обсуждали, примеряли поведение Миры на себя, прикидывали смогли бы они так или это не очень умное поведение и бабка спятила, раз лезет на рожон без тормозов. Каждый изгалялся в меру сил как в комментариях, так и за чаепитием. А чем ещё развлекаться в маленьком

закрытом городке.

Хельгу уже бесили эти разговоры, будто больше поговорить не о чем, но информация о Стариковой навязчиво лезла в уши.

Наташка, которая никак не могла успокоиться после проигранного суда, где-то раздобыла информацию о Стариковой и теперь Хельга знала и о том, что, словами подруги:

– эта оторва уже во время учёбы в университете была ещё той ведьмой. Отхватила первого парня, спортсмена, зарабатывающего так много, что за год после их свадьбы обставил их комнату с иглочки, красавчика. В городе они год были «королями танцев». Мирка с детства занималась, а её первый муж специально пошёл учиться, чтобы завоевать эту сразу и бегал за ней три года. А она после второго курса вышла за него замуж, после третьего родила дочь, а после четвертого развелась. Нафига ей непьющий, работающий, спортсмен и красавчик, ей свободу подавай. Сначала в Москву рванула, вернулась, не дождавшись обещанной квартиры. А вот оставшаяся на предприятии её подружка, буквально через два месяца после увольнения Мирки квартиру получила и вообще под молодых специалистов руководство целый подъезд в многоэтажке выделило, испугавшись, что примеру Стариковой последуют и другие, ведь она разорвала договор по не выполнению работодателем существенных условий.

В городе она почти три года проработала в городском комитете комсомола и опять скандал. Говорят разное, но Ста-

рикова ушла в училище вместо того, что бы на два года ехать в высшую комсомольскую школу ЦК ВЛКСМ, которой от неё откупались за молчание. Кстати, её муженёк с её слов рассказал в серии роликов о жене, о конфликте и это очень на неё, чистоплюйку, ебанутую похоже. Так вот это училище Мирка из самых отстающих в передовики вытащила, многие рассказывают, а начала она с того, что в большом зале театра собрала на открытое комсомольское собрание всё училище и педагогов и так всех отхреначила за блядство и халтуру, что половина педагогов в обмороки попадали от речи заместителя директора по воспитанию.

А через неделю Мирка с подружкой замутили в училище из самых злостных прогульщиц и халд танцевальную группу, какой-то театр и училище за год первым по области стало. Директриса рыдала, когда через три года Мирка с этой подружкой на Украину рванули. Прикинь, Хельга, сразу после Чернобыля все умные люди с Украины, а Мирка в Украину и на атомную станцию прямым ходом, ну на ту, за которую она в своём мартовском ролике рыдала, на запорожскую кажись.

И там ей опять не в масть, сцепилась с местной мафией, они её чуть чуть не уконтропутили в отместку. С того времени у неё один глаз не видит. И чо? Она с такой рожей себе опять красавчика в мужья отхватила и в Сибирь уволокла от молодой жены. Ну не ведьма? Ведьма! – уверенно закончила рассказ Наташка, допивая остатки креплёного вина из бутылки, которую она опустошила за время рассказа.

Уже засыпая на кухонном диванчике, Наташка, размазывая по лицу пьяные сопли, кляла Старикову :

– Вражина, нет, тьфу, врагина, короча, ведьма эта Мирка Старикова, как есть ведьма.

Хельга уже жила рядом с фантомом наташкиной вражины, так её стало много вокруг, но когда именно Симовой расписали уголовное дело Миры Евсеевны Стариковой ей впервые в жизни захотелось убить и председателя, давшего указание, и заместителя, поставившего в левом верхнем углу её фамилию. Она еле сдержала себя, чтобы не запустить эти три тома в секретаря, положившую их ей на край стола.

Хельга назначила судебное заседание на самую дальнюю дату и решила забыть о Стариковой хоть на время. Однако через неделю ей принесли заявление подсудимой с просьбой разрешить ей выезд из закрытого города в областной центр для консультации у врача-кардиолога. Хельга подписала разрешение, но Мира Старикова явно решила достать её до печёнок. Конечно не она, если уж говорить честно, а те кто давно жаждал реванша за доставленные этой неугомонной женщиной неудобства, если выразиться мягко и обтекаемо.

В этот день у всех, кто уже был задействован в деле Стариковой или, как говорила в своих роликах она, значился в её личном списке, был просто праздник. Даже начальница отдела исполнения наказаний примчалась на работу, хотя у неё оставалась ещё неделя отпуска, чтобы проследить за правильным оформлением документов в суд. Инспекторши ис-

писали несколько десятков листов, пока начальница одобрила рапорт о нарушении, совершённом Стариковой. Для верности добавили ещё два про ролики и звонок стукачу, чтобы придать делу хоть видимость законного основания для заключения пожилой и больной женщины под стражу.

– Да пусть хоть сдохнет там сразу или по дороге, лишь бы больше её не видеть и о ней ничего не слышать! – так сказал мэр Пузенко, когда начальница ОФСИН спросила у него совета. Пузенко пообещал, что поднажмёт на суд и наконец все выдохнут, будут спать и работать спокойно. Без Стариковой её мужа будет легче закрыть, к нему тоже счёт имеется.

Супругов вызвали в отдел для записи их объяснений, и эта парочка такое устроила, что лучше и не вспоминать. Инспекторши и начальница в три голоса орали на Миру, но она «отбрила» всех трёх, а начальнице, когда та прервала ор, чтобы перевести дух, спокойным голосом напомнила, что у той ещё отпуск не закончился и ей стоит продолжить отдых, если она уже всё сказала. От такой наглости поднадзорной, которую завтра отвезут в изолятор на весьма неопределённый срок, где она, возможно, закончит свою жизнь, все трое впали в ступор. Инспекторши даже не заметили, когда их начальница исчезла из кабинета, а Мира деловито поинтересовалась какие пояснения им нужны и потребовала себе и мужу бумагу. Старикова быстро написала свои ответы на заданные вопросы и проследила, что бы супруг написал чётко сформулированные ею фразы его пояснений. После этого пароч-

ка отклонялась и удалилась, как услышали инспекторши, собирать тюремный рюкзачок. Ну, а вечером на каналах Мира и Сандро появился новый видеоролик с фрагментами «выступлений» трио, записанных на диктофон, и рассказом Стариковой за какое такое нарушение её завтра будут заключать под стражу. А «нарушением» была остановка по пути следования на консультацию кардиолога и небольшая прогулка по парку деревянных скульптур, которую Сандро снял на видео и выложил на канале.

На утро Старикова Мира Евсеевна появилась в суде с двумя рюкзачками, который нёс её супруг. Судебные приставы и правда обнаружили в одном из них личные вещи, лекарства и гигиенические принадлежности, весьма компактно упакованные по отделам вместительного рюкзачка, в котором Старикова обычно носила в суд объёмные дела своих клиентов. Выглядела Мира как обычно, бодро поприветствовала пришедших её поддержать горожан, а вот мужикам из службы судебных приставов, досматривавших Старикову и её мужа, записывающих в книгу посетителей и дежуривших в фойе, было очень неприятно и они, подходя по одному к Мире или к Сандро, подбадривали их и, смущаясь, успокаивали словами скорее себя, что никто Старикову не посадит. Потом в фойе зашли коллеги Миры и так же подошли с выражением поддержки и словами одобрения её гражданской позиции. Мира поблагодарила, Сандро пожал адвокатам руки и тут в суд вошла одна из надзирающих за ней по решению суда ин-

спекторш и прокурорша. Мира дождалась, когда эта парочка окажется в двух метрах от неё и вдруг перегородила им путь, притопнула ногой и громко пропела припев из песенки, которая стояла в её статусе на странице Мира и Сандро в сети «Одноклассники»:

–« А хрен дождётесь, да обломитесь, да обойдётся, да хоть молитесь !» , потом так же резко повернулась к ним спиной и вернулась в круг группы поддержки. В дружном хохоте утонул возмущённый визг обеих дам, чего -то требующих от приставов. На шум из служебного помещения вышел ещё один пристав, но Мира уже приложила палец к губам , и все присутствующие так же дружно замолчали, не переставая при этом улыбаться. Неловкость и напряжённость момента прошла, а вскоре всех пригласили в зал заседаний.

Хельга видела из окна своего кабинета сколько горожан пришло и не сомневалась, что это все к ней, на треклятый суд по Стариковой. Ещё вчера председатель опять через своего заместителя передал ей пожелание мэра не церемониться со Старковой, а с утра, видимо для верности, её вызвал к себе , и она не сдержалась.

– Я вам что, марионетка в театре кукол? Вы смотрели основания уголовного дела Стариковой ? Нет ? А я смотрела! Чушь несусветная. Я и так эту женщину обложила флажками как волчицу, я её общения с дочерью и внучкой лишила может быть в последние месяцы её жизни, у неё здоровье ни к чёрту, как она ещё держится, а теперь я убить её должна вам

на радость? Вам лично что Мира Евсеевна плохого сделала? Сколько месяцев назад она Вам сложнейший процесс вытянула в чистую? Никакие деньги не помогли истцу ни в области, ни в кассации отменить ваше решение? За что Вы лично с ней так? Потому что мэр приказал? Правда ему поперёк горла встала? Вот сами с ним и сажайте, а меня увольте !

Хельга уже повернулась спиной к очумевшему от её напора председателю, когда он зло бросил ей вслед:

– Думаешь мне всё это нравится ? Не думал, что ты такого обо мне мнения, Хельга. Но ты сделаешь так, как сказано, Старикова должна сегодня выйти в автозак и в наручниках. Позвони, когда придёшь в совещательную, я вызову конвой и оператора из безопасности, они снимут лицо Стариковой, может хоть на сей раз даст слабину, а то устроила тут цыганочку с выходом! Иди сюда, покажу тебе кино. Правда без звука, но и так всё понятно.

Хельга вышла из лифта и заметила в фойе перед залом суда, куда направлялась, того же высокого и стройного мужчину, который на просмотренном только что ею фрагменте обнимал Миру Старикову за плечи. Он поднял на звук открывающихся дверей голову и их глаза на мгновение встретились. В глазах мужа подсудимой было столько тревоги и боли, что Хельга быстро отвела взгляд и прикусила язык, сдерживая вдруг зашипавшие краешки глаз злые слёзы. Влетев фурией в зал, она пронеслась за кафедру и разрешила всем сесть. Хельга знала, что председатель следит за ходом про-

цесса через камеру и поэтому не отреагировала на просьбу Стариковой разрешить ей отвечать на вопросы суда не вставая по состоянию здоровья. В материалах дела были не только выписки, представленные подсудимой следствию, но и ответ на запрос суда, и Хельга знала, что любая нагрузка может спровоцировать у Стариковой приступ, но у неё был приказ и его надо выполнять. Получив очередной отказ Мира ухмыльнулась своей фирменной усмешкой, знакомой Хельге по видеороликам, и с шутовским полупоклоном прокомментировала : «Лишь бы Вам было приятно, Ваша честность ! Я постою.» Хельга разозлилась и, к явно выраженной радости инспектора и прокурора, велела секретарю записать в протокол замечание подсудимой за неподобающее поведение в судебном заседании. Мира Евсеевна пожала плечами и, опираясь двумя руками на стол, выжидательно посмотрела поверх очков на судью.

Заседание пришлось прервать и объявить перерыв, потому что инспектор явилась без служебного удостоверения, указанного в доверенности, и Хельга сразу из зала направилась к председателю, даже не сомневаясь, что он в кабинете. Бухнув на стол тома дела, она решительно отодвинула стул и села, всем видом показывая, что разговор будет серьёзным.

– Значит так, Валерий Михайлович, я одна грех на душу брать не буду. Я каждый раз, когда Старикова поднимается, вижу чего ей это стоит. Я сейчас Вам ответ на мой запрос прочитать дам и добавлю, что она из гордости и упрямства

уже шесть раз, начиная с обыска, отказалась от срочной госпитализации. Знаете, что она ответила следователю, проводившему обыск, когда он ехидненько так улыбаясь спросил её после слов врача скорой, что он забирает больную, нужна ли ей медицинская помощь? Нет? А я знаю, мне адвокат, присутствовавший там, рассказал. Мира Евсеевна прямо так и сказала : «Я не проворовавшийся Пузенко, что бы прятаться в больничке и не доставлю вам всем удовольствие выдать мою реальную болезнь за страх!» Какую слабину после этого Вы хотите увидеть на её лице ?

Хельга пододвинула председателю том дела и подождав, пока он прочитает и поднимет на неё глаза, продолжила:

– Теперь Вы понимаете, что она может умереть прямо в судебном зале, или по пути в автозак, или в следственном изоляторе и убийцей все будут считать и называть меня?

Она всё про своё здоровье знает и понимает, что рискует умереть каждую минуту, чем Вы думаете с Пузенко ещё её напугать? Уверена, что мэр давно знает состояние здоровья Стариковой, потому и дал такую команду Вам, а через Вас мне. Определитесь теперь, зная правду, Вы лично хотите её убить? Пузенко в любом случае будет в стороне. А мне это клеймо не надо на всю мою жизнь. Вы оба с краю и не при чём, а мне все шишки осуждения и грех на душу? Нет уж, составьте мне компанию хоть Вы. Пишите собственноручно, что приказываете мне вынести постановление о заключении Стариковой под стражу за нарушение мер пресечения. При-

каз будет у меня. Если Старикова выживет, я его порву, а умрёт, я его обнародую и хоть славу палачей поделим пополам. Кстати, крайний раз отказ Стариковой от госпитализации по показаниям был неделю назад. Я в гестапо одна не нанималась. Сейчас иду в процесс, как пойду в совещательную, то зайду за приказом.

Поднимаясь со стула Хельга мельком взглянула на монитор, в котором в квадратах менялось изображение и вдруг камера крупно показала лицо Миры Евсеевны, а за ним встревоженное и какое-то застывшее лицо её мужа. Старикова неподвижно полулежала, опершись спиной на супруга и глаза её были закрыты. Хельга испуганно прикрыла рот ладошкой, но краткий возглас высокой нотой вонзился в потолок кабинета, заставив председателя вздрогнуть. Хельга круглыми от ужаса глазами смотрела на экран, где сменилась картинка и молчала, чувствуя, как по спине побежал холодный пот.

В чувство её привёл холодный стакан с минеральной водой, который ей в руку пихал председатель. Трясущейся рукой Хельга поднесла стакан к губам и судорожно сделала несколько глотков.

– Ты там чёрта с рогами увидела что ли ?– неуклюже пошутил председатель, и она выдавила из себя, медленно опустившись обратно на стул:

– Там Старикова была как мёртвая. Пошлите проверить что с ней, я никуда не пойду.

Председатель метнулся в приёмную и, отдав распоряжение секретарю, прикрыл дверь кабинета и присел на стул рядом с Хельгой, тяжело бросив сцепленные руки на стол. Они оба молчали. Минуты, казалось, растянулись до бесконечности, когда в дверь легонько постучали и раздался голос секретаря приёмной с вопросом можно ли войти. Хельга перевела глаза на председателя, но тот сидел неподвижно, наклонив голову и его напряжение выдавали побелевшие костяшки сцепленных пальцев. Дверь немного приоткрылась, и Светлана Сергеевна сообщила, что со Стариковой уже всё в порядке, муж дал ей лекарство, а от вызова скорой помощи она сама отказалась.

– Так мне вызывать врачей, Валерий Михайлович или нет?– уже в третий раз спросила секретарь, когда председатель, наконец, отмер и с шумом выдохнул из себя воздух. Он медленно поднялся, опираясь руками о стол и пошёл к рабочему креслу.

Хельга продолжала сидеть, внимательно наблюдая за председателем, как бы ожидая его команды или решения, но услышала в свой адрес лишь неуместную банальнейшую реплику из скабрёзного анекдота:

– Ни и чего сидим, кого ждём ?

Хельга вопросительно приподняла брови и тут же получила в дополнение :

– Эта старушенция взрослая девочка. Жизнь и здоровье-это её личное дело, и если она не считает нужным преры-

ваться на лечение, то почему мы должны озаботиться её проблемами? Решила Старикова умереть героически в суде, пусть умирает, нам какое до этого дело? Идите и работайте! Это всех касается, вопрос закрыт!

Секретарь за дверью испарилась, а Хельга встала и пошла на выход, но у двери остановилась и, обернувшись, твёрдо и решительно напомнила о своём условии. Она уже не слышала ответ, резко закрыв дверь и оставив последнее слово за собой. Внутри всё кипело от раздражения и злости настолько, что она, минуя свой кабинет и секретаря, вперёд участников процесса и слушателей влетела в зал заседаний, кинув дежурному судебному приставу указание пригласить всех в зал и вызвать секретаря заседания. Пока все собирались, Хельга, прикрыв глаза, наблюдала за подсудимой, которой муж занёс оба рюкзака, и из одного Мира Евсеена спокойно доставала документы, копии томов уголовного дела, ручки, очки и диктофончик, твёрдой рукой раскладывая всё по удобным ей местам. Второй рюкзак стоял в стороне, был плотно набит и не надо было обладать экстрасенсорными способностями, чтобы понять, что там лежат вещи в тюрьму, как не назови место, где эту женщину будут содержать под стражей, чего требуют все очень заинтересованные в этом лица. Эти самые лица жаждали жестокой расправы за причинённые им этой принципиальной женщиной неудобства на их тёплых местах, в начальственных креслах и кабинетах, которая за все эти десятилетия ничего и нико-

гда не вытребовала лично для себя или своих близких, не заработала на своей правозащитной деятельности сколько-нибудь приличных денег, вечно сбивая в городе расценки на юридические услуги, хотя могла иметь миллионы, не рвалась в политику. Старикова просто защищала горожан, помогая обуздать зарвавшихся чиновников или нерадивых медиков, хозяйственников, сотрудников полиции и прокуратуры со следствием, одновременно разрешая в судах сложнейшие пенсионные дела, споры между наследниками, бывшими родственниками и супругами, работягами и работодателями. И вот теперь именно она, Хельга Борисовна Симова должна услужить откровенным мерзавцам, сводящим с помощью своих властных возможностей счёты с честным человеком, и фактически вынести смертный приговор этому редкому представителю практически вымершей части российского общества, которого хочется иметь в своих друзьях, потому что с такими надёжно, тепло и ничего не страшно. Такие люди никогда не скажут, что им некогда, что они не могут, что не сейчас, что хотели бы, но им нечем помочь, такие бросают все свои дела и просто начинают решать твою проблему, щедро тратя не только своё время, деньги и силы, но и здоровье, иногда подвергая себя реальным рискам, даже не думая об этом. Многие ли сейчас способны на такое искреннее самопожертвование, не только не требуя ничего взамен, но даже не думая ни о какой благодарности? Бледное лицо Миры Евсеевны Стариковой буквально отливало

синевой, которой с утра не было, но она была абсолютно спокойна и в этом спокойствии была не смиренная покорность судьбе, а готовность принять очередной бой, хотя она явно понимала, что бой предстоит не просто не равный, он однозначно проигрышный для неё, а может быть и последним. Хельгу словно обдало морозом от этого предположения, и она зябко передёрнула плечами.

Наконец всё заняли свои места и Хельга начала судебное заседание, предоставив слово надзирающему инспектору. Та бодренько и радостно зачитала перечень яко бы допущенных поднадзорной нарушений мер пресечения. Прокурор поддержала основания изменения меры пресечения на заключение Стариковой под стражу, и судья предоставила слово подсудимой. Она видела, что Мире Евсеевне тяжело давать показания стоя, но, чтобы заглушить в себе голос совести и презирая себя за трусость, Хельга начала разгонять в себе неприязнь к этой дурной старухе, каждое слово которой, произнесённое громким и чётким голосом, обвиняло и уличало именно её, которая тогда, в марте, лишила её смысла жизни. Она прямо так, глядя на судью в упор, и сказала:

– Чем Вы можете меня наказать больше, если 16 марта 2022 года Вы, именно Вы, лишили меня радости и смысла жизни, запретив общение с дочерью и внучкой ?

Хельге и самой было тошно вспоминать об этом своём решении в угоду подруге. Но ведь Старикова сама во всём виновата. Ну что ей стоило просто перестать выпускать свои

ролики после того, как в её квартире при обыске всё перевернули, а её саму унизили, как могли в заказных комментариях к сообщениям пресс службы следственного комитета, растиражированного провластными СМИ? Через пару месяцев, взяв с неё обещание больше не открывать рот против власти всех уровней, следователь закрыл бы дело в связи с деятельным раскаянием и не было бы уже ни мер пресечения, ни этого суда. Конечно после такого публичного унижения о Старикову вытерли бы ноги все, кому не лень, включая тех, чьи надежды она похоронила в судах, но у неё никто не отобрал бы практику, она могла бы писать свои книжки, рисовать картины, заниматься с внучкой и, главное, просто жить.

Хельге не надо было слушать возражения Миры Евсеевны, которые она, в годами отработанной манере, разложив всё по полочкам, подкрепила и положениями закона, и доказательствами, потому что полный бред оснований заключения под стражу был очевиден и первокурснику юридического факультета, но результат постановления был предreshён и это понимали все, включая подсудимую, поэтому она и пришла в суд, уже собрав вещи для заключения.

Хельга завершила рассмотрение по существу и стремительно покинула зал заседаний, усиленно избегая направленных на неё взглядов.

В нарушение процессуальных норм, предписывающих удалиться в совещательную комнату для исполнения текста

постановления о замене мер пресечения Мире Стариковой, она вошла в кабинет председателя суда, который оказался пуст, и решительно уселась на стул, плюхнув тома уголовного дела на стол перед собой. Влетевшую за ней в кабинет Светлану Сергеевну Хельга попросила связаться с председателем и передать ему, что судья Симова не выйдет из его кабинета до исполнения известного ему условия, даже если ей придётся в нём поселиться.

Валерий Михайлович появился минут через тридцать и влетел в кабинет с широкой улыбкой на лице. Он с довольным видом развалился в рабочем кресле и, налив себе в стакан минералки, поднял его, как тостующий, громко возвестил:

– За нашу победу !– и залпом выпил содержимое, демонстративно занюхав рукавом, как будто махнул водки.

Хельга молчала, и председатель с удовольствием, смакуя детали, явно довольный собой, пересказал действие в кабинете мэра, куда он потребовал собрать начальников и руководителей подразделений, задействованных так или иначе в уголовном преследовании Миры Стариковой. Со слов Валерия Михайловича, озвучившего требование Хельги, только уже для себя, совещание напомнило заседание Совета безопасности Российской Федерации от 22 февраля 2022 года, правда, как господин Норышкин выступили все поголовно, потому что никто не желал ставить подпись под требованием заключить Миру Старикову под стражу, включая самого

затейника всей этой камарильи, как назвала суету вокруг неё сама теперь уже подсудимая, мэра Пузенко. Одно дело, когда о его заказе в своих роликах говорит живая Старикова, кто верит, а кто нет, а другое, когда в случае её смерти от преследования за правду, обнародуется документ, с фактическим требованием её убить с его подписью. На совещании прозвучали совсем крамольные мысли, что не известно, что ещё будет с властью завтра, дела-то совсем плохи, вдруг Старикова Мира в своих прогнозах права, и тогда я с них требую собственноручно каждого подписать себе любимому приговор. Короче, решено пока Старикову оставить на прежних мерах, а там видно будет. Иди, революционерка, отпуская старушку домой. Как там нас твоя подсудимая именует? Дворцом Кривосудия? Пусть так, по крайней мере хоть не гестапо.

Выскочив из лифта, Хельга опять натолкнулась на взгляд мужа Стариковой, который ждал жену в холле, потому что ещё не был допрошен в качестве свидетеля по делу и поэтому не мог находиться рядом с супругой. На этот раз он вдруг широко улыбнулся ей, видимо угадав по глазам, что всё будет хорошо, и она непроизвольно улыбнулась в ответ, пряча улыбку под медицинской маской.

Зачитав постановление, которое вызвало бурное возмущение надзирающего инспектора и недоумение на лице государственного обвинителя от прокуратуры, Хельга, проходя мимо подсудимой, заметила, что она достаёт из рабочего рюкзака крест на длинной цепочке и надевает его себе на

шею.

Уже находясь в своём кабинете, работая над очередным уголовным делом, Хельга услышала рассказ своего секретаря, что было в зале суда перед её возвращением из совещательной. Старикова подошла к мужу, и они обнялись, прощаясь, потому что судебный пристав, присутствовавший в зале суда, на вопрос подсудимой дадут ли ей проститься с мужем, который будет в фойе, ответил, что это решит конвой, но скорее всего нет, так как её поведут через зал, а не через фойе. Старикова попросила позвать мужа, и они простились сдержанно, но так нежно, что промолчали даже инспекторша с прокуроршей, слушательницы зашмыгали носами, а мужчины резко помрачнели. В зале повисла напряжённая тишина. Мира Евсеевна что-то тихо сказала сначала мужу, подтолкнув его к выходу, а потом одной из присутствующих дам, показав на рабочий рюкзачок и сняла с себя золотой крест на длинной цепочке и украшения с рук и из ушей, сложив всё в наружный карман рюкзачка и отодвинула его в сторону слушательницы.

– Я сначала не поняла, почему она сразу рюкзак не отдала мужу, а потом увидела, что она в него после заседания убрала ещё и диктофон, и телефон, лежавшие на столе до конца оглашения постановления. Да и не хотелось ей, видимо, без нательного креста ,лежащего рядом, слушать постановление о заключении под стражу, которое ждали все.

Меня, когда судья отправила собирать всех для оглаше-

ния, до слёз тронули их отношения с мужем. Мира Евсеевна, как в первый перерыв, почти лежала спиной на супруге, который её обхватил руками и что-то шептал на ухо. Вот, казалось бы, внешность никакая, один глаз и тот слепой, здоровья нет, посадят не сегодня, так завтра, могут и его привлечь, а он не только не уходит, а постоянно здесь и ролики помогает снимать, рискуя сам. Говорят, что он за Стариковой в Сибирь уехал с Украины в девяностые от молодой жены. Представляешь какая любовь бывает?

Дальше Хельга слушать не стала и, чтобы прекратить сплетни, громко закрыла дверь, от чего болтушки тут же примолкли, а Хельга вдруг явственно увидела взгляд, который не давал ей жизни несколько последних дней.

Теперь в нём явно что-то изменилось. Хельга решительно всмотрелась в воображаемый или, Бог знает как, материализовавшийся в её воображении взгляд Стариковой Миры Евсеевны. Сейчас в нём уже не было вынимающей душу жалости, пока не было. Старикова смотрела вопросительно, как бы интересуясь, что Хельга намерена делать дальше. Она устало опустилась в кресло и подумала с тоской, что это только первая отбитая атака, ведь мэр и его компания в покое не оставят ни Старикову, ни её, Симову Хельгу Борисовну, федерального судью холмского-5 Дворца Кривосудия и попытки сломать их «через колено» не прекратят.

За Старикову Хельга не переживала, половина суда перепевала уже её утреннее «А хрен дождётся!», а вот как ей

устоять и не дать слабину?

Хельга снова посмотрела прямо в глаз, услужливо проявленный кем-то или чем-то в её воображении, и попросила вслух:

– Поделитесь вашей уверенностью, нам обеим нужны силы, мне выстоять, а Вам выжить.